

Леонид ЕВСЕЕВ

ИМЯ В ИСТОРИИ

ЛЫХЕНКО

Знакомый и...
незнакомый

ЛЫХЕНКО. Знакомый и... незнакомый

Издание книги осуществлено по заказу генерального директора
ЗАО Зерновая Торговая Компания «ЦЕНТРХЛЕБ» Капустина Д.А. (г. Москва).

Автор выражает благодарность всем,
кто помогал в подготовке книги к изданию.

Стиль и орфография архивных документов
максимально соответствуют оригиналам.

Евсеев Л.С.

Лыхенко. Знакомый и... незнакомый. Очерки о характере человека.
Омск, Омскбланкиздат, 2009 г., 336 с., илл.

Книга «Лыхенко. Знакомый и... незнакомый» рассказывает о Заслуженном работнике сельского хозяйства Российской Федерации, генеральном директоре ОАО «Агрофирма «Екатеринославская» Омской области Лыхенко Николае Дмитриевиче, который на протяжении сорока семи лет успешно реализует свои идеи, направленные на повышение производительности сельскохозяйственного производства, улучшение социальных условий жизни селян.

Литературно-художественное исследование с привлечением документальных источников и средств публицистики показывает сложность формирования характера героя в непростых жизненных ситуациях.

Фото Л.С. Евсеева и из архивов Лыхенко Н.Д., Лыхенко С.А.,
Копыловой Л.Д., Лыхенко С.Д.

Дизайн, верстка, препресс Н.Г. Василевич

Корректор Л.В. Подковырова

ББК 4(2-2Ом)
ISBN 978-5-8042-0104-4

© Л.С. Евсеев, 2009
© Д.А. Капустин, 2009
© ООО «Омскбланкиздат», 2009

Николай Дмитриевич Лыхенко

Родился 27 мая 1939 года в селе Новознаменка Полтавского района
Омской области.

Окончил в 1962 году Омский государственный сельскохозяйственный
институт им. С.М. Кирова по специальности «учебный агроном»,
в 1980 году – аспирантуру этого института. Кандидат сельскохозяйственных наук.

С 1962 по 1970 год – главный агроном совхоза «Екатеринославский»
Шербакульского района, с 1970 по 1991 год – директор этого совхоза.

С 1991 по 1995 год – заместитель главы администрации (губернатора)
Омской области, начальник областного управления
сельского хозяйства и продовольствия.

С 1995 по 1997 год – директор ММБ, с 1997 года – генеральный директор
ОАО «Агрофирма «Екатеринославская».

Заслуженный работник сельского хозяйства России. Награжден орденами
Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалью «За трудовое отличие».

Отличник просвещения СССР и Российской Федерации.

Избирался депутатом Омского областного Совета.

Почетный гражданин Шербакульского района.

Награжден знаком «Менеджер года-2005».

Женат, имеет пятерых детей. Супруга – Светлана Алексеевна –
директор Екатеринославской средней школы.

**Не превращу себя в благую весть.
Страдание есть способность тел.
И человек есть испытатель боли.
Но то ли свой ему неведом, то ли её предел.**
И. Бродский

От автора

ДО БОЛИ СЕРДЕЧНОЙ

Как человеку и журналисту мне повезло в том, что я познакомился и поближе узнал Николая Дмитриевича Лыхенко, а когда обозначилось совпадение его и моих взглядов на многие стороны российской действительности, наше общение приобрело новое качество.

Каждая встреча с этим человеком открывала для меня все новые и новые грани его характера. Глубочайшие знания во многих отраслях науки, начитанность, живой интерес ко всему, что может быть интересным для разумного человека, точные и острые, иногда едкие характеристики явлений и людей присущи ему органически. Он непросто по характеру, как непросто было и остается время, ковавшее его характер. Он может обаять вас и спустя некоторое время бросить в пучину «хладных чувств», давая понять, что панибратства, фривольностей, эгоизма и некомпетентности он не потерпит. Строгий и ответственный руководитель, он в то же время - любящий муж и отец. На его плечах и плечах супруги зиждется большая семья.

Казалось бы, за время нашего знакомства я узнал достаточно Николая Дмитриевича. Иногда мы ссорились «в сердцах», но подходило очередное Прощеное воскресенье перед Великим постом, и мы просили друг у друга прощения, как это было заведено на Руси задолго до нас. Словом, известный он человек для меня и для многих, но и в то же время... неизвестный, иногда непредсказуемый. Вынашивает какую-либо идею и выдает ее «на гора», ошеломляя нестандартностью подходов. Не раз у меня возникало ощущение, что он давно вырос из костюма директора, ему нужен простор для глобальных преобразований, но судьбу и время не выбирают.

Выдающимся людям в Японии присваивают звание «Национальное достояние». В России такого звания нет, то ли потому, что у нас множество талантливых людей, то ли потому, что мы так и не научились дорожить ими.

Когда-то один из, ныне уже покойных, партийных руководителей в порыве откровенности сказал Лыхенко:

- Вы не наш человек! Если бы у вас в хозяйстве дела не шли, духу бы вашего здесь давно не было! И звание Героя тебе не видать!

Имелось в виду звание Героя Социалистического Труда. Увы, высокое звание это присваивали чаще по разнарядке, по указке партийных органов и порой, неведомыми путями звание это присваивалось не по заслугам. Тем, кто был трижды его достоин, но попадал в опалу, звание не давали. Достаточно первому секретарю райкома партии было сказать: «Нет!».

Что же вкладывалось в слова «Ты не наш!». Послушаем самого Лыхенко:

- Я не умел «мягко стелить», не накрывал пышных застолий, не угождал. На райкомовских пленумах выступал, как говорится, «не в струю», а это не приветствовалось. Система не любила людей с независимым мышлением...

К слову сказать, Николай Дмитриевич долго помогал тому постаревшему партийцу, оказавшемуся не у дел.

Да, по духу своему, по образу мышления Николай Дмитриевич и на самом деле не вписывается в образ «красного директора». Тогдашние власти каким-то чутьем распознавали его «ненашесть». Это я считаю драмой Николая Дмитриевича.

Глубоко в душе он – потомок раскулаченных крестьян, потомок расстрелянного деда, презирал систему, мелочно опекавшую деятельность директора совхоза, определявшую, сколько и чего сеять, кому и как говорить. Его презрение не выходило дальше кулуарных разговоров, иногда оно на собраниях и совещаниях облекалось в дипломатические одежды. Он от души смеялся над анекдотами, высмеивающими командно-административную систему, но бороться с системой предпочитал эволюционным путем, доказывая, что можно сделать гораздо лучше, если работать по науке и по совести. У него и не было времени на борьбу в стиле диссидентов, да и не собирался он присваивать лавры борца с системой, так как умом аналитика понимал, что просуществует она недолго, но, даже для него, распад СССР произошел слишком быстро, и слишком быстро сельское хозяйство России оказалось в свободном плавании по волнам рыночных реформ. «Иных уж нет, а те – далече». Канули в небытие тысячи российских коллективных предприятий, разорились, обанкротились. То там, то здесь быльем порастает

«...В девяностые годы, когда рухнула вся система бывших приоритетов, Лыхенко выстоял. Новое время, которое неумолимо работало против сельян, сбавило в «Екатеринославском» свои разрушительные обороты. Но для этого, там снова должен был появиться прежний директор с его энергией, опытом, организационным талантом».

Сергей МАНЯКИН
Из книги «Сибирь далекая и близкая»

пашня, но не у Лыхенко. Ценой невероятных, нечеловеческих усилий держит он хозяйство. Прагматиком из «Екатеринославского» назвал его Сергей Иосифович Манякин – бывший первый секретарь Омского обкома партии. И не ошибся! «Мой житейский опыт подтверждает, пишет он в своей книге «Сибирь далекая и близкая», – что если у человека на плечах толковая голова, если у него есть воля, чтобы не согнуться под натиском обстоятельств, если он энергичен, инициативен и по хорошему предприимчив, он не пропадет ни при каких житейских или общественных передрягах». Это и о Лыхенко тоже.

На столе генерального директора всегда можно встретить специализированные журналы. Однажды, во время очередного приезда в Екатеринославку, я застал Николая Дмитриевича за чтением журнала «Агроэксперт». Оторвавшись от статьи, он, с присущими ему эмоциями и искорками в глазах, воскликнул:

- Представляете! В Подмосковье построена новейшая ферма по американскому образцу. В самих США таких ферм всего 5 процентов. Ферма – это паутина металлоконструкций, накрытых специальным полиэтиленом, две доярки доят 460 коров, а у нас на 120 коров надо шесть доярок. Вот вам и производительность труда!

Производительность труда – большая, беспокойная тема для Лыхенко. На мой вопрос удовлетворен ли он результатами своего труда, что считает главным для себя, он, подумав, ответил:

- Тут смотря что понимать под главным. У меня не проходит чувство глубокого неудовлетворения. Можно сказать, что я всю жизнь, все 47 лет работы недоволен тем, что мы делаем, а за последние годы чувство неудовлетворения усилилось еще больше. Почему? Потому что появилась возможность сравнивать производство с лучшими мировыми аналогами. Я сожалею, что не успею создать такое предприятие, о котором я мечтаю, которое бы на равных соревновалось с лучшими западными предприятиями.

- Почему не успеете?
- Психология людей не готова воспринять новое. Можно приобрести суперсовременную технику, но с нашей психологией результат будет не тот, который ожидаешь. Поколения два должно смениться, пока мы станем готовы. Мы сейчас создаем предпосылки для этого.

- Может дело в русском менталитете?
- Да нет. Этот менталитет присущ всем, живущим в странах СНГ. Нас долго приучали к мысли, что мы самые лучшие, самые передовые, что у нас все хорошо. Да, были отрасли, к примеру, космос, где мы опережали всех, но сколь много вокруг требовало других подходов! Усыпление какое-то происходило.

- Но сейчас-то свобода действий.
- Да уж свобода, особенно в воспитании человека! Государство полностью устранилось от этого процесса. Посмотрите, что происхо-

дит на телевидении?! Раствление молодежи. Да, согласен, телевидение должно зарабатывать деньги, но государство могло предложить свои деньги в обмен на то, что ТВ перестанет развращать людей. Многие ли смотрят канал «Культура»? У некоторых нет для этого возможностей. Я был в США и могу сказать, что слишком вольные передачи ТВ отнесены там на несмотрибельное время и идут по кабельным каналам.

- Однако пуританская мораль США в Ираке дала сбой.

- А я и не защищаю США. Как раз этот факт подтверждает мой тезис о том, что всякое государство должно заниматься воспитанием молодежи.

- Странно, что накануне вашего юбилея, мы говорим о проблемах воспитания молодежи.

- С нее все начинается.

В этом Николай Дмитриевич верен себе. Он помогал и помогает школе, помогает Шербакульскому Свято-Успенскому приходу, Кудук-Чиликской мечети, помогает людям обрести себя. Семь лет назад, в день святителя Николая Угодника, крестился. Потребность в духовном труде души с возрастом становится больше. Перечитывает Ветхий Завет. И это тоже эволюция, эволюция человека, не стоящего на месте, не закостеневшего.

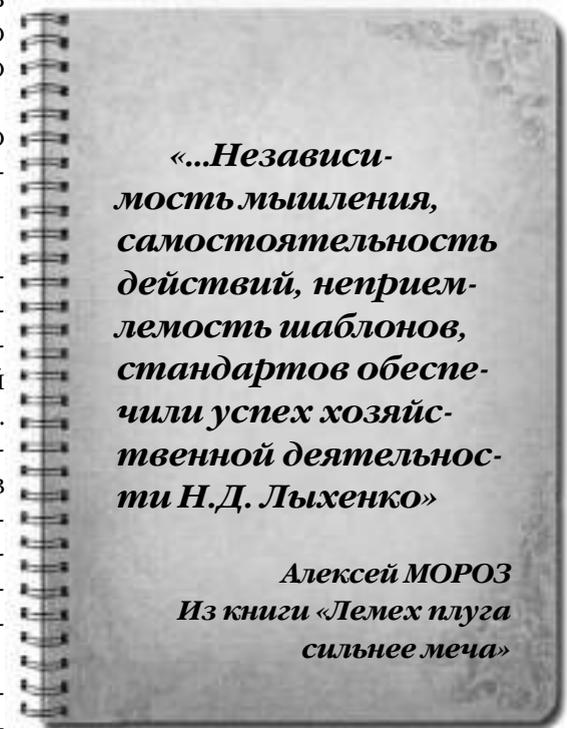
Его память вмещает тысячи фактов, имен, событий. За годы работы в командировках «намотал» сотни тысяч километров. Обладая даром журналиста и публициста, написал замечательную главу для книги «Быль о сибирском селе», изданную при его попечении, поддержке Светланы Алиевны и моими скромными трудами. Книга стала лауреатом Всероссийского конкурса «Малая Родина» в 2007 году и Международного журналистского фестиваля в 2008 г.

Супруга Николая Дмитриевича Светлана Алиевна подарила мужу настольную лампу, которая ему понравилась, и домашний кабинет ждет вечерами своего хозяина, но в шесть вечера у него очередная планерка.

Он будет работать в субботу и в воскресенье, будет думать о том, как увеличить продуктивность, рентабельность, как не упустить хорошего специалиста, которого направил работать на ферму:

- Молодец, парень! Не побоялся.

Специалист теперь ходит в главных. Главным с директором работает и легко, и трудно. Прощая многое, он не прощает лени, пустозвонс-

тва. Заданный им ритм работы выдерживают не все, но прошедшие «школу Лыхенко» сами становятся преуспевающими руководителями.

Третьего ноября 1962 года он впервые ступил на екатеринославскую землю:

- Как сейчас помню раннее, холодное и бесснежное утро, когда я, бывший почвовед Омской Землеустроительной экспедиции (пять месяцев работы после окончания ОмСХИ), шагнул в контору совхоза «Екатеринославский». Несколько деталей, запомнившихся в то самое утро до конца жизни. Страшно исковырянная копытами скота, тракторами и автомобилями улица села Екатеринославка с замерзшими за ночь глыбами грязи до такого состояния, что каждый шаг надо было выбирать, дымящиеся печи приземистых землянок со слегка покатыми двухскатными дерновыми крышами, несколько по тем временам приличных домиков, построенных уже совхозом.

На подходе к конторе вместе с директором совхоза Голиком Петром Ивановичем (встреча чисто случайная) шагнули по валяющемуся на земле и вмерзшему в грязь ветхому штакетному забору и, пропустив вперёд директора, я, согнувшись, нырнул в низкий проем дверей некогда добротного, а теперь обветшавшего, осевшего, но все еще красовавшегося крытой ржавым железом крышей, саманного дома. Это была бывшая контора МТС, а теперь совхоза, и как установил позже, дом этот некогда принадлежал «справному» крестьянину, раскулаченному, высланному и сгинувшему вместе с семьей в горниле становления советской власти.

Назначенный за сутки до этого приказом Москаленского (Шербакульский район был упразднен) районного управления сельского хозяйства главным агрономом совхоза «Екатеринославский», не мог я тогда и во сне предположить, что проведу, за небольшим исключением, здесь всю свою жизнь, и что настанет время, когда мы, утратив чувство хозяина на земле, вынуждены будем вспомнить «справных» крестьян в мучительных поисках выхода из тисков никем не регулируемых рыночных объятий.

Спустя некоторое время, он узнает, что под здание конторы приспособили дом когда-то раскулаченного крестьянина Разумного. Символизм этого факта более чем прозрачен: тысячи разумных, в том числе и из рода Лыхенко, канули в небытие. Но воистину неисчерпаема земля русская разумными, коль встречались на пути молодого агронома такие люди, как директор совхоза «Екатеринославский» Петр Голик, агроном Петр Чугунов, секретарь парткома Владимир Жаринов, первый секретарь Шербакульского райкома партии Иван Дроздов, начальник Шербакульского управления сельского хозяйства Алексей Мороз, ставший впоследствии заслуженным агрономом Российской Федерации, профессор Антонина Гулева и многие другие. На его глазах крепили трудовые династии Фишер, Гейнц, Вильгельм, Руди, Лейн-

вебер, Зюликовых, которых он до боли сердечной ценит и уважает.

Он не жалел себя. Если нужно было готовить маточный раствор из порошка натриевой соли для уничтожения сорняков с воздуха, а самолеты не могли ждать, он сам раздевался по пояс, и, погрузив руки в раствор по плечи, разминал куски гербицида, задыхаясь от невыносимой химической вони.

- Зачем, Николай Дмитриевич?

- Путь от 7-8 центнеров до 18-ти и более стоил и стоит моих болячек.

Господи, да кому нужны теперь его болячки, кроме него самого и родных?! Кто помнит теперь о тех днях, когда здоровье казалось неисчерпаемым?!

Жизнь готовила удар за ударом. Было овцеводство: 25 тысяч овец, одни из первых мест в СССР по настригу шерсти, тончайшая селекционная работа, и враз все рухнуло. Но не таков Лыхенко, чтобы, растерявшись, идти на поводу обстоятельств. Он сам – обстоятельство, которое меняет жизнь.

После работы в Омске на должности заместителя главы администрации (губернатора) и начальника областного управления сельского хозяйства и продовольствия в 1997 году вернулся в свое хозяйство, застав его не в лучшем состоянии. Изучив обстановку, произнес:

- Теперь это шестой ребенок в моей семье, самый маленький, самый беспомощный, а в силу этого, наверное, и самый любимый.

Выстоял его «ребенок» и не только выстоял, но и успешно на зависть другим развивается.

Всему свои истоки... Его известность, его характер зарождались в бурное, меняющееся время в большой трудовой и дружной семье, согреваемой теплом отцовской заботы и материнской ласки, не выставленной напоказ.

Леонид Евсеев

«... Подлинным маяком в степи стал совхоз «Екатеринославский» Шербакульского района во главе с талантливым руководителем Н.Д. Лыхенко»

Александр КОЛЕСНИКОВ, историк, профессор

МИССИЯ АГРОФИРМЫ

Идея выпустить книгу о генеральном директоре агрофирмы «Екатеринославская» Николае Дмитриевиче Лыхенко принадлежит москвичу Дмитрию Александровичу Капустину. Во время очередного приезда из первопрестольной в Екатеринославку он отозвал меня в сторонку и сказал:

- У Николая Дмитриевича скоро юбилей. Хотелось бы подарить что-то особенное, может быть, книгу?

- Какую? – спросил я, полагая, что речь пойдет о каком-то дорогом и эксклюзивном издании.

- Книгу, которую напишите Вы, – на полном серьезе произнес Дмитрий Александрович.

- ???

- Да, да, я не шучу. Николай Дмитриевич – личность известная, интересная. Ну что, беретесь?

И я согласился. Согласился потому, что для меня Лыхенко – это все равно, что не полностью исследованный материк. Известный и неизвестный. Каждый раз при новой встрече с ним я открывал новые стороны его сложного характера, новые черточки, новые грани. Эта книга – не роман и не повесть, а скорее историко-литературное, публицистическое исследование характера Человека с большой буквы. Мне так же было интересно узнать мотивы решения Дмитрия Александровича.

- **Когда же Вы встретились впервые с Николаем Дмитриевичем?** – спросил я Дмитрия Александровича.

- К моменту первой встречи я уже знал Лыхенко по рассказам, как сильного руководителя-хозяйственника, сумевшего еще в советские времена добиться успеха в организации сельскохозяйственного производства, благодаря чему совхоз «Екатеринославский» стал одним из лучших хозяйств Омской области, а Николаю Дмитриевичу губернатор Л.К. Полежаев доверил руководить агропромышленным комплексом области в должности главы областного управления сельского хозяйства и своего заместителя.

Николай Дмитриевич уже тогда произвел на меня впечатление серьезного, вдумчивого руководителя, человека, внушающего доверие. Удивила необычайная живость его ума, проявляющаяся в правильности речи, логичности построения фраз, четкости формулировок.

Неординарность личности Николая Дмитриевича открылась мне несколько позже. Более тесно мы стали общаться, после того как он вернулся в Екатеринославку. Постепенно между нами сформировались доверительные отношения, построенные на фундаменте схожего восприятия основных ценностей, вылившиеся позже в духовную близость. Я очень благодарен Николаю Дмитриевичу. У этого человека есть, чему поучиться! Первые годы нашего делового общения открыли мне Лыхенко, как че-

ловека, ведущего бизнес честно. Если Лыхенко дал слово, можно не беспокоиться. Все обещанное будет четко выполнено, качественно и в срок. Значительно позже я узнал, как нелегко порой приходится Николаю Дмитриевичу поддерживать это реноме. Но это видят не многие.

Я спросил как-то Николая Дмитриевича, в чем же заключается секрет его успеха. «Труд, Дима, кропотливый каждодневный труд, лежит в основе любого успеха», – ответил он. Если так, то Лыхенко свой успех заслужил с лихвой. Удивительно, насколько этот человек заряжен энергией, сколько в нем заключено жизненных сил!

Он трудится много, трудится для людей. Может в этом и есть источник его вдохновения? Он нужен семье, близким, нужен работникам агрофирмы, нужен людям. И каждому он сделал что-то хорошее, сделал от души, сделал просто потому, что привык так жить, используя свой талант для блага окружающих его людей! И люди ему благодарны, они доверяют ему.

Не ко всем Лыхенко одинаково добр. Он бывает жестким, непримиримым. В этом проявляется другое его важнейшее качество – справедливость. Не терпит он коварства, ханжества, лжи, очковтирательства, презирает бездельников. Неумная жажда справедливости, помноженная на его откровенность и искренность, может повергнуть в шок собеседника, независимо от его ранга.

При этом Николай Дмитриевич обладает очень высоким уровнем чувства человеческого достоинства, не теряет его сам и стремится воспитать это чувство в людях, с которыми его свела судьба. Этому посвящена его жизнь.

Думаю, секрет успеха Николая Дмитриевича в цельности его личности. Эта цельность в сплочении его благородных человеческих качеств. Эта цельность и делает его неординарным человеком.

Откуда все это в Николае Дмитриевиче? Думаю, что книга под авторством лауреата Всероссийского конкурса «Малая Родина» и лауреата Международного фестиваля «Дагомыс-2008» Леонида Евсеева расскажет о нем знакомом и в то же время незнакомом.

- **За годы истории сложилось такое понятие, как сибиряк. Сибиряк – значит крепкий, сильный духом. Какими были**

**Дмитрий Александрович
КАПУСТИН,
председатель Совета
директоров агрофирмы
«Екатеринославская»**

Ваши представления о Сибири и сибиряках? Оправдались ли они?

- В Сибири до этого я ни разу не был. О сибиряках у меня было представление, как о людях волевых, закаленных суровыми климатическими условиями и трудными условиями жизни, что в целом и подтвердилось в дальнейшем при моем общении с сибиряками.

- Сегодня российское село переживает непростые времена, сибирская деревня тоже не исключение, проблемы наслаиваются одна на другую. Что можно и должно сделать для поддержки села?

- Для поддержки сельского хозяйства необходимы инвестиции в восстановление и развитие социальной и производственной инфраструктуры. Развитие инфраструктуры села – задача государства.

При государственном регулировании сельскохозяйственного производства основная задача, на мой взгляд, – выравнивание конкурентных условий производства с условиями других стран. Уровень финансовой поддержки должен быть сопоставим со странами-конкурентами.

Понимание этого в правительстве Путина есть, в последние годы вектор мер по поддержке сельского хозяйства в нашей стране вызывает некоторый оптимизм. Текущая поддержка должна давать наибольший и скорейший экономический эффект. Поэтому должны поддерживаться наиболее эффективные предприятия и проекты.

Со стратегической поддержкой вопрос более сложный. Должна быть цепочка – приоритетные цели – организация и обеспечение ресурсами – контроль. У нас эта цепочка пока сбоит на всех трех звеньях. Но опять же, вектор принят – государственная программа развития – это шаг вперед.

В связи с обширностью российских территорий и большими различиями в условиях сельхозпроизводства, необходим дифференцированный подход в поддержке сельского хозяйства по регионам со стороны федеральных властей. Причем нельзя оперировать лишь экономическими категориями прибыльности в рассуждениях о финансовой поддержке. К примеру, с моей точки зрения, сельское хозяйство в Сибири помимо производственной выполняет и геополитическую функцию – контроль и развитие территорий.

- Какие, на Ваш взгляд, перспективы у агрофирмы «Екатеринославской»?

- Перспективы развития агрофирмы определены на последнем собрании агрофирмы весной 2008 года. Они будут существенно скорректированы во времени в связи с засухой 2008 года и финансовым кризисом, которые заставили руководство агрофирмы в текущем году сконцентрироваться над задачей поддержания текущей ликвидности предприятия. Однако, перспектива только в развитии. Итак, видение перспективы состоит в том, что в идеале мы должны через 8 лет иметь:

- организацию, обеспеченную кадрами высокого профессионального уровня;
- самообучающуюся организацию;
- поддержку наших проектов в областной администрации;
- отрасль растениеводства, оснащенную современной техникой, освоившую современные технологии земледелия;
- реконструированную МТФ;
- улучшенные показатели племзавода;
- современный свинокомплекс на 20000 голов годового оборота;
- реконструированный молзавод, утроивший объем переработки;
- реконструированный цех полуфабрикатов, увеличивший объем переработки на порядок;
- построенные новые перерабатывающие производства (подсолнечник, пшеница);
- эффективную службу маркетинга.

- В чем заключается миссия агрофирмы, как крупного хозяйства?

- Буду краток.

Итак, миссия ОАО «Агрофирма «Екатеринославская»:

Мы работаем для того, чтобы обеспечить селянам – достаток и блага жизни горожан, а горожанам – доступность наслаждения вкусом высококачественных, натуральных и свежих сельских продуктов.

Наш опыт, применение передовых технологий, ответственность в бизнесе, непрерывное совершенствование каждого работника и каждого производственного процесса обеспечивают доходность инвестиций акционерам и постоянным партнерам, стабильный доход и сохранение плодородия владельцам земли.

Дмитрий Александрович Капустин родился в Москве, учился в МАИ (Московский авиационный институт) по специальности «инженер-электромеханик систем оснащения летательных аппаратов», затем учился на экономическом факультете МСХА им. Тимирязева, а недавно – в марте 2008 года – получил степень МВА (мастер бизнес-администрирования) со специализацией «Агробизнес» по совместной программе Тимирязевской академии и Санкт-Петербургского международного института менеджмента (ИМИСП).

Женат, в семье растут дочь и сын.

В настоящее время возглавляет зерновую компанию «Центр-хлеб», которая занимается оптовой торговлей зерном. Дмитрий Александрович – председатель Совета директоров ОАО «Агрофирма «Екатеринославская».

«Как Бог до людей, так отец до детей»
Народная пословица

ОТЦОВСКАЯ КРОВЬ

Говорят, что у человека одна родина. Правильно говорят! Одна родина и у Николая Дмитриевича Лыхенко – Россия, но чудесным образом в его сознании понятие родины складывается из четырех прародин: на земле первой – в украинском селе Таужна родился его отец – Дмитрий Александрович, на земле второй – в селе Куричевка Харьковской губернии родилась его мать – Анастасия Емельяновна, на земле третьей, в деревне Новознаменка Полтавского района Омской области в 1939 году родился он сам, на земле четвертой – в деревне Георгиевка того же Полтавского района он получал свои первые уроки жизни. Все свои «родины» Николай Дмитриевич любит и хранит тепло этой любви в своем сердце.

Отец Николая Дмитриевича – Лыхенко Дмитрий Александрович родился в селе Таужна (Таужне) вначале Грушковского, а затем Гайворонского района Одесской области (после Кировградской) Украинской ССР в 1901 году в семье крестьян-бедняков, ведущих, как говорят местные жители, родословную от казаков. То ли через Таужну шли пути в Запорожскую Сич, то ли обратно те пути пролегали, только, когда Таужну основали, о Сичи остались одни воспоминания, да сколько было тех Сичей! Говорят ученые мужи, что было их за два с половиною века восемь. В каждой вновь принятого сичевика нарекали новым именем: Не-Ридай-мене-мати, Шмат, Лисиця, Не-пий-пиво, Не-пий-вода, Не-пой-рано. Потом появлялись фамилии: Шматов. Лисицин, Непейвода, Добрывечер, Непойранов.

Однажды в Сич пришел вольный, бравый человек. Его по обычаю спросили:

- Во Христа веруешь?
- Верую!
- И в Троицу святую веруешь?
- Верую!
- И в церковь ходишь?
- Хожу!
- А ну перекрестись!

Вольный человек перекрестился, и кошевой дал ему имя – Лихой. От имени того и пошла фамилия Лыхенко, которая со временем трансформировалась в Лыхенко. Говорят, что тот казак и впрямь лихой был, сложил свою голову на бранном поле.

Бандурове, Березівка, Берестяги, Бугове, Вікнина, Вільховецьке, Долинівка, Жакчик, Жовтневе, Казавчин, Котовка, Могильне, Мощене, Орджонікідзе, Переямпіль, Прогресс, Солгутове, Соломія, Таужне, Ташлик, Тополі, Тракт... это все деревни и села, составляющие окрестности Таужны, названия которых звучали и звучат поныне на украинском языке.

А вот еще одна история происхождения фамилии «Лыхенко». Сказывают, давно это было, не так давно, когда люди не знали, а так давно, что уже никто и не помнит. Пришло время одной молодой рожать и застало ее не где-нибудь, а в бане. Пригласили повитуху. Та стала все приготавливать к родам, готовить, а сама заговоры да молитвы читает. Приспело время родов, а молодуха кричит: «Ой, лыхенько мне, ой, лыхенько! Родился мальчик, да такой ятный, что глаз не отвести. Повитуха его в холстину завернула и было собралась роженице отдать, а, глядь, стоит посреди бани человек черен лицом. Повитуха спросила:

- Кто ты?
- Я – Лихо-Лыхенько-Злая Доля.
- Зачем пришло?
- Молодуха звала.
- Чего хочешь?
- Мальчика.

Повитуха задумалась. Жалко ей было мальчика отдавать, и решила она Лихо обмануть. Незаметно для него завернула веник в тряпицу, пошептала над веником, и тот запищал человеческим голосом. Подает повитуха «младенчика» с поклоном Лиху. Оно унесло обманку с собой, но через некоторое время Лихо снова прискакало к повитухе:

- Ты обманула меня! А за обман я накажу тебя и младенца.
- Тогда повитуха сказала Лиху:
- Меня наказывай, но только в банную печь не бросай, а младенца не тронь, не виновато дитя!
- И сказало Лихо:
- Повитуха! За то, что ты меня обманула, полезай в банную печь!

Сестра отца Евдокия КОБЕЦ
с внучкой Аней. Село Таужна

Повитуха полезла в печь и заслонку за собой закрыла. А Лихо дальше говорит:

- Младенец даст начало роду Лихенько. Будут в этом роду лихие молодцы-удальцы проворными, смелыми, решительными, наперекор идти будут, но Лихо в роду этом будут помнить до конца своих дней!

Сказало так Лихо и в лес ускакало на кривой коряге.

А повитуха из печи вылезла живая-невредимая, так как печь была протоплена и остыла. Отряхнулася повитуха и пошла по своим делам.

С тех времен и живет род Лыхенко. Мягкий знак в фамилии потерялся, украинская «и» сменилась на русское «ы» в незапамятные времена. То ли священник, при крещении очередного отпрыска из рода Лыхенко, толком не расслышал, то ли кто под руку его толкнул, только вместо «Лихенько» он записал «Лыхенко». Посмотрел, крякнул и сказал:

- Так тому и быть!

В лыхенковском роду много всего было: и радости, и лиха. По сей день живет этот род на земле, по сей день трудится и несет свой крест.

А вот так эта народная присказка звучит на украинском языке, родном языке Николая Дмитриевича, кстати, который он неплохо знает. Мне на украинском больше нравится. Колорит имеется.

Звідки сталося прізвище «Лихенко»? Кажуть, давно це було, не так давно, коли люди не знали, а як давно вже ніхто і не пам'ятає. Прийшов час одній молодухе народжувати і застало її не де нібудь, а в лазні. Запросили повитуху. Та стала все готувати до пологів, готує, а сама змови, та молитви читає. Пристиглий час пологів, а молодуха кричить: «Ой, лихенько мені, ой, лихенько! Народився мальчик, та такий ятний, що око не відвести. Повитуха його в полотнину загорнула і було собралася породіллі віддати, а, зирк, варто посеред лазні чоловік чорний особою. Повитуха запитала:

- Хто ти?

- Я – Лихо – Лихенько – Зла Доля.

- Навіщо прийшло?

- Молодуха звала.

- Чого хочеш?

- Хлопчика.

Повитуха задумалася. Жалко нею було хлопчика віддавати і вирішила вона Лихо обдурити. Непомітно для нього загорнула віник в ганчірочку, пошептала над віником, і той запищав людським голосом. Подає повитуха «дитинчати» з уклоном Лиху. Воно понесло обманку з собою, але через деякий час Лихо знову прискакало до повитухи:

- Ти обдурила мене! А за обман я покараю тебе і немовляти.

Тоді повитуха сказала Лиху: – Мене карай, але лише в банну піч не кидай, а немовляти не чіпай, не винне дитя!

І сказало Лихо:

- Повитуха! За те, що ти мене обдурила, лизь в банну піч!

Повитуха полізла в піч і заслінку за собою закрыла.

А Лихо далі говорить:

- Немовлядасть початок роду Лихенько. Будуть в цьому роду відважні молодці – молодці, моторними, сміливими, рішучими, наперекір йти будуть, але Лихо в роду цьому пам'ятатимуть до кінця своїх днів!

Сказало так Лихо і в ліс поскакало на кривому корчу. А повитуха з печі вилізла жива – неушкоджена, оскільки пекти була протоплена і остигнула. Обтрисилася повитуха і пішла по своїх справах.

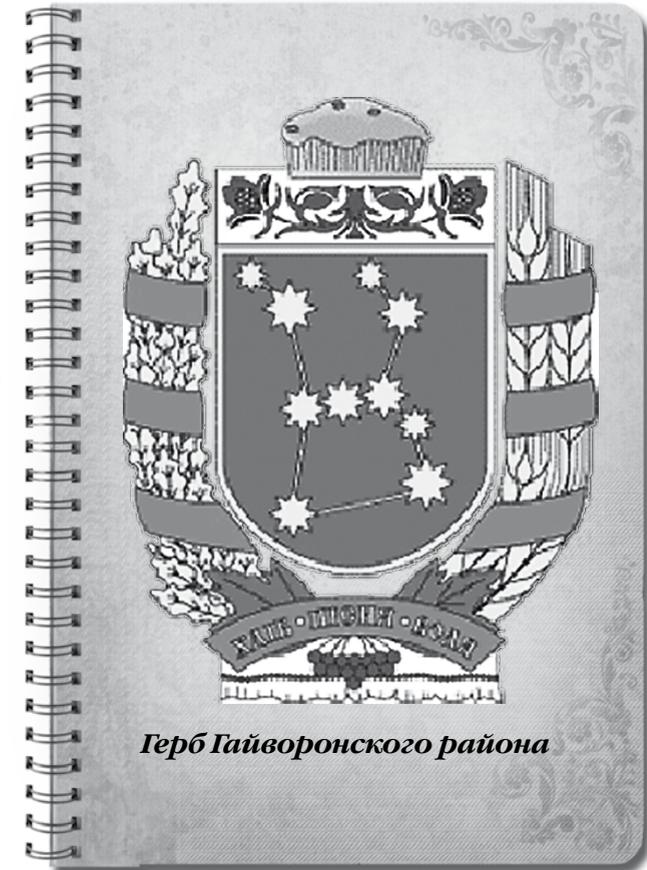
З тих часів і живе рід Лихенко. М'який знак в прізвищі загубився у вікопомні часи. Чи то священник толком не розчув, чи то хто під руку штовхнув, лише вместо «Лихенько» він записав «Лыхенко». Поглянув, крякнув і сказав:

- Так тому і бути!

У лыхенковському роду багато всього було: і радощі, і ліху. До цього дня живе цей рід на землі і до цього дня труждається і несе свій хрест.

Что же это за село такое – Таужна? Собиралися Николай Дмитриевич съездить туда, да все недоставало времени. Попробуем мысленно оглядеть это село, откуда фамилия Лыхенко пошла по белу свету.

Село Таужна Гайворонского района — центр сельского Совета, расположенное за 24 км к востоку от районного центра и за 4 км от железнодорожной станции Таужне. Население — 3514 человек. Сельсовету подчинены населенные пункты Тракт, Красные Маяки. В Таужном была размещена центральная усадьба колхоза им. 10-летия Октября, который специализируется на откорме свиней. Сельскохозяйственные угодья хозяйства — 5897 гектаров, в т.ч. 4755 гектаров пахотной земли. Выращиваются зерновые и технические культуры, в частности, пшеница, сахарная свекла. За трудовые успехи 18 передовиков награжда-

Герб Гайворонского района

дены правительственными наградами. Ордена Ленина удостоена агроном О.Т. Белоус, ордена Октябрьской Революции звеньевая О.К. Скрипник. В средней школе 45 учителей учат 585 детей. Есть Дом культуры, три библиотеки с книжным фондом 22 тысячи экземпляров, детский сад, фельдшерско-акушерский пункт, столовая, 4 магазина, дом быта, почтовое отделение, сберегательная касса. Работает народный музей. В советские годы две сельские партийные организации объединяли 86 коммунистов, две комсомольские организации – 236 членов ВЛКСМ.

Таужна возникла во второй половине XVIII столетия. В конце 1918 года в Таужне была провозглашена Советская власть и создан ревком.

В смутное время пришлось постигать науку жизни молодому Дмитрию Лыхенко.

На территории нынешней Украины в 1917–1920 годах существовали 16 самопровозглашённых государственных образований. Чтобы было понятно, немного истории.

После Февральской революции 17 марта 1917 года в Киеве по инициативе Товарищества украинских прогрессистов при участии политических партий, военных, рабочих, духовенства, кооператоров, студентов, общественных и культурных организаций была создана Центральная рада. Её главой заочно был избран профессор М. Грушевский, которого временно заменял В. Науменко. Значительную часть членов Рады составляли эсеры и меньшевики.

Центральная Рада начала переговоры с Временным правительством России относительно условий вхождения Украины в демократическую Российскую Республику на правах широкой автономии. Однако эти переговоры были прерваны Октябрьской революцией в Петрограде, в результате которой власть в России взяли большевики. В конце октября — начале ноября 1917 г. большевики Донбасса взяли власть в Луганске, Макеевке, Горловке, Краматорске. Центральная Рада 7 (20) ноября 1917 г. провозгласила Украинскую Народную Республику.

Для распространения своего влияния на южные губернии и Дон, находящийся под контролем атамана Каледина, правительство большевиков создаёт Южный революционный фронт под командованием А.И. Антонова-Овсеенко. В первой половине декабря 1917 г. отряды Антонова-Овсеенко заняли район Харькова. 24–25 декабря 1917 г. Всеукраинский съезд Советов в Харькове провозгласил Украину Республикой Советов и избрал Советское правительство Украины. В декабре 1917 — январе 1918 г. на Украине развернулась вооруженная борьба за установление Советской власти. В результате боевых действий войска Центральной рады были разбиты, и большевики взяли власть в Екатеринославе, в Полтаве, Кременчуге, Елизаветграде, Николаеве, Херсо-

не и других городах. В селе Таужна кипели нешуточные страсти: сельское общество разделилось на непримиримые лагеря. Беднота сочувствовала большевикам и агитировала вступать в Красную Армию, зажиточные большевикам не сочувствовали и пока помалкивали, но потихоньку собирали оружие «на усякий случай». Дмитрий Лыхенко попал в агитаторы за «красных». Вскоре он и сам записался в Красную Армию. А события между тем развивались с ускоренной силой, втягивая в свой водоворот все слои населения. Отсидеться удавалось мало кому.

Большевистское правительство России объявило Центральной Раде ультиматум с требованием силой остановить русских казаков и офицеров, следовавших через Украину на Дон. В случае выполнения требований ультиматума Украина оказалась бы втянутой в гражданскую войну в России. В ответ на ультиматум Центральная Рада 25 января 1918 своим IV Универсалом объявила о выходе из состава России и о государственной независимости Украины.

8 февраля 1918 г. красными войсками под командованием левого эсера М.А. Муравьёва был взят Киев. Затем Муравьев взял с города крупную контрибуцию и двинулся дальше — на Одессу.

В феврале Советская власть утвердилась по всей Украине. Однако в конце февраля — апреле 1918 г. Украина была оккупирована немецкими войсками, и Советская власть прекратила существование на Украине до ноября — декабря 1918 г.

В обстановке начавшейся военной интервенции Германии Центральная Рада послала свою делегацию на переговоры в Брест-Литовск. Не дожидаясь окончания общих переговоров, 9 февраля 1918 г. делегация УНР подписала с Германией сепаратный договор и обратилась с просьбой направить свои войска для защиты от большевистских сил. Немцы ввели свои войска на Украину.

**Прадед (в центре)
Платон Григорьевич СМЕШЛИВЫЙ**

29 апреля 1918 г. при поддержке Германии на Украине произошёл государственный переворот, в результате которого на смену социалистам Центральной Рады к власти пришёл П.П. Скоропадский — бывший генерал-лейтенант царской армии. На «съезде хлеборобов» Скоропадский был избран гетманом Украины. Было принято новое название страны — Украинская держава (Українська Держава). После окончания Первой мировой войны и последовавшей революции в Германии правительство Скоропадского лишилось поддержки немцев и было свергнуто восстанием под командованием С.В. Петлюры. 14 декабря 1918 года была восстановлена Украинская Народная Республика во главе с В.К. Винниченко.

К февралю 1919 года всю полноту власти в Украинской Народной Республике сосредоточил в своих руках С.В. Петлюра. В феврале 1919 года Директория была изгнана из Киева войсками украинской Красной Армии. 6 февраля 1919 года состоялось первое легальное заседание Киевского Совета рабочих депутатов, на котором был избран новый состав исполкома, председателем которого стал А.С. Бубнов.

10 марта 1919 г., в разгар гражданской войны, большевиками была провозглашена самостоятельная Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР; первоначально Украинская Социалистическая Советская Республика) со столицей в Харькове, находящаяся в военном союзе с РСФСР. При этом в состав УССР были включены не только южные губернии (Новороссия), но и западная часть бывшей Области Войска Донского, ликвидированной большевиками. Таврическая губерния отошла к РСФСР.

Во время военных действий территории южных губерний неоднократно переходили из рук в руки. Екатеринославская губерния и Приазовье находились под контролем Крестьянской повстанческой армии (махновцев). Весной 1919 г. Новороссия стала ареной боев гражданской войны. В ходе наступления войск ВСЮР были заняты Донбасс, Екатеринослав, Харьков и Одесса. 31 августа пал Киев, правительство Петлюры бежало в Винницу, а затем — в Каменец-Подольский. Сельская местность Приазовья и Екатеринославской губернии находилась под властью отрядов Махно. К осени 1919 г. наступление белых потеряло силу, и восточная часть Украины вновь попала под власть большевиков. К декабрю 1919 г. на большей части территории Украины была вновь установлена Советская власть.

В результате распада Австро-Венгрии в 1918 году на территории Галиции была создана Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР), которая 22 января 1919 г. провозгласила Акт объединения с УНР — Акт Злуки. Польша, вернувшая в 1918 г. независимость, утраченную в кон-

це XVIII века, стремилась при этом вернуть себе украинские земли, некогда принадлежавшие ей. Это стало причиной польско-украинской войны.

К началу июня 1919 г. почти вся ЗУНР была оккупирована Польшей, Румынией и Чехословакией. УГА контролировала лишь правый берег реки Збруч, на восточной границе между ЗУНР и УНР. 7 июня 1919 г. УГА начала «Чортковское наступление», в результате чего войска ЗУНР продвинулись к 24 июня вплотную ко Львову и Станиславу и заняли Тернополь. Однако 28 июня началось польское наступление, и к 16 июля УГА была вытеснена на свои позиции от 7 июня. Началась поспешная эвакуация УГА на левый берег Збруча, и таким образом 18 июля 1919 г. УГА полностью потеряла контроль над территорией ЗУНР. Часть побежденных войск бежала в Чехословакию, где стала известна под названием «украинской бригады», однако основная часть армии, насчитывавшей около 50 000 бойцов, перешла на территорию Украинской Народной Республики. 25 апреля 1920 года польские войска атаковали позиции Красной Армии по всей протяженности украинской границы. 7 мая они заняли Киев. Но уже в мае 1920 г. советские войска перешли в контрнаступление. 12 июня они освободили Киев, а уже в июле начали операции в Западной Украине.

30 декабря 1922, подписав Союзный договор, Украинская ССР совместно с РСФСР, Белорусской ССР и Закавказской СФСР вошла в состав СССР. В июле 1924 года Таганрогский и Шахтинский округа были переданы в состав РСФСР. **(По материалам Википедии).**

Пришлось Дмитрию Лыхенко повоевать и с немцами, и с петлюровцами, и с поляками. В родное село он вернулся с Красной Армией в 1924 году уже опытным и закаленным воином и политическим бойцом. В семейном архиве Николая Дмитриевича хранится интересный документ (орфография оригинала сохранена).

...При знакомстве с мамой отец «скромно» умолчал, что на Украине у него четверо детей, а жену он похоронил два года назад. Признался в этом моей маме уже в 1936 году, когда мама ждала своего первенца. Мать, вспоминая, рассказывала, что она сразу же заставила отца взять отпуск, и они вместе (мать была беременной) поехали в Одесскую область, Гайворонский район, с. Таужна и привезли четверых детей, которые жили там у родственников. Через два месяца после этого мама родила моего старшего брата Анатолия и стала матерью пятерых детей.

*Из воспоминаний
Николая Лыхенко*

Тавижнянска сільрада

Удостоверение

08. IV. 1933 № 230

Предъявитель сего гр-н села Таужна Грушківського р-на Лихенко Дмитрий А. бедняк имущества никакого не имеет в службе у Красной Армии в 1924 году прибыл с Красной Армией и избирается членом правления кредитного т-ва и работает до 1926 года в 1926 году тов. Лихенка избирается председателем ревизионной комиссии и служит там до 1930 года. В 1929 году тов. Лихенко избирается председателем Таужнянского сельсовета на 1250 дворов и там работает до 1930 года марта месяца. В 1931 году тов. Лихенко Д. организовуваеь колхоз им. Карла Маркса, что и удостоверяется подписью и приложением печати удостоверяется.

Предсельсовета (подпись)

Секретарь (подпись)

Прервем пока на этом повествование о жизни отца Николая Дмитриевича и продолжим историю села.

На фронтах Великой Отечественной войны из Таужны воевали 475 жителей села, 248 – погибли, 312 – награждены орденами и медалями. В годы временной оккупации, в апреле – июне 1942 года, в селе действовала подпольно диверсионная комсомольская группа, которой руководили младший лейтенант Красной Армии А.И. Смилянец и секретарь комсомольской организации С.М. Соломко. Патриоты проводили агитационную работу среди населения, собирали оружие и пищу для партизан. Через два месяца подпольной деятельности враги раскрыли группу и всех ее членов расстреляли. В центре села установлен памятник погибшим воинам и партизанам.

После работы в кредитном товариществе 28-летний Дмитрий Лыхенко избирается председателем Таужнянского сельсовета на 1250 дворов и работает там до марта 1930 года, а в 1931 году он организывает колхоз имени Карла Маркса. Впрочем, дальше послушаем одного из земляков Дмитрия Лыхенко – участника Второй мировой Владимира Колесника. Вот что он рассказал:

- В 1929 году крестьян «добровольно приглашали» в колхозы, конечно, с помощью нагана. Колхозы кое-как просуществовали до 1930 года. В 1931 году они развалились, и крестьяне начали обрабатывать землю, как до 1929 года. Помню, что в 1932 году родители мои собрали зерна столько, как в лучшие годы. Накопали много картофеля. Никакого голода, даже недоедание не предусматривалось. Но осенью пришли бригады из хлебозаготовок: Правительству СССР нужно было продовать много зерна Европе. Поэтому посланные райкомами бандиты

стали в Украине вести хлебозаготовку. Действовали они ночью, поэтому я не видел, когда у нас позабирали все зерно и картофель.

Крестьяне стали прятать свое добро, но бригады были научены: ходили с металлическими пиками и, где было подозрительное место, проверяли, забирали все зерно, даже предназначенное для посева весной в 1933 году. Бандиты старательно «послужили» Советской власти, «отцу» Сталину.

Не помню, как мы дожили до конца 1932 года, но весна 1933 года хорошо запомнилась. Отец уже лежал на печи обессиленный. Мама поехала в Прилуки навестить своих сестер и брата. Отец посылал меня и брата на станцию Таужна встречать маму. Ходили мы два раза. На станции видели бурты зерна, которое не было накрыто, и его мочили дождь и снег. Бурты охраняли солдаты, наверно, из России, потому что употребляли такие слова, которых я тогда еще не слышал. Зерно сгнило. Слышал, что впоследствии его трактором перемешали с землей. А по селам люди умирали, вроде бы чума их косила. У соседей около нас умерла семья полностью – родители и двое детей. Умер отцов брат и его сын. Еще слышал в разговорах родителей о многих умерших в селе. Знал детей, девочек и хлопчика, у которых родители умерли, их было некому вывезти на кладбище, так дети обрезали то,

Гайворонський район. ТАУЖНЕ – село, центр сільської Ради, розташоване за 24 км на схід від районного центру і за 4 км від залізничної станції Таужне. Населення – 3514 чоловік. Сільраді підпорядковані населені пункти Тракт, Червоні Маяки.

У Таужному розміщена центральна садиба колгоспу ім. 10-річчя Жовтня, який спеціалізується на відгодівлі свиней. Сільськогосподарські угіддя господарства – 5897 га, в т. ч. 4755 га орної землі. Вирощуються зернові й технічні культури, зокрема пшениця, цукрові буряки. За трудові успіхи 18 передовиків відзначені урядовими нагородами. Ордена Леніна удостоєна агроном О. Т. Білоус, ордена Жовтневої Революції – ланкова О. К. Скрипник.

У середній школі 45 вчителів навчають 585 дітей. Є будинок культури, три бібліотеки з книжковим фондом 22 тис. примірників, дитячий садок, фельдшерсько-акушерський пункт, їдальня, 4 магазини, будинок побуту, поштове відділення, ощадна каса. Діє народний музей. Дві сільські партійні організації об'єднують 86 комуністів, дві комсомольські організації 236 членів ВЛКСМ.

Таужне виникло у другій половині XVIII століття. В кінці лютого 1918 року в Таужному було проголошено Радянську владу і створено ревком.

На фронтах Великої Вітчизняної війни воювали 475 жителів села, 248 загинули, 312 нагороджені орденами і медалями. В роки тимчасової окупації, у квітні – червні 1942 року в Таужному діяла підпільно-диверсійна комсомольська група, якою керували молодший лейтенант Червоної Армії А. І. Смилянець і секретар комсомольської організації С. М. Соломко. Патріоти проводили агітаційну роботу серед населення, збирали зброю і харчі для партизанів. Через два місяці підпільної діяльності вороги розкрили групу і всіх її членів розстріляли. В центрі села встановлено пам'ятник загиблим воїнам і партизанам.

что осталось на костях, и таким образом выживали. Когда зацвели акации, мы срывали цветы, сушили, терли на муку, а мама пекла блины. Сам Сталин был главным зачинщиком голода.

На второй год после смерти Сталина я ехал поездом «Свердловск – Одесса» из Урала в Украину. Утром, когда поезд мчал уже Украиной, стоя у окна в коридоре, я любовался природой. Было лето. На полях и около дорог видно было пожухлую траву, слабые посевы. Глядя на них, я сказал о себе: «По-видимому, будет неурожай и опять голодовка, как в 33-м году». Тогда мой спутник сказал: «А я в 1933 году, весной ехал из Москвы на Кавказ. Служил я в охране Сталина. Сталин и Молотов стояли у окна, как вот мы с тобой, а я с напарником – у дверей. Нам было слышен разговор Молотова и Сталина. Молотов сказал: «Товарищ Сталин, на Украине голод, люди мрут, надо помочь». Сталин вынул изо рта трубку и сказал: «Пусть дохнут».

Все сказанное ни в коем случае нельзя относить на счет советского активиста Дмитрия Лыхенко. Он был всего-навсего винтиком огромной и сильной государственной машины, но далеко не бездумно исполняющим приказы «сверху». Когда Дмитрий Лыхенко увидел, что коллективизация идет вразрез с чаяниями крестьян, и более того, вопреки их воле, то он начинает возражать против насильственных методов коллективизации. Учитывая его заслуги перед Советской властью, его не репрессировали, а всего лишь отправили в колонию-поселение на строительство ДнепроГЭСа. Жил Дмитрий в колонии имени Полякова и работал на должности десятника с зарплатой в месяц 200 рублей. Командовал той колонией некий Пресман. В 1932 году была пущена первая турбина ДнепроГЭСа, а в марте 1933 года Дмитрий Александрович решил, что хватит с него колонии-поселения и надо возвращаться домой....

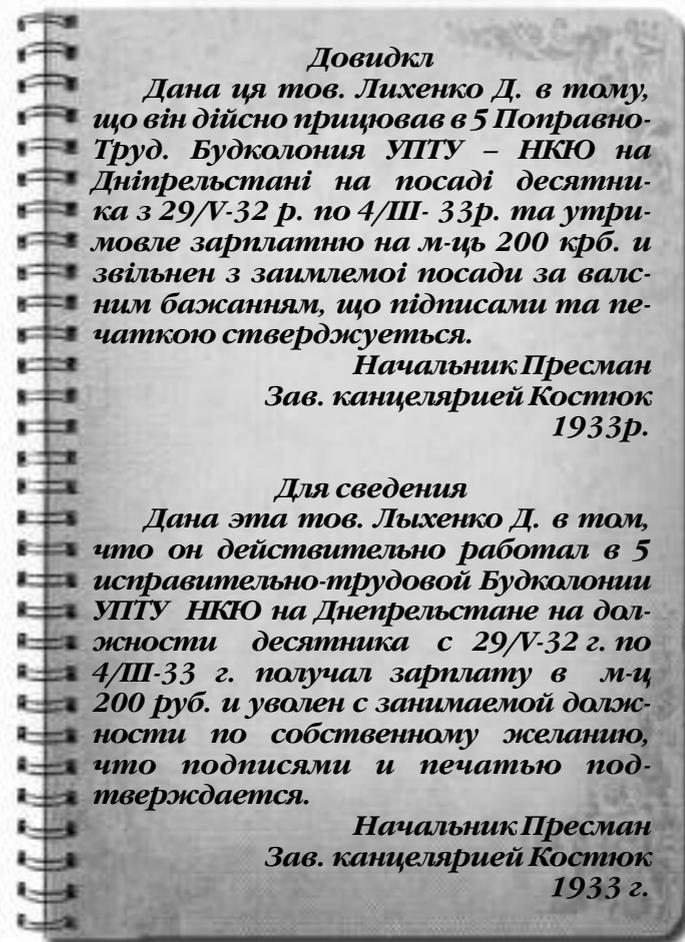
В Таужне его ждала должность секретаря сельсовета (с 18 сентября 1933 года по 1 февраля 1934 года). Со своими обязанностями он справлялся неплохо, как сказано в документах: «допомогал переводить все мероприятия на селе».

Но деятельная натура Дмитрия Александровича требовала другого, и он бросает работу секретаря и поступает в Одесское областное сырьевое объединение «ОБЛКОПСИРОВИНА» на должность агента по заготовкам лекарственного сырья в Грушковском районе, в котором трудится с 1 мая по 1 декабря 1934 года. Затем была работа счетоводом в Таужнянском сельском товариществе, и в 1935 году Дмитрий Лыхенко вдруг покидает Украину и едет в Сибирь.

Знающие люди подсказали ему, что готовится новая волна репрессий и навряд ли он избежит осуждения, по сравнению с которым колония-поселение покажется курортом. Тогда подобные переезды были в поряд-

ке вещей. Уехать в незнакомые места означало оттянуть время, когда за тобой могли прийти, либо совсем избежать репрессий. Ехали из Сибири на Украину, как это сделал в свое время дед Николая Дмитриевича – Смешливый Емельян Платонович, но он так и не избежал ареста и последующего за ним расстрела, ехали из Украины в Сибирь. В Таужне Дмитрий оставляет четверых детей: Ирину, Макара, Василия и Ивана, которых после смерти первой жены заберет к себе в Омскую область. На этом настаивает его вторая жена Смешливая Анастасия Емельяновна. Их брак будет зарегистрирован Никоновским сельским советом Полтавского района Омской области 6 октября 1935 года (Свидетельство о браке № 34).

Учитывая послужной список активиста Лыхенко, его назначают на должность инструктора Полтавского райисполкома Омской области. Далее его карьера развивается по восходящей. О чем свидетельствуют многочисленные архивные документы. Предоставим же им слово. В 1956 году Анастасия Емельяновна получила вот такую справку:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Коммунистическая Партия Советского Союза
ПОЛТАВСКИЙ РАЙОННЫЙ КОМИТЕТ
с. Полтавка, Омской области
№ б/н 8 декабря 1956 г.

СПРАВКА

Дана настоящая гр-ке Лыхенко Анастасии Емельяновне в том, что ее муж Лыхенко Дмитрий Александрович с 1901 года рождения, по социальному происхождению из крестьян-бедняков по социальному положению служащий, уроженец с. Таужна, Гайворонского райо-

на Кировоградской области, в Полтавском районе проживал с 1935 года по сентябрь 1943 года и за это время работал на следующих работах:

С 1935 по 1937 год – инструктор Полтавского райисполкома,

С 1937 по 1938 год – председатель колхоза «Ново-Знаменец»,

С 1938 по 1940 год – зав. кадрами Полтавского райисполкома,

С 1940 по февраль 1943 года – директор Полтавского райпромкомбината,

С февраля 1943 по сентябрь 1943 года – зав. отделом социального обеспечения Полтавского райисполкома.

В сентябре 1943 года призван в ряды Советской Армии.

Т. Лыхенко Д.А. состоял членом партии с июля 1940 года.

Секретарь Полтавского
РККПСС Д. Стариков

А вот характеристика на Дмитрия Александровича, датированная 15 апреля 1941 г. и подписанная председателем Исполкома Полтавского райсовета Хмарой и секретарем Сиволап:

«...Лыхенко Дмитрий Александрович работал в Исполкоме Полтавского Райсовета в качестве инструктора Исполкома с 3 мая 1935 г. по 15 декабря 1937 г. За весь период своей работы товарищ Лыхенко к своим обязанностям относился хорошо, все поручения выполнял аккуратно и вовремя».

В характеристике также говорится о всех работах Дмитрия Александровича до 1941 года и дается оценка «хорошо» по всем показателям.

Сохранился акт передачи Дмитрием Лыхенко артельных дел в его бытность председателем сельхозартели «Ново-Знаменец». Попутно замечу, что между актом и справкой из райкома партии есть расхождение. В справке говорится, что Д. Лыхенко работал председателем колхоза до 1938 г., а акт передачи дел датирован 29 января 1939 г. Может быть, в райкоме ошиблись? Не буду гадать, а приведу документ без правки. Он характеризует председателя Дмитрия Лыхенко, как человека хозяйственного и добросовестного. Было в кого уродиться Николаю Дмитриевичу.

АКТ ПЕРЕДАЧИ

1939 года января 29 дня, я ниже подписавшийся председатель сельско-хозяйственной артели «Ново-Знаменец» Красногорского с/совета Полтавского р-на Омской области Лыхенко Дмитрий А. и вновь избранный общим собранием председателем выше упомянутого к-за Лукияничик Григорий П. составили настоящий акт о ниже следующем: сего числа я бывший председатель колхоза «Ново-Знаме-

нец» Лыхенко Д.А. передаю колхоз вновь избранному председателю Лукияничку Григорью П. Состояние и экономика выше упомянутого колхоза на 29 января 1939 г. выражается в следующем виде:

1) Животноводство колхоза.

По крупному рогатому скоту план 126 шт. имеется в наличии 128 шт. или к плану на 102%.

По свиньям план 85 шт. имеется в наличии 98 шт. или к плану на 106%.

По овцам план 140 шт. имеется в наличии 202 шт. или к плану 155%.

По лошадям план шт. 105 имеется в наличии 106 шт. или к плану 101%.

Все выше перечисленное животноводство колхоза, а также и полеводческие бригады обеспечены, как грубыми и также концентрированными кормами на 100%.

2) Засыпка и очистка посевного материала, как пшеница, овес, ячмень, подсолнух и рыжик на 100%.

3) Ремонт сельскохозяйственного инвентаря за исключением садилок закончен.

4) Все государственные поставки и платежи за 1939 год закончены полностью.

Акт составлен в двух экземплярах один остается в правлении колхоза другой на руках у сдатчика.

Сдал колхоз Лыхенко Д.А.
Принял Лукияничик Г.П.

Семья Дмитрия Александровича росла. К четверым «украинским» детям от совместного брака с Анастасией Емельяновной прибавилось к 1939 году еще трое: Анатолий, Светлана и Николай, в 1941 году родился Владимир и в 1944 – Александр. Итого, девять ребятишек. Самая старшая – Ирина уехала на родину перед войной и в Сибирь больше не вернулась. В 1969 году Николай Дмитриевич навестил свою сводную сестру в городе Одессе. Разница в возрасте между ними составляла 16 лет.

Анастасия Емельяновна в 1946 году будет награждена орденом «Материнская слава» II степени, а в 1949 году медалью «За трудовую доблесть». Тогда она получит поздравительное письмо следующего содержания:

Уважаемый товарищ Лыхенко А.Е.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1949 г. за выслугу лет и безупречную работу на одном из главных участков работы, работы по воспитанию и обучению детей – Вы заслужили всеобщее признание и почет Советского народа и за свой труд Вы удостоены правительственной награды медали «За трудовую доблесть».

Райком ВКП(б) и Исполком Районного Совета Депутатов Трудящихся приветствуют Вас и поздравляют с получением этой высокой награды и призывают Вас еще больше приложить своих знаний и труда по воспитанию нового человека социалистического общества, человека здорового морального и физически, непримиримого к врагам Советской Родины, умеющего преодолевать любые трудности, беззаботно борющихся за полную победу коммунистического общества в нашей стране. Мы должны помнить слова нашего любимого вождя товарища Сталина: «Если наш Советский человек... работает хорошо и дает обществу то, что может дать – он Герой Труда, он овеян славой».

Приветствуя и поздравляя Вас, РК ВКП(б) и Исполком Райсовета Депутатов Трудящихся надеются, что Вы не пожалеете своих сил и энергии и дадите наилучшие результаты в своем почетном труде по воспитанию и обучению молодежи строителей коммунистического общества, что Вы приложите все свои знания и силы, чтобы всемерно улучшить качество учебно-воспитательной работы и их наших детей, воспитываете преданных делу коммунизма, высокообразованных, культурных и всесторонне-развитых, способных быстро овладевать сложной современной техникой, способных двигать науку вперед.

«Школа выковывает людей нашего будущего, достойную смену старому поколению. Она должна стать для Вас вторым родным домом, а в борьбе за хорошую учебу борьбой за честь своей школы». (Калинин). *Вся общественность района приветствует Вас с высокой правительственной наградой и надеется, что Вы приложите все свои знания и умения, чтобы воспитать молодежь в духе передовых научных знаний, привить у нее навыки к труду, к уважению правил социалистического общежития.*

Это письмо, написанное в духе и стиле тех лет казенным языком, ни словом не говорит о другом подвиге Анастасии Емельяновны: воспитании своих девятерых детей. Я подчеркиваю, именно «своих», потому что она не делила детей, а любила их всех настоящей материнской любовью.

Не все было так безоблачно, как казалось... В 1939 году Дмитрий Александрович подает заявление своему начальству о переводе его на работу в северные районы, в Остяко-Вогульский или Ямало-Ненецкий округа. Что послужило причиной для такого решения, неясно. Он получает отказ. Но, тем не менее, Дмитрий Александрович упорно рвется из Полтавского района. В апреле 1941 года он просит вышестоящее начальство перевести его в другой район, но получает такой ответ:

*Исполкому Полтавского райсовета
Тов. Лыхенко Д. А.*

На Ваше заявление о переводе Вас на работу директором райпролкомбината, против якобы Вашего желания, сектор кадров исполкома Облсовета сообщает, что Ваш перевод был согласован с исполкомом Облсовета, и по этому удовлетворить Ваше ходатайство о переводе Вас в другой район на советскую работу не можем.

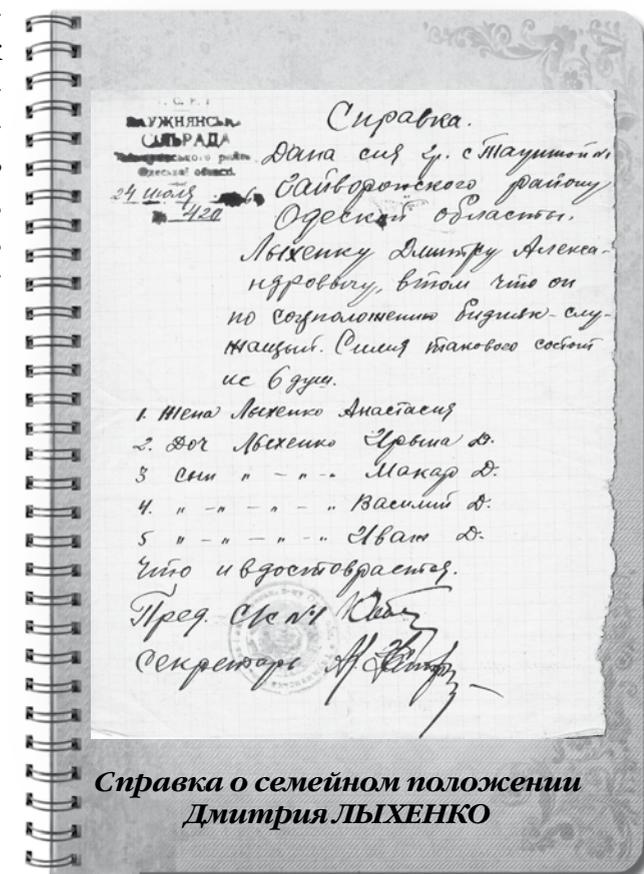
Зав. Сектором кадров Исполкома Облсовета (Селютин)

В советские годы существовала практика закрепления так называемых кураторов за колхозами, совхозами, предприятиями и т.д. Кураторами могли быть как партийные руководители, так и хозяйственные. К примеру, руководитель районного предприятия мог быть закреплен за колхозами для того, чтобы оценить работу председателей, доложить в райком партии.

Кураторы являлись своего рода глазами и ушами партийных органов. От их мнения зачастую зависели судьбы многих людей. Формально, не имея властных полномочий, они, тем не менее, могли принимать решения и диктовать эти решения руководителям, которые отвечали за производство. Иногда кураторы бездумно выполняли приказы сверху и заставляли также бездумно следовать этим командам тех, за которыми они были «закреплены». Попадались и неглупые кураторы, которые прислушались к мнению руководителей на местах, поощряли инициативу.

Кураторство имело свои плюсы и минусы. В случае провала задания с куратора «снимали стружку», но могли и наградить в редких случаях. В целом для самого куратора частые отлучки на производство мешали выполнению собственной работы.

Не избежал кураторства и Дмитрий Лыхенко. К 1943 году он руководил отделом гособеспечения и бытового устройства семей военно-

**Справка о семейном положении
Дмитрия ЛЫХЕНКО**

служащих Исполкома Полтавского Райсовета. Работа была хлопотной, а тут еще ему поручили курировать деятельность семи(!) колхозов. Как здравомыслящий человек, он вначале просит свой райком партии освободить его от кураторства, но получает отказ. Тогда (вот настырный!) он трижды обращается к своему вышестоящему руководству с докладной запиской. Докладную он печатал на старенькой машинке, у которой отсутствовала буква «и», вместо нее Дмитрий Александрович печатал «й» и получилось письмо с «украинским» акцентом. (оригинал исправлен).

**Зам. председателю по гособеспечению
и бытового устройства семей военнослужащих
Омского облисполкома тов. Якубову
От зав. отделом гособеспечения и
бытового устройства семей военнослужащих
Исполкома Полтавского Райсовета
ЛЫХЕНКО Д.А.**

ДОКЛАДНАЯ (треть)

Получив приказ начальника управления по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военно-служащих при совете Народных Комиссаров РСФСР за №-55 от 3 июля 1943 г. и решение Совнаркома РСФСР о запрещении командирования заведующих отделами при Исполкомах Райсоветов не связанных с работой отделов.

Я с приказом обратился к первому секретарю РК ВКП (б) т. Шкода об освобождении меня от уполномочия в колхозах, где я прикреплен к Полтавскому совету, в котором 7 колхозов.

Тов. Шкода мне ответил, что освободить тебя никто не будет, за уборку и поставку хлеба ты несешь ответственность за колхозы этого совета.

Тов. Якубов я вам пишу не потому, что я этим хочу отделаться, а ставлю Вас в известность, что мое руководство отделом отсутствует, ведь я 70% нахожусь в командировке в колхозах, где закреплен. Семьи защитников нашей Родины не получают не только помощь, но они даже не могут получить ответов на их запросы, не говоря уже о помощи.

Старшего инспектора моего отдела т. Карпенко в конце июля месяца РК ВКП(б) даже без моего ведома перевел на работу пред. промтарели, меня даже не спрашивали, я приехал из командировки и инспектора не захватил в отделе.

Средств передвижения у меня нет никаких. Я и инспектора ходим пешком.

В силу такой недооценки этому отделу со стороны РК ВКП(б) работать невозможно и решения ЦК Партии о своевременном разборе жа-

лоб, а также рассмотрений комиссией по назначении пенсий и пособий производятся не в сроки.

О чем ставлю вас в известность и прошу: поставьте вопрос в Обкоме партии, чтобы дали телеграмму нашему РК ВКП(б) об освобождении меня от постоянного уполномоченного в колхозах по разным компаниям.

К сему: Лыхенко 28/VIII-43 г.

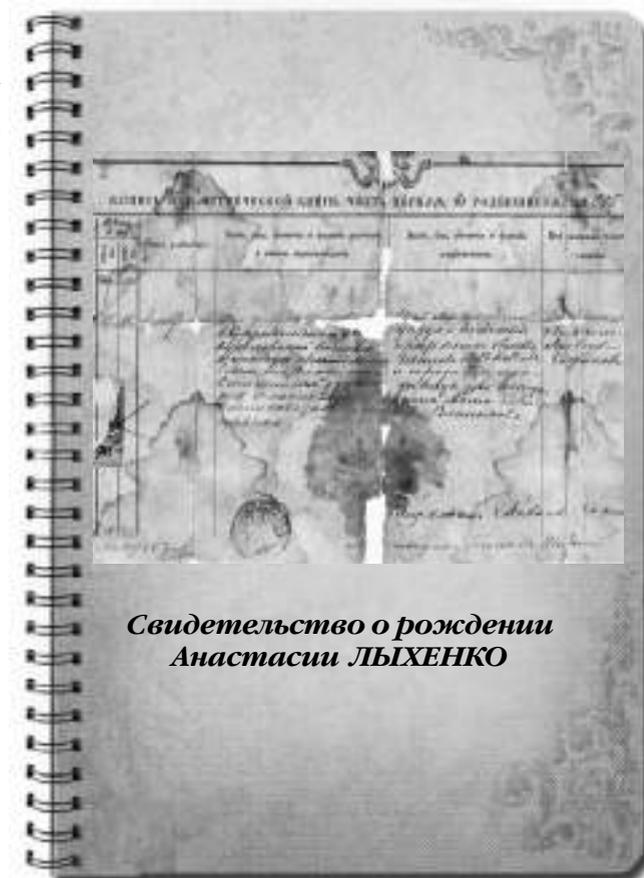
Из документа явственно видно, что писал его человек порядочный и совестливый, привыкший делать работу хорошо и желающий, чтобы ему не мешали. Эту совестливость и порядочность унаследует Николай Дмитриевич от своего отца.

Дмитрий Александрович испытывает все большую неудовлетворенность положением дел. Непонимание со стороны руководства нарастает, и он предпринимает решающий шаг в своей судьбе: пишет заявление в райвоенкомат с просьбой отправить его на фронт. Его сын Макар, которого здесь в Сибири прозвали Михаилом, 1925 года рождения, уже воевал.

После консультаций с райкомовскими начальниками заявление беспокойного Лыхенко подписали. Побыв совсем немного дома в отпуске, Дмитрий Александрович ушел на фронт в сентябре 1943 года. Николай Дмитриевич помнит тот день:

«...Очень сложно пришлось, когда отца призвали на фронт. Несмотря на то, что в 1943 г. мне было всего четыре года, отчетливо помню проводы отца, а больше всего почему-то облупленный «ЗИС», уцепившись за борт которого, отец легко перекинул свое тело в кузов и вместе с другими, призванными на фронт, долго махал нам рукой, пока не скрылся грузовик за поворотом.

Отца я больше не видел. Раньше отца был призван в армию самый старший брат Михаил, ему повезло больше. Призванный в артилле-

Свидетельство о рождении Анастасии ЛЫХЕНКО

рию, он прошел всю войну, стал лейтенантом, всю жизнь прослужил, став майором...

О Таужном Дмитрий Александрович вспоминал редко. А между тем в его родном селе разворачивалась героическая эпопея. Очевидцем и участником этой партизанской эпопеи стал писатель, автор «Дневника расстрелянного» Герман Занадворов.

25 октября 1942 г.

Все обсуждают события на станции Таужной. Позавчера вечером зашел Л. Говорит, что в эту ночь в Таужной склады с хлебом сгорели.

— Правда, я от баб слышал. Но, похоже. Полицаяи на ногах. Меня задержали, документы проверили.

Утром ту же новость принес старик с мельницы. Вчера на базаре только и разговоров. Рассказывают две версии.

Первая. Ночью к леснику Колодистского леса стучат.

— Кто там?

— Откройте.

— Сейчас ночь, не открою.

— Откройте, товарищ!

Удивился, выглянул — несколько человек с автоматами.

Впустил. Вошли.

— Ну, как живете, товарищ? Давайте закурим.

Лесник искать газеты.

— Не надо, курите наше.

Высытали папиросы.

— Нам нужны лошади. У вас есть?

— Есть одна, да вы на ней далеко не уедете.

— Нет, нам нужна хорошая лошадь. Достаньте.

Вспомнил: ночует один дядька. У него пара коней.

Погрузили на них «Максима».

— Только смотрите, не болтайте. Завтра можете, сколько угодно, а если сегодня — убьем.

В Таужной связали дежурного, сторожей. Облили горючим склады с хлебом. Подожгли. Когда кто-то хотел тушить, дали несколько очередей.

Потом явились немцы. Не нашли никого.

Вторая. Трое вооруженных остановили в Колодистском лесу подводу.

— Вези в Галочье (большой лес).

Привез. Там трое сошли, сели двое других.

— Вези на Таужную.

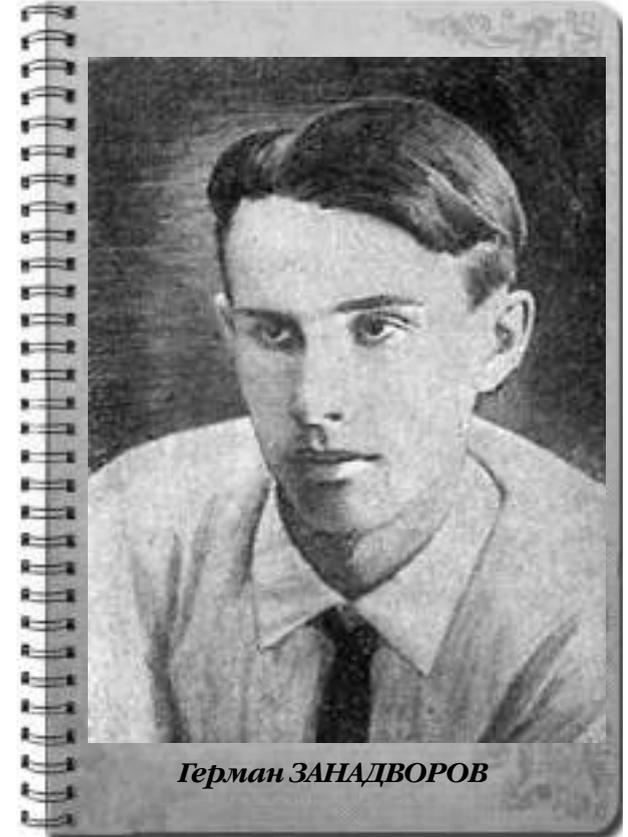
Отвез. Они зажгли склады с хлебом.

Но как бы то ни было — хлеб сгорел. Вчера в Колодистском лесу устроили облаву.

Сvezли тысячу пятьсот полицаяев и немецких активистов по двадцать пять с села. Никого не нашли.

Из книги Германа Занадворова «Дневник расстрелянного». Изд. 1964 г.

ЗНАДВОРОВ Герман Леонидович (1.10.1910, Пермь – 5.03.1944, дер. Вильховая Грушиковского р-на Украинской ССР), прозаик, публицист. Окончил среднюю школу (1928) в Перми. В конце 20-х гг. переехал с семьей в Челябинск. Поступил на работу в хим. лабораторию з-да им. Колющенко. Вскоре, увлекшись журналистикой, перешел в редакцию железнодорожной газеты «На стальных путях». Публиковал стихи, очерки, рассказы, собирал материал для романа о создателях паровоза братьев Черепановых. В 1934 по совету врачей переехал на Украину. В Киеве работал ответственным секретарем «Рабочей газеты». В 1940 перешел в политотдел Киевской железной дороги. С началом военных действий попал в окружение, находясь вместе с женой М. Яремчук (работником политотдела) в составе 5-й армии. С октября 1941 по март 1944 гг. жил в оккупации у родителей жены в деревне Вильховая. Здесь возглавил подпольную группу «Красная звезда» («Червона Зірка»), сотрудничал с партизанами: писал листовки, занимался организационной работой. Собирал материалы для романа о войне, писал дневник, позже изданный в Челябинске. Расстрелян вместе с женой в ночь на 5 марта 1944 г., за неделю до освобождения деревни частями Красной Армии.

Герман ЗНАДВОРОВ

Они погибли в один и тот же год, защищая Россию. Дмитрий Александрович, приехавший из Украины в Сибирь, и Герман Занадворов, приехавший из Урала на Украину.

Через много лет Николай Дмитриевич с братьями поедет на место упокоения своего отца...

*«Своя земля и в горсти мила»
Народная пословица*

КРАСНОЕ

Так устроена наша жизнь, что мы постоянно кому-то должны. Но среди множества долгов нет долга выше и чище, чем долг перед памятью родителей. Николай Дмитриевич давно собирался съездить на могилу отца в село Красное Минской области. После распада СССР Белоруссия стала самостоятельным государством, но в отличие от некоторых бывших союзных республик, в спешке пересматривающих историю, особенно в части Великой Отечественной войны, Белоруссия свято хранила и хранит память о солдатах Красной Армии, освобождавших ее территорию от фашистского нашествия. Такого нашествия Белоруссия не видала за всю свою историю. Жестокость врага превосходила все, что было придумано до этого человечеством. Белоруссия – единственная в мире страна, где в Хатыни создан мемориал «Кладбище деревень» в память о сотнях деревень, сожженных оккупантами вместе с жителями: женщинами, стариками и малыми детьми. Каждый четвертый житель Белоруссии погиб. Трогательный памятник: три березки и вечный огонь на месте четвертой до сих пор напоминают о великой трагедии прошлого века...

Николай Дмитриевич проснулся задолго до рассвета. Осенний ветер за окном шумел верхушками деревьев, шуршал листвой. Темноту ночи скупо освещали несколько фонарей. Начинать накрапывать дождик, первые капли глухо ударили по крыше дома, по стеклам окон, рисуя влажные дорожки. Думы одолевали директора, уносили его в далекое военное детство...

Вспомнилось, как торопливо мать запрягала лошадь, чтобы поспеть в Полтавку на проводы отца, как он – Николай с братом Анатолием и сестрой Светланой ехали по тряской дороге, как старый ЗИС обступили рыдавшие женщины, не давая проехать, чтобы в последний раз наглядеться на своих мужей, готовых к отправке на фронт. Медленно машина тронулась сквозь толпу, отчего та еще более облепила и кузов, и кабину с причитаниями.

- Да что же вы их живыми хороните!?! – крикнул толпе офицер из военкомата.

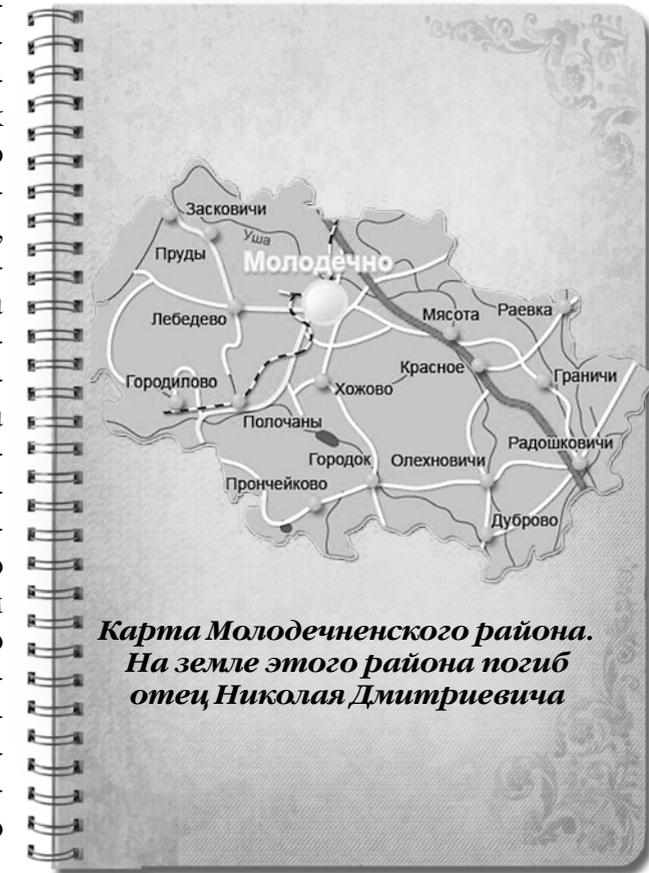
Женщины поутихли, только кое-где раздавались всхлипывания, но проводы уже приняли более организованный характер, толпа расступилась, образовав коридор, и машина пошла свободнее.

Ребятишки стояли по обеим сторонам этого коридора, и он вместе с ними – маленький Николушка, понимающий, что совершается горе,

и никто, и ничто не в силах помешать этому горю. Он не мог знать, что видел отца в последний раз, а отец, перемахнув через борт машины, усевшись рядом с такими же бедолагами, только махал рукой до самого поворота, как бы прощаясь, и пока не скрылась машина, Николай махал ему в ответ...

Николай Дмитриевич включил настольную лампу и потянулся за книгой, лежавшей на тумбочке. Последняя книга Виктора Астафьева «Веселый солдат» разбередила душу, да так, что, начав ее читать, Николай Дмитриевич бросил чтение после нескольких страниц. Эта книга была словно откровение. Правдивая, жесткая, она заставляла думать о том, о чем раньше думать было запрещено. Официальная наша пропаганда ставила в заслугу государству большую заботу о ветеранах войны, но забота эта росла пропорционально убывающему числу ветеранов. Сейчас им машины выделяют, раньше «Оку», теперь «Жигули». Но сразу после победы ветеранам приходилось устраивать свою жизнь, кому как придется, и потом они обивали пороги разных учреждений, кто в поисках лучшего жилья, кто, доказывая свое право на повышенную пенсию.

Бывая в Германии, Николай Дмитриевич подмечал, что «побежденные» живут намного лучше победителей, и чувство горечи и обиды захлестывало его. Он, как мог, старался помогать ветеранам, помня о долге. Когда ветераны приходили к нему в кабинет, разговоры продолжались без оглядки на время. Николай Дмитриевич пытливо вглядывался в лица фронтовиков, пытаясь найти в них отдаленное сходство со своим отцом. Пожалуй, такое сходство угадывалось во взглядах. Прямые, честные взгляды убежденных седиными людей не оставляли сомнений в том, что только они и смогли победить в той жестокой войне.

**Карта Молодечненского района.
На земле этого района погиб
отец Николая Дмитриевича**

Николай Дмитриевич пытался восстановить картину гибели отца, много раз представлял себе, как это произошло. Гвардии младший сержант, наводчик Лыхенко Дмитрий Александрович погиб 4 июля 1944 года и был похоронен в рабочем поселке Красное Минской области. Весточек от отца почти не поступало. Когда родился брат Николая – Александр, а произошло это незадолго до гибели отца, то мать отправила на фронт письмо, отец успел его получить и даже свою радость выразить тоже через письмо. А потом наступило затишье, пока не пришло в дом чужое письмо.

Он бережно достал альбом, посвященный памяти отца. Дождь почти перестал идти, начинало светать, первые петухи подали свой голос, откликнулись другие, и голосистое пение их будило село, звучало деревенским гимном жизни, которую не в силах погубить тьма, враг, стихия. Николай прикоснулся ладонью к измятой бумаге, защищенной прозрачным пластиком, подумал о том, в каких перипетиях пришлось побывать хрупкому листку, который как высшую ценность хранила мать. Это было фронтовое письмо санитарки. Он перечитал его, наверное, в сотый раз, помня наизусть все слова, ошибки и потертые изгибы листка:

Уважаемая Анастасия Емельяновна!

Вы конечно удивитесь, кто Вам пишет эти строчки. Ненадо удивляться на фронте все возможно. А что я хочу Вам написать это я никак не могла решиться на это но сейчас решила, что рано или поздно Вы узнаете об этом. Только попрошу я Вас не очень падать духом. Я пересылаю Вам письмо Вашего мужа, которое он писал с (неразборчиво) по 4/VI – 44. Я понимаю и глубоко сочувствую вашему горю но слезами ничего не вернешь. Конечно письмо не одно найдено в месте стелом вашего покойного мужа во время передвижения наших частей в город. Ну пока... на этом кончаю так как время очень мало внас. Остаюсь с уважением к Вам (подпись неразборчива).

Он обратил внимание на характерное для украинского языка слово «внас». Да, именно так могла написать украинка. Кто она? Как сложилась ее судьба? Не сразила ли вражеская пуля эту санитарку, нашедшую время для слов утешения неизвестной ей Анастасии Емельяновны из сибирского села? А может, она жива. Если так, то дай ей Бог доброго здоровья.

В нем окончательно окрепло убеждение, что надо, во что бы то ни стало, побывать на могиле отца. Один случай ускорил ход событий.

Так бывает иногда с долго вынашиваемым решением. Казалось бы, не имеющие отношения к делу факты и обстоятельства выстраиваются в благоприятную линию. Незадолго до наступления нового тысячелетия в Омскую область прибыл с официальным визитом президент Белоруссии Александр Лукашенко.

На летном поле А. Лукашенко встречали губернатор Л. Полежаев, председатель Законодательного Собрания В. Варнаровский, митрополит Омский и Тарский Феодосий, другие официальные лица. Под здравицы гостю был преподнесен хлеб-соль.

Прежде всего белорусская делегация посетила Парк Победы, где вместе с омичами – ветеранами Отечественной войны А. Лукашенко возложил венки к мемориальному комплексу. Здесь же состоялась первая краткая встреча президента с представителями СМИ. Отметим, что Беларусь заинтересована в развитии связей с Омской областью, А. Лукашенко заявил: «Хочу, чтобы мы стали сильными. Для этого надо возрождать единый народнохозяйственный комплекс. Если получится у России и Беларуси, завтра с нами будет Украина, они нам не чужие. А если три великих славянских народа сделают шаги навстречу друг другу, это изменит не только экономическую ситуацию, но и существенно повлияет на геополитику в целом». (Как в воду глядел!)

А. Лукашенко встретился с руководителями области, промышленных предприятий, депутатами, представителями деловых кругов и общественных организаций. На этой встрече мы присутствовали вместе с Николаем Дмитриевичем. Меня на входе едва не задержала охрана, так как я забыл приглашение, но моя «Международная карточка журналиста» спасла положение, и меня пропустили. Президент выступал

Обратная сторона письма санитарки МАКСИМЕНКО Д.С.

интересно, образно. В частности, он сказал: «Я категорически против ухода государства из экономики. «Измы» мы строить не будем, нужно создавать многоукладную рыночную экономику, направленную на благо людей. Необходимо точечное реформирование государственной собственности. Мы не пускаем западный капитал в белорусскую экономику, как того хотелось бы иностранным компаниям, а защищаем собственного производителя. Поэтому МВФ нас ненавидит, а Сороса мы сами выгнали... Мы готовы на любые формы сотрудничества и взаимодействия, так что давайте восстанавливать разрушенные связи». (Эти слова сейчас звучат особенно актуально на фоне мирового финансового кризиса 2009 года).

Вечером президент посетил Серафимо-Алексеевскую часовню, откуда отправился в спортивно-концертный комплекс «Иртыш», где прошел матч чемпионата России по хоккею между омским «Авангардом» и новокузнецким «Металлургом». Вслед за тем А. Лукашенко сам вышел на лед, чтобы принять участие в товарищеской встрече ветеранов хоккея Омска и Беларуси. Этот символический матч белорусы выиграли со счетом 6:5, причем две шайбы забросил лично белорусский президент, успевший даже побывать на скамейке штрафников за игру высоко поднятой клюшкой и получивший по окончании приз зрительских симпатий. *(По материалам пресс-релизов).*

А. Лукашенко своими здравыми суждениями произвел на Николая Дмитриевича хорошее впечатление. Во время поездки в Белоруссию его мнение о Лукашенко, как прагматичном политике, укрепилось.

Основным итогом визита стало подписание двух документов – «Соглашения между правительством Республики Беларусь и администрацией Омской области Российской Федерации о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве» и «Соглашения между концерном «Белресурсы» (Республика Беларусь, г. Минск) и комитетом внешнеэкономических связей администрации Омской области (Российская Федерация, г. Омск) об организации торговых домов в Минске и Омске». Один из таких торговых домов возглавил Виктор Радул – бывший глава администрации Шербакульского района. Как-то в беседе с ним Николай Дмитриевич обмолвился о том, что хотел бы вместе с братьями съездить на могилу отца, но в Минской области он никого не знает. Радул позвонил белорусским коллегам из Торгового дома, и те пообещали посодействовать.

И в самом деле, белорусские ребята здорово помогли. Они не только встретили братьев Лыхенко в Минске, но и сопровождали их всю дорогу. Старший Михаил спешил на встречу из Винницы, а Ни-

колай с Иваном летели самолетом до Москвы, а оттуда добирались до Минска поездом.

В Москве Иван предложил Николаю зайти в храм Христа Спасителя. Зная, что Иван не отличался рвением в вопросах православия, хотя и уважительно относился к верующим, Николай удивился, но вида не подал. Иван был старше Николая на 9 лет. Родился он в переломном тридцатом году, когда власть всей мощью своей силы взялась за российское крестьянство, дабы напроць выбить из него дух самостоятельности и сделать послушным винтиком системы.

До самой смерти, то есть до 75-ти лет, Иван работал в объединении «Полет» – гордости Омской промышленности и российского космостроительства. Работал не где-нибудь, а в горячем цехе литейщиком. Общий стаж на «Полете» – 50 лет! Из них тридцать лет «дружил» с огнем. История «Полета» – его история.

Образованное на базе эвакуированных из Москвы в 1941 году опытного № 156 и серийного № 81 авиазаводов, Производственное объединение «Полет» стало одним из крупнейших в стране аэрокосмических предприятий. Конечно, завод, выпускавший боевые самолеты, не упоминали ни в газетах, ни в документах без грифа «секретно» или «совершенно секретно». Иван с гордостью мог рассказывать о своем заводе, о том, что первым директором предприятия был назначен летчик, Герой Советского Союза А.В. Ляпидевский, что в начале своей деятельности завод специализировался на выпуске самолетов. Уже через 6 месяцев после эвакуации в декабре 1941 года был собран первый самолет, бомбардировщик Ту-2. Он особо отмечал тот факт, что в 1941–1943 годах на заводе работало Конструкторское бюро А.Н. Туполева, под руководством которого трудился и будущий «отец русской космонавтики» С.П. Королев.

Братья Иван и Анатолий
ЛЫХЕНКО

В советское время он не боялся критиковать руководство завода, области и страны за недостаточную организацию труда. «Слишком много бездельников кормится около трудового народа, то, что можно сделать двум, делают десять человек». Ругал он и новые времена за то, что в мутной воде кое-кто ловил «золотых» рыбок, что рухнула система социальной защиты человека, оставив его один на один с реалиями рыночной экономики, а точнее экономики Большого базара. Но в то же время он искренне считал, что рыночные механизмы заставят работать человеческий балласт.

Братья, как и положено сняв головные уборы, вошли в храм Христа Спасителя. Николай Дмитриевич был в храме уже не первый раз, но всегда поражался масштабности сооружения, его красоте, особенно умилял его мраморный резной алтарь, похожий на пряничную форму.

- Зачем и кому понадобилось разрушать такую красоту?! – с болью в душе думал он.

Конечно, это были сакраментальные вопросы, так как он знал, кому и зачем понадобилось разрушать храм.

Купив восковые свечи, они с Иваном подошли к «Голгофе» и, перекрестившись, затеплили свечи. Пламя затрепетало, отразилось многократно в сусальной позолоте, но через секунду стало гореть ровно и торжественно.

Выйдя из храма, они долго молча стояли, пока Николай не прервал молчание:

- Иван, расскажи об отце, ты же знаешь, я был совсем маленьким, когда он ушел на фронт.

Иван предложил пройтись. Они направились в сторону «Ленинки».

Путь лежал мимо музея имени Пушкина, картинных галерей художников Глазунова и Шилова, в которых не один раз побывал Николай Дмитриевич во время своих поездок в столицу.

- Отец, – начал рассказ Иван, – был строгим, мог и ремень взять, но детей он любил, нас любил... Он замолчал и задумчиво посмотрел в сторону Кремля, где и до, и после, и в будущем решались, решаются, и будут решаться судьбы иванов, николаев, михайлов и многих миллионов россиян...

Иван, смахнув скупую слезу, произнес:

- Потом договорим...

В Минске они поселились в гостинице с таким же названием. Михаилу, как самому старшему, отдали одноместный номер, а Иван с Николаем взяли двухместный. Перед сном погуляли по городу, наслаждаясь красивыми видами, чистотой улиц и благожелательностью прохожих. Утром

следующего дня вместе с сопровождающими отправились на автобусе в село Красное. Ехали по территории Молодечненского района, расположенного на северо-западе Минской области. Сопровождающие, взяв на себя роль экскурсоводов, познакомили братьев с землей, которую защищал их отец. Братьям было интересно слушать и, глядя на мелькающий за окнами пейзаж, они внимали словам «экскурсоводов»:

- Район был основан за полгода до начала войны. Административный центр района – город Молодечно. На территории расположены 277 населенных пунктов. Крупнейшие реки – Березина (бассейн Немана), Вилия, ее приток Уша. По территории Молодечненского района проходят автомобильные дороги республиканского значения: Минск – Вильнюс, Молодечно – Вилейка – Мядель, Молодечно – Воложин.

В городе Молодечно расположена узловая железнодорожная станция. В состав промышленного комплекса района входят Молодечненская картонная фабрика «Раевка», Малиновщинский спиртоводочный завод «Кристалл-2», Молодечненский мясокомбинат...

В сельскохозяйственном производстве занято около 5,5 тыс. человек. Предприятия района специализируются на производстве мяса, молока, зерна, льна, картофеля. Земли сельскохозяйственного использования занимают 53 117 га, в среднем 2656 га на одно хозяйство. Удельный вес растениеводства в валовой продукции сельской промышленности составляет 55%, животноводства – 45%.

На молодеченской земле родился народный поэт Беларуси Янка Купала. На его родине находится Купаловский мемориальный заповедник «Вязанка»... Под монотонный голос, мягкое шуршание шин Николай Дмитриевич стал подремывать, но последние слова всколыхнулись в нем отзвуком далекого детства. Он вспомнил светлый, просторный класс Георгиевской школы, учительница читала стихи Янки Купалы:

*Соха моя уже готова в дело –
Направил сошники честь честью,
Колодку вытесал из плашки белой,
И палцу обил добротной жестью.*

*Теперь запрячь осталось лошадежку,
Стегнуть негрозно для порядку,
И можно приналечь во всю силенку,
Покрепче стиснув рукоятку.*

*...Мы с нею вместе завтракали в поле,
Чтоб сытно-трудно похвалиться:
Краюшку разделили на две доли,
Затили ключевой водицей...*

От нахлынувших воспоминаний ему стало грустно, а сердце закололо так, как это всегда происходило в последние годы, когда он начал волноваться.

- Ну, вот и прибыли! – Бодрый голос «экскурсовода» прозвучал естественно громко.

Красное оказалось застроенным добротными домами большим селом с населением около трех тысяч человек. Из достопримечательностей в селе имелись: православная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, постройки 1889 года, костел Успения Пресвятой Девы Марии, краеведческий музей и природный заповедник «Лебединое озеро». На окраине села стояли памятники Боевой Славы. Туда сразу и направились братья вместе с сопровождающими.

Они шли по земле, насыщенной кровью бойцов, наспигованной железом войны. Чем ближе подходил Николай Дмитриевич к месту упокоения своего отца, тем сильнее он волновался, даже слеза прошибла.

Среди сосен скромно стоял обелиск с фамилиями бойцов, точнее, обелисков было несколько: один с фамилиями, другой – на могиле летчиков, о том, что там похоронены летчики, свидетельствовал гнутый пропеллер от самолета, третий памятник располагался в трехстах метрах от этих двух: на массивном постаменте стоял танк с красными звездами в честь танкового корпуса, освободившего Красное. Словом, братья увидели целый мемориальный комплекс, который содержался в хорошем состоянии. Привыкший к обстоятельному знакомству со всем новым, Николай Дмитриевич внимательно прочел надпись на центральном обелиске, на нем были простые слова: «Они сражались за Родину 1941-1945. Слава павшим освободителям от благодарных жителей д. Красное». На следующем обелиске перечислялись фамилии экипажа самолета, сбитого в небе Белоруссии. На постаменте с танком рельефными буквами были выбиты слова: «Воинам 3-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса, в упорных боях 3-5 июля 1944 года освободившим от немецко-фашистских захватчиков Молодечненский район и г. Молодечно. Вечная слава героям Великой Отечественной войны!».

Среди фамилий бойцов брата Лыхенко нашли фамилию отца. Низко склонив головы, стояли они у обелиска, а потом Николай Дмитриевич достал мешочек с екатеринославской землей, взятой с могилы матери и бережно высыпал эту землю на могилу отца. Так он исполнил долг памяти.

Сибирская земля, соединившись с землей Белоруссии, стала незаметной, как и незаметной для огромной войны была смерть сержанта Лыхенко, но война, складываясь из таких вот незаметных смертей, громоздя их одну на другую, истощивала свое вселенское зло. Пресытившись смертями, война, как и следовало быть, закончилась. Многие воины ушли в беспамятную нашу российскую историю, которая сегодня восстанавливается по крупицам.

В Книге памяти Полтавского района сведения о сержанте Лыхенко скудны, но, подключив к поиску архивы Минобороны и базы данных Интернета, удалось установить кое-что интересное. Как будто сквозь пелену забвения проступали очертания одной человеческой судьбы. Как оказалось, сержант Лыхенко причастен к героической истории того самого 3-го гвардейского Сталинградского корпуса, в честь подвигов которого и стоял памятник с танком на постаменте. Немного из истории славного корпуса, в составе которого воевал и погиб Лыхенко Д.А.

24 декабря 1942 года газета «Красная Звезда» в передовой статье назвала его одним из лучших соединений Красной Армии. 27 января 1943 г. приказом НКО корпусу было присвоено почетное наименование - Сталинградский. Вскоре после Сталинградской битвы генерал В.Т. Вольский заболел (позднее он командовал 5-й танковой

Отец Николая ЛЫХЕНКО воевал, а в это время мама трудилась в тылу.

армией) и командиром корпуса был назначен генерал-майор танковых войск Виктор Тимофеевич Обухов. Участник гражданской войны, он командовал танковой дивизией на западной границе, когда фашисты вторглись на советскую территорию. С тяжелыми боями танкисты вышли из окружения. Летом и осенью 1943 г. корпус наступал в составе войск Воронежского (1-го Украинского) фронта на Левобережной Украине. Его войска освободили многие населенные пункты Украины, участвовали в разгроме ахтырской группировки противника, неудержимо продвигаясь к Днепру. Форсировали этот важный рубеж в 5 км северо-восточнее Канева, а затем сражались на правобережном плацдарме.

Весной 1944 г. на должность начальника штаба корпуса прибыл гвардии полковник Г.С. Сидорович, кадровый офицер, начавший службу в армии красноармейцем пограничных войск, затем окончивший академию Генерального штаба. В 1941–1943 гг. участвовал в боях против немецко-фашистских захватчиков и приобрел фронтовой опыт. Получив новое назначение, он скоро зарекомендовал себя как одаренный военачальник и прекрасный человек.

В наступлении Красной Армии в 1944 г. корпус сыграл видную роль. Высокий моральный дух личного состава, боевой профессионализм и накопленный опыт войны позволяли успешно решать боевые задачи, которые ставились перед корпусом в операции «Багратион». В Белоруссии, Литве и Латвии корпус вновь показал высокую эффективность наступательных действий. За бригадами и полками корпуса не всегда успевали следовать тылы. Тогда горячее для заправки боевых машин доставляла авиация.

Корпус принимал участие в форсировании Березины, в боевых действиях за Красное, Молодечно, Вильнюс, Шяуляй, Елгаву, Ригу, в быстром прорыве к побережью Рижского залива в районе Тукумса (8-я гвардейская мехбригада), в отражении танковых атак немецких войск под Жагаре, в сентябрьском наступлении 1944 г. на рижском направлении. Осенью 1944-го и все последующие месяцы до конца войны корпус сражался против курляндской группировки противника.

Боевой путь корпус закончил на Дальнем Востоке в составе войск 1-го Дальневосточного фронта. Почетные наименования и награды: Приказом НКО СССР от 27 января 1943 г. присвоено почетное наименование Сталинградский. 18 декабря 1942 г. 4-й механизированный корпус был преобразован в 3-й гвардейский. В состав корпуса входили:

7-я гвардейская механизированная бригада (бывшая 36-я),
43-й гвардейский танковый полк (бывший 26-й танковый полк),
8-я гвардейская механизированная бригада (бывшая 59-я),
44-й гвардейский танковый полк (бывший 20-й танковый полк),
9-я гвардейская механизированная бригада (бывшая 60-я),
45-й гвардейский танковый полк (бывший 21-й танковый полк),
55-й танковый полк.

Как свидетельствуют документы (донесение №Д-50872 сот 14.07.44г.), гвардии младший сержант, наводчик противотанкового ружья 9-й гвардейской механизированной бригады Лыхенко Дмитрий Александрович, 1901 г.р., уроженец Гайвороновского района Одесской области села Таужна, призванный Полтавским райвоенкоматом, погиб 4 июля 1944 г. и был похоронен в селе Красное, в братской могиле. 9-я гвардейская бригада за форсирование р. Березины, освобождение городов Вилейка и Красное, а также за содействие в освобождении Минска получила благодарность Верховного Главнокомандующего. На линии Молодечно – Сморгонь бригада получила наименование Молодечненской.

Дмитрий Александрович погиб в самый разгар боев первого этапа Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион». Первый этап этой великой операции, начавшийся 23 июня 1944 года, завершился 4 июля 1944 года. Была разгромлена группа армий «Центр», ее 17 дивизий, а 50 дивизий потеряли более половины состава, но и с нашей стороны потери были велики: 178507 бойцов сложили свои головы на полях сражений, более полумиллиона было ранено. Только за сутки хода операции наши подразделения теряли по 11262 человека! Такова цена победы.

Братья Лыхенко, помянув отца, шагали по мирному селу Красное. Николай – повыше ростом – в куртке, Иван и Михаил примерно одного роста, первый в кожаном пальто, второй в драповом. Стоял солнечный день. Люди обращали внимание на статных пожилых мужчин, иногда кто-то из жителей подходил и спрашивал:

- Откуда вы?

За всех отвечал самый разговорчивый Михаил. Когда люди узнавали, что братья приехали из Омской области на могилу отца, освободителя их села, то одни просто говорили: «Спасибо!», другие кланялись, третьи интересовались жизнью в Сибири. Михаил говорил без умолку. Иван, немногословный от природы, даже сделал ему замечание:

- Миша, ну, что ты так много говоришь? Давайте лучше походим молча...

Но подходили новые люди, познакомились, глаза их вспыхивали неподдельным чувством благодарности...

В номере гостиницы братья накрыли стол, поставили водочку, пригласили своих провожатых и выпили за помин души отца своего и всех воинов русских...

По воле судьбы или по простому совпадению, коих в нашей жизни немало, белорусское радио в тот вечер транслировало передачу о войне. Левитан зачитывал обычную фронтовую сводку:

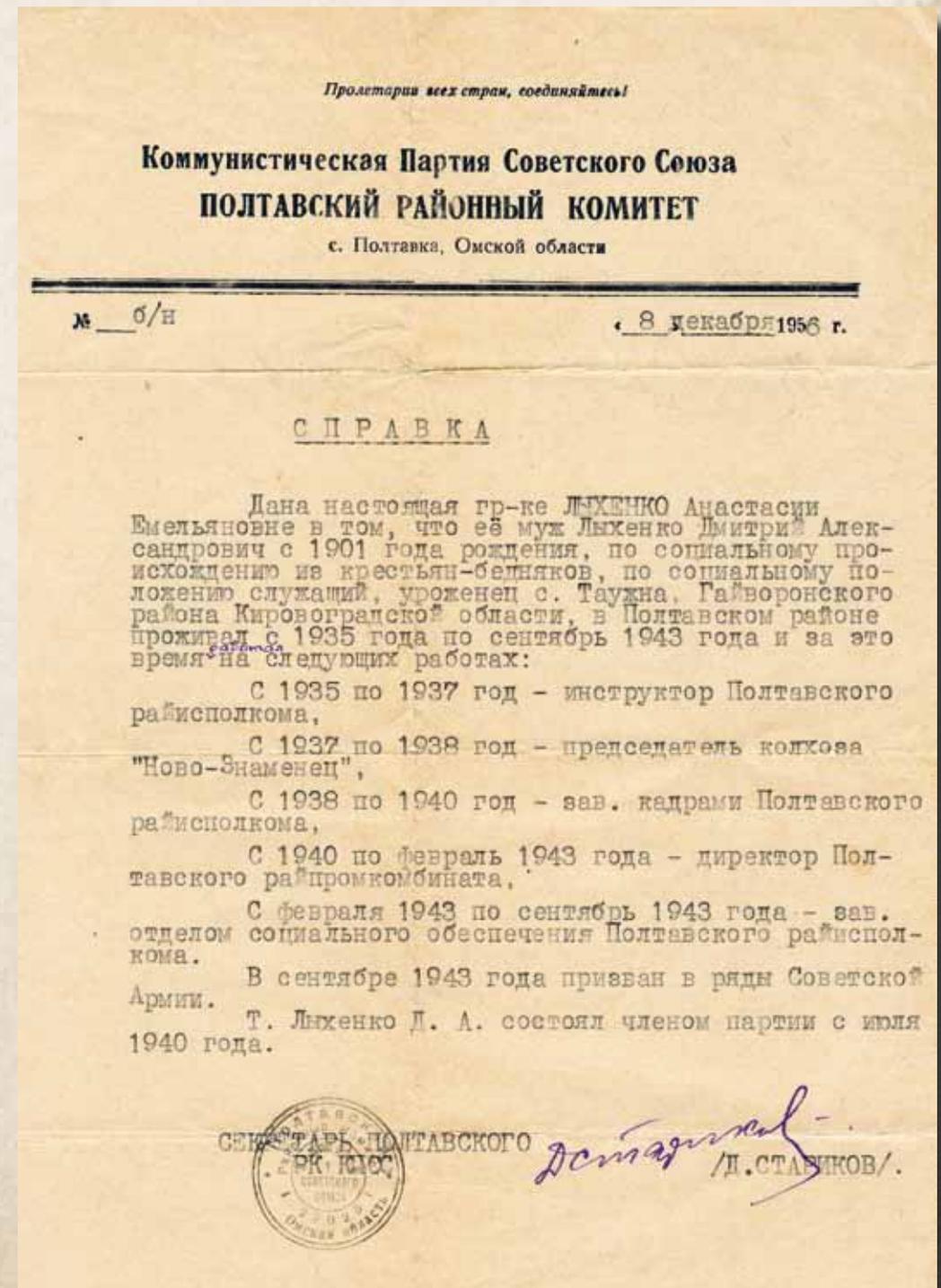
...Войска 3-го БЕЛОРУССКОГО фронта, при содействии войск 1-го БЕЛОРУССКОГО фронта, в результате стремительно проведенной операции с глубоким обходным манёвром с флангов, 3 июля штурмом овладели столицей Советской Белоруссии городом МИНСКОМ, а также с боями заняли более 450 других населённых пунктов, среди которых районный центр Минской области город ЛОГОЙСК, районный центр Вилейской области город КУРЕНЕЦ, крупные населённые пункты БУДСЛАВ, ДОЛГИНОВО, БАКУНЬКИ, КРАЙСК, ДУНАЙ, КРЕМЕНЕЦ, СОСЕНКА, СТАРИНКИ, ИЛИЯ, БЕЛОРУЧ, ОСТРОШИЦКИЙ ГОРОДОК и железнодорожные станции БУДСЛАВ, КРИВИЧИ, КУРЕНЕЦ. Наши войска вплотную подошли к городу и железнодорожному узлу МОЛОДЕЧНО, где завязали бои на окраинах города.

...Войска 3-го БЕЛОРУССКОГО фронта 5 июля в результате стремительной атаки овладели городом и крупным железнодорожным узлом МОЛОДЕЧНО, а также с боями заняли более 150 населённых пунктов, в том числе районный центр Вилейской области – город и железнодорожную станцию СМОРГОНЬ, крупные населённые пункты ЧЕРЕМШИЦЕ, МОКШИЦА, СЛОБОДА, МИШУТЫ, МИЦКЕВИЧИ, ОЛЕНЕЦ, БЕЛЕЗО, ВЕНЗЕЛЕВО, РАКОЗ, ВОЛМА...

Братья невольно вслушивались в текст сообщений.

- А нашего Красного в сводке нет, – произнес кто-то из них.
  - Молодечно есть, – сказал Николай Дмитриевич, – а все населённые пункты, вряд ли перечисляли. Но мы-то знаем, что Красное было.
  - Было! – утвердительно произнес Иван.
  - Было! – эхом отозвался Михаил.
- И казалось, что вся Вселенная повторила: «Было!».

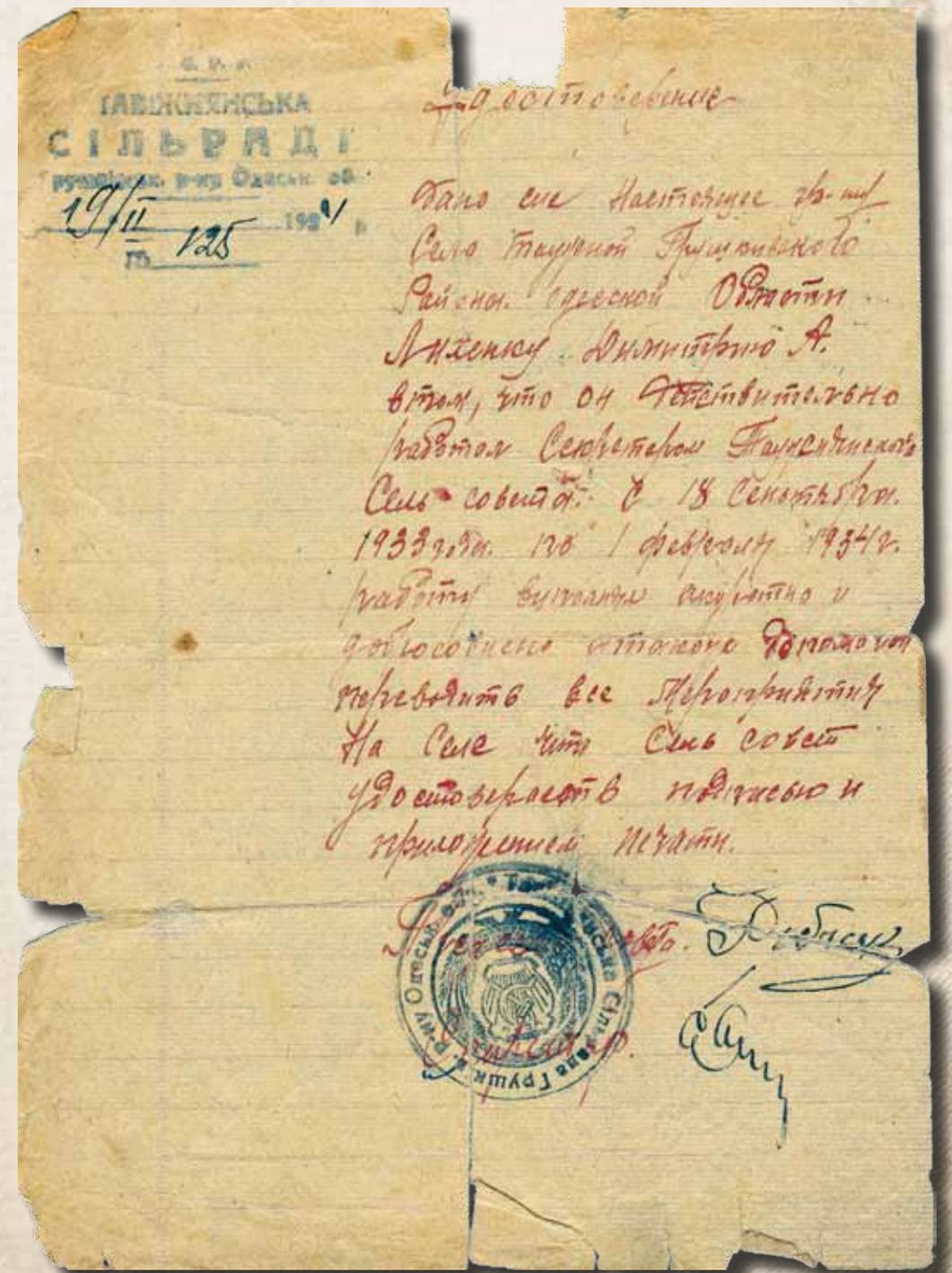
А Родина начиналась с хутора...

Справка из райкома

Дмитрий Александрович Лыхенко

Удостоверение Таужненской сільрады

Удостоверение

Знакомый с его гр-н Саяа Марьяна.
 Губернского Р-на Лыхенко Дмитрий А.
 воеводе присутствия Николая Николаевича
 вучены и Кривоной Жилин, в 1924 году
 Жилина с, сестрой Архип и изобретено
 вление Кавыкин Кривоного 177-60.
 и Работный в до 1926 года в 1926 году
 17-6 Лыхенко изобретено в 1926 году
 Работной Колесной и сурьезе в том до
 1930 году. 1929 году. 1929 году
 изобретено в 1929 году. 1929 году
 Саяа Савсета на 1850 году и 1929
 Работной в до 1931 года. 1931 года
 в 1931 году. 1931 года. 1931 года
 Колесной в 1931 году. 1931 года
 удостоверение в 1931 году. 1931 года
 в 1931 году. 1931 года. 1931 года

Секретарь Лыхенко

удостоверение Лыхенко Дмитрий

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
 ОТДЕЛ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ
 № 34

Место для печати

Р. С. Ф. С. Р.
НИКОНОВСКИЙ
 Сельский Совет
 Волынского района
 Омской области

Гр-н **Лыхенко** (фамилия)
Дмитрий Александрович (имя)
 гр-ка **Семешкина С.** (фамилия)
Анозасия Семешкина (имя и отчество)

вступили в брак, о чем в книге записей актов гражданского состояния о браке
 Удостоверение в 1931 году. 1931 года
 произведена соответствующая запись

Лыхенко (он)
Лыхенкова (она)

бюро ЗАГС **Лыхенко** Делопроизводитель **В. Лыхенко**

Брачное свидетельство супругов Лыхенко

Бабушкины руки...

Анастасия Емельяновна с детьми:
Александром, Владимиром, Анатолием, Светланой
и племянницей Светланой

Справка о составе семьи Лыхенко
и награды Анастасии Емельяновны

*Анастасия Емельяновна со своей сестрой Анной
и сыновьями Александром и Анатолием*

В гостях у Анатолия: Николай, Александр, Владимир, Анатолий

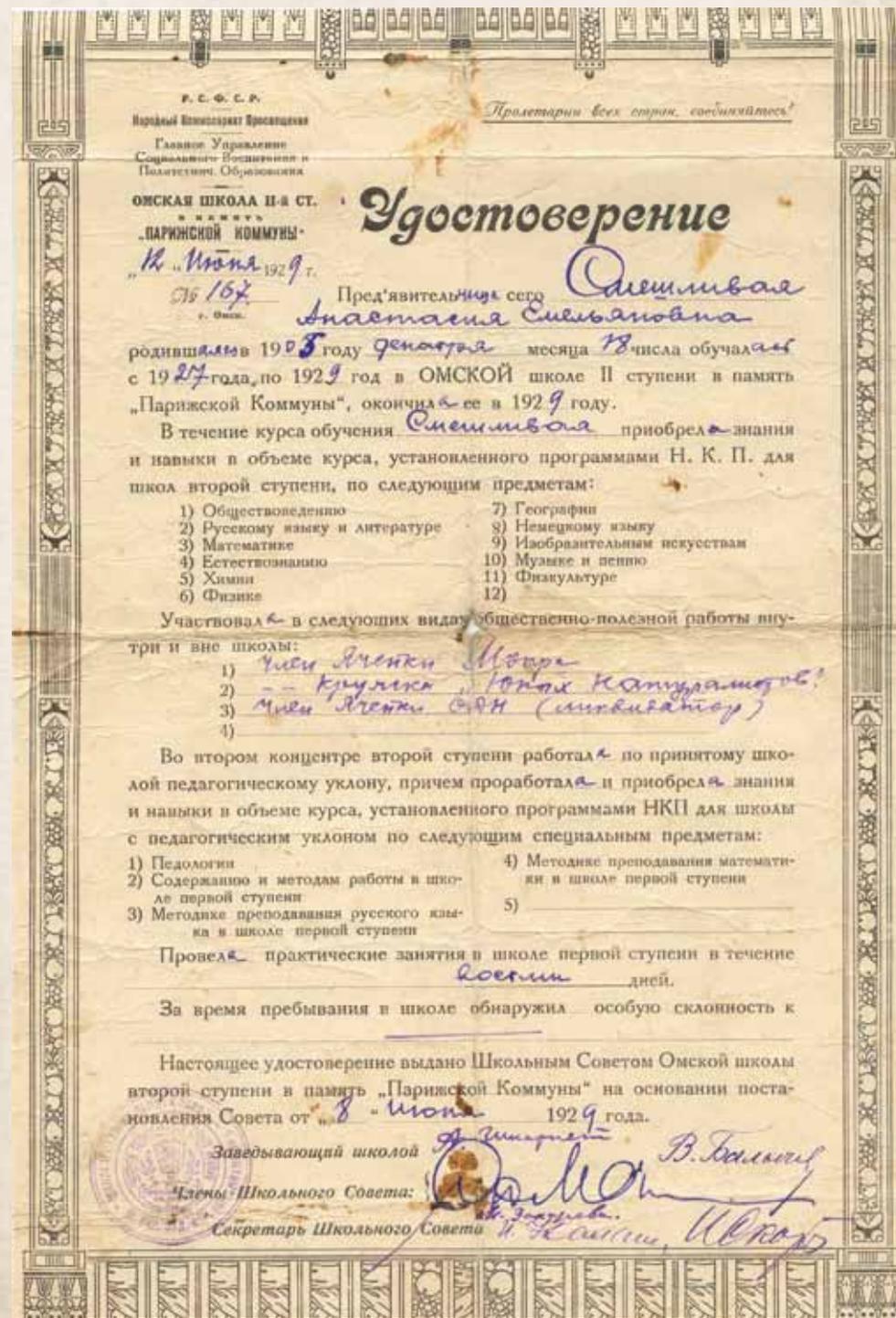
Анастасия Емельяновна

Володя и Саша с мамой на поле

Мама Анастасия Емельяновна Лыхенко

Удостоверение Анастасии Емельяновны

Самая любимая мама Анастасия Емельяновна

Мамин брат – Павел Емельянович Смешильвий

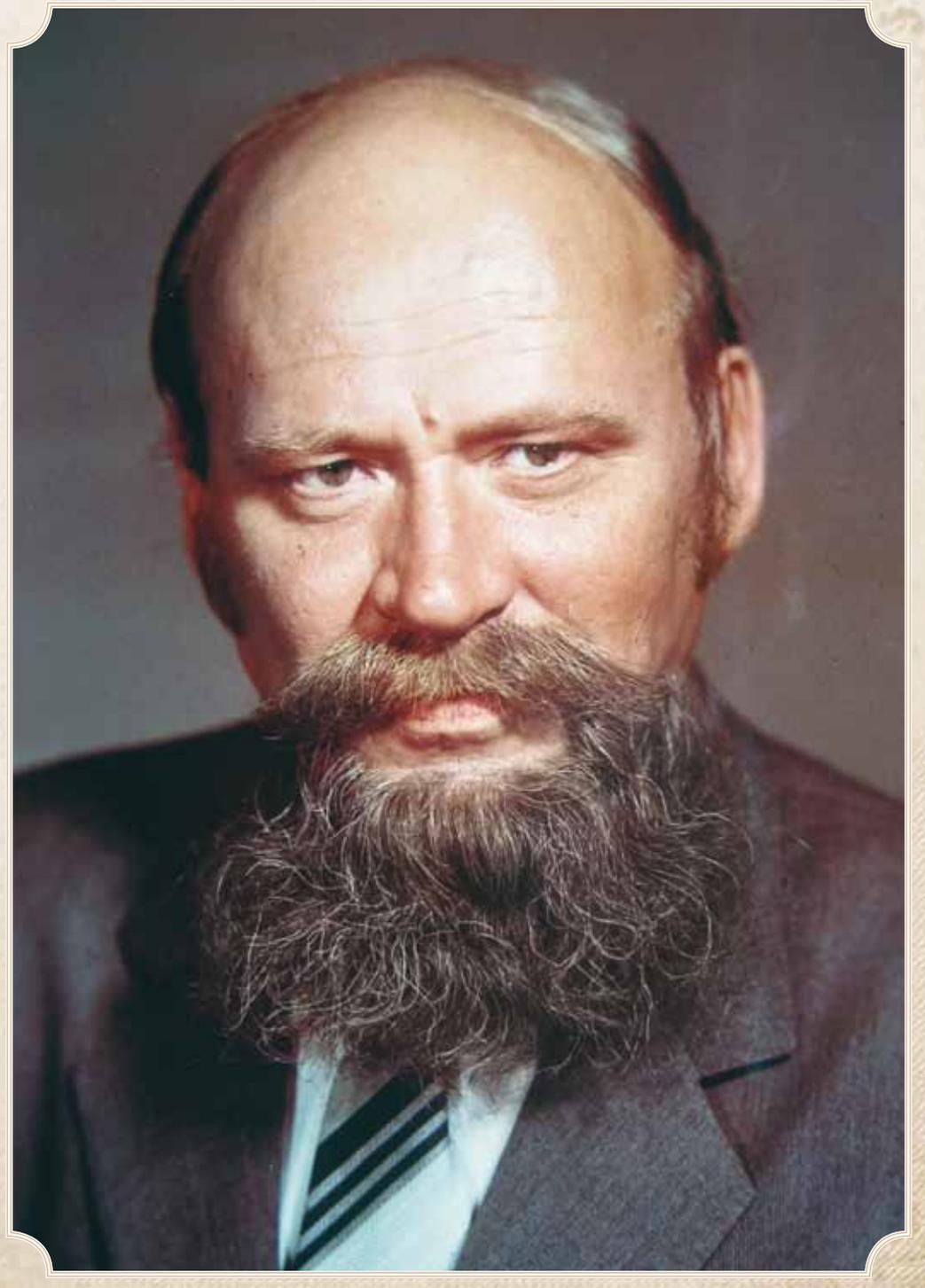
Валя Лысенко – двоюродная сестра Николая Дмитриевича на руках у сестры отца Вали – Варвары Тихоновны. Справа – Л.Д. Котылова

Сестра Николая Дмитриевича Светлана с правнучкой Татьяной. Полтавка, 2009 г.

Анатолий Лыхенко на 1 курсе СЮИ. 30.10.54 г.

Анатолий – юрист. Как быстро летят годы...

Брат Владимир стал инженером

*Проводы Владимира в армию. Анастасия Емельяновна, Светлана, Владимир, дочь Светланы – Галина.
Дережня Георгиевка*

Брат Василий. Моряк и шахтер

Старшая сестра Ирина. В войну потеряла двоих детей

Брат Александр – строитель

Брат Александр, тётя Нина Емельяновна и супруга Александра Тамара Николаевна

Брат Михаил – офицер

Михаил (Макар) Дмитриевич Лыхенко.
Ветеран войны и труда

Дорогие ребята Николай, Сергей,
Дмитрий, Мария, Ирина, Тина,
Катюша.

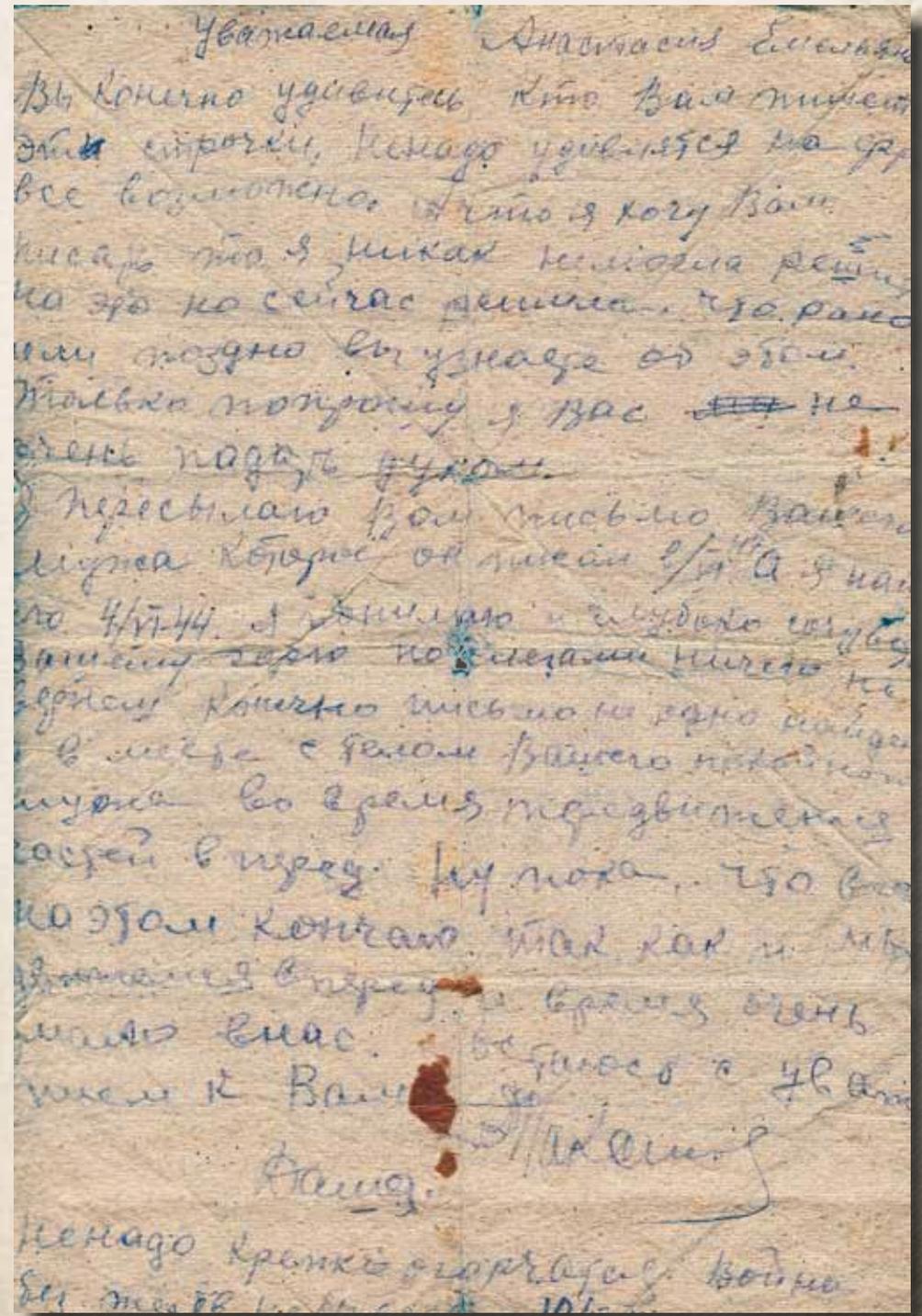
С днем рождения в день
40-летия Великой Победы
9 мая 1985 года.

Ваш брат в отставке
Михаил Макар
Дмитриевич

г. Кинешма - 21
ул. Лесная, 74 кв. 44.

Братья Иван и Николай

Письмо с фронта санитарки Максименко Д.С.

Мемориал в селе Красном

На могиле отца. Братья Николай, Михаил, Иван

Село Красное. Братья у танка

Справка о наградах Михаила

*«У отца-матери за пазушкою»
«Кто родителей почитает, тот веки не погибает»
Народные пословицы*

ХУТОР СМЫШЛЯЕВ

Нина Емельяновна Смешливая родилась в 1921 году. Работала в Вербовской, Борисовской, Кутузовской школах. Последней школе она отдала 53 года. Нина Емельяновна – родная сестра матери Николая Дмитриевича Лыхенко – Анастасии Емельяновны – тоже учительницы. Семья Смешливых – это династия учителей, которая пользовалась и пользуется заслуженным авторитетом в районе.

Солнечный январский день. Снег, которого так долго ждали, выпал обильно и укрыл толстым, ослепительно белым покрывалом землю. Посреди выбеленной снегом улицы Озерной, что в селе Екатеринославка, весело смотрится дом Лыхенко Александра – младшего брата Николая Дмитриевича. Александр Дмитриевич – отменный каменщик и камнерез. Все, что связано с камнем в Екатеринославке, сделано его руками.

В январе 2009 года Лыхенко встречали дорогую гостью – Нину Емельяновну Смешливую, которая всем братьям Лыхенко доводится тетей. Нина Емельяновна приехала из Твери, где жила у единственного сына. Соскучилась она по сибирским морозам, по белому снегу, по родным и подругам, состав которых со временем, не щадящим никого, поредел. «Кто его знает, – рассуждала Нина Емельяновна, – может в последний раз придется свидетелься». Племянники, Николай и Александр, и супруги их встретили тетю радушно, она даже растрогалась и всплакнула. На постой Нина Емельяновна определилась у Александра. Большой, светлый и теплый дом располагал к уютному проживанию. Здесь Нина Емельяновна чувствовала себя легко и, по ее словам, «как в раю». Нет, не потому, что у сына ей жилось плохо, а потому, что за окнами лежала родная земля, и дышала она воздухом Сибири, тем самым воздухом, который и при сорокаградусном морозе только бодрит и заставляет кровь приливать к щекам, воздухом, который насыщен воспоминаниями и хранит дыхание прошлых лет...

Многое изменилось за 88 лет ее жизни. Унесла река времени былое в темную даль, но снег по-прежнему остался таким же белым и пушистым. Похожий снег падал на хутор Смешляев, вольно раскинувшийся в 20 верстах от Омска по дороге на Чернолучье, и Нина ловила снежинки руками, зачерпывала горстями снег из сугробов и, слепив первый снежок, кидала

его в брата Павла, тот отвечал ей залпом из обеих рук, пока зычный голос деда Платона не останавливал простую детскую забаву. Деда Платона Григорьевича в семье побаивались и уважали. У него были ключи от всех ларей, сундуков и амбаров. Без его соизволения не начиналась и не оканчивалась ни одна работа по дому. Все и вся подчинялись строгому распорядку, который казался деду единственным и незыблемым.

Неграмотный, он обладал той самой крестьянской сметкой, которая всегда выручала русского мужика. Дед сам вел учет всему обширному хозяйству. Ранним утром он всем, даже подросткам, давал работу, кому посложнее, кому полегче. Вечером каждый отчитывался о выполнении задания. В шесть лет дед посадил свою дочь Натку (Анастасию) на лошадь и научил ее управляться с лошадьми. Никто не имел права первым садиться за длинный обеденный стол в доме, кроме деда. Он, перекрестившись на висевшую в красном углу икону, садился во главе стола. Ребятишки в ряд садились по одну сторону, взрослые – по другую сторону стола. Трапеза проходила чинно и молча. Ежели кто-то из сильно нетерпеливых пытался стащить кусок ранее других, дед мог стукнуть по лбу виновного деревянной ложкой, приговаривая: «О це, Боженька, кийком (посохом) наказала». Когда пекли хлеб и соблазн стащить румяную корочку перебарывал детский страх перед наказанием, дед, заметив «хитника», приговаривал:

- Бисов батька, беспардонщина, шматки тягаєте!

Руки у деда были сильные, широкие. Дюжий был мужик, мог мешок взять за гузырь и поднять одной рукой.

- У него ладонь была, как две моих, – смеется Нина Емельяновна.

Дед был строгий, но добрый. Не матерился. Самое страшное ругательство из его уст звучало так:

- Матери твоей сто бисив!

Нина Емельяновна СМЕШЛИВАЯ

Бывало, из города привезет целую телегу арбузов, и весь хутор пирует. В Омск он ездил часто. Отвозил с хутора молоко, масло и сметану для кондитерских потребностей известной купчихи первой гильдии Марии Шаниной.

(Мария Александровна Шанина родилась 26.03 (7.04) 1864 г. в Омске в семье мещанина А.Е. Накладова. Посещала церковно-приходскую школу. В 1881 г. вышла замуж за владельца магазина М.Н. Шанина. После смерти мужа купила землю и построила в 1898 г. двухэтажный магазин (архитектор И.Г. Хворинов) на Любинском проспекте. Открытие одного из первых омских универмагов состоялось 12 (25) сентября 1900 г. Около 80 приказчиков торговали в магазине оптом и в розницу готовым платьем, золотыми и серебряными изделиями, часами, мануфактурой, галантереей. Кредит Шаниной в Омском отделении Госбанка в течение ряда лет составлял 50 тысяч рублей, что свидетельствовало о ее высокой платежеспособности. Только в Омске ей принадлежало 8 домов.

М.А. Шанина состояла членом ряда научных и благотворительных обществ. Общественная и благотворительная деятельность занимала значительную часть ее времени. В составе городского благотворительного общества М.А. Шанина работала с конца 90-х гг. XIX в. Мария Александровна внесла самый большой вклад (150 руб.) в фонд I Западно-сибирской выставки, проводившейся летом 1911 г. в нашем городе. В марте 1912 г. она передала 25 рублей и мануфактуру Омскому отделу Московского общества сельского хозяйства в пользу голодающего населения Акмолинской области. Шанина жертвовала значительные суммы пострадавшим от землетрясения в Казахстане, на ремонт здания музея ЗСОРГО.

Омская предпринимательница состояла также членом многих попечительских советов, участвовала в организации Омского коммерческого института, была одним из учредителей народного университета в нашем городе и внесла на его счет 25 тысяч рублей.

Умерла Шанина в Москве в 1920 г.

Энциклопедия Российского Купечества).

Магазин Марии Александровны Шаниной до сих пор стоит на Любинском проспекте, упираясь одной стороной в земляной обрыв. В годы советской власти там размещался комиссионный магазин, теперь – ювелирный. Известной купчихе Платона Григорьевича порекомендовал не менее известный предприниматель Ричард Генрихович Шпехт, имение которого располагалось неподалеку от угодий Платона Григорьевича. Следует заметить, что хутор Смешляев (в других документах он значится как хутор Смешляева – Франчека – Баранниковский) располагался среди хуторов и владений, земли которых арендовали немцы у омских казаков. В списке населенных пунктов с

немецким населением Ново-Омского уезда 1925 года хутор числится в составе Шпехтовского сельсовета наряду с хуторами Шпехтовка, Классен-Берг, Климента, Мауэра, Гейна Карла, Зименса и других. **(ГАОО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 37. Л. 2-55).** Кстати, на хуторе Смешляева в 1925 году проживало 37 человек. Хуторов было столько, что их владельцы решили совместно выделиться в отдельную волость. Но все по порядку. В начале документ из архива. **(ТФ ГАТюмО. Ф. 335. Оп.608. Д. 54. Л. 4-5.)**

Отметим, что хозяйство Смешливого занимает 21-е место в этом списке по количеству десятин собственной земли.

662 десятины по тем временам – это немало, почти 725 гектаров, или 55,7 га на одного человека, проживающего на хуторе. Вождь мирового пролетариата В.И. Ленин всех владельцев, имеющих свыше 500 десятин земли, называл помещиками, латифундистами. И хотя Платон Григорьевич верил в то, что все будет хорошо и его никто не тронет, так как он «заплатил все налоги», он ошибся. Ошибся потому, что и в мыслях не мог предположить, как Советская власть поступит с крестьянством, хозяевами, такими как он, но об этом позже...

Второй момент: хозяйство Смешливого располагается среди немецких участков, и это накладывает свой отпечаток на деятельность переселенцев. Они не только видят, как рачительно трудятся немцы, но и перенимают все полезное, нужное. Ричард Генрихович Шпехт – сосед Смешливого заводит коров симментало-украинской породы, покупает усовершенствованный инвентарь. Молоко он перерабаты-

Перечень участков с немецким населением, находящихся в районе Кулачинской волости Тюкалинского уезда Тобольской губернии, май 1917

Наименование участков	Количество десятин земли собственной	Количество десятин земли арендованной	Число душ
Лосениус	460	-	20
Калининский	474	-	2
Готмановский	613	-	21
Кирьяновский	810	-	86
Кирьяновский	265	-	11
Адриан	484	-	19
Трусовка	1448	-	155
Ромбергский	1390	-	61
Зейфертский	516	-	37
Девятериковский	952	-	121
Калининский	550	-	3
Шараповский	640	-	6
Зайневский	600	-	4
Беккель	250	-	21
Халдеевский	644	-	45
Кремлево	1213	-	115
Штефановский I	36	-	7
Смешливый	662	-	13
Морозовский	-	200	36
Баранниковский	163	-	7
Шпехтовский 1	658	-	38
Шпехтовский 2	100	-	9
Штефановский 2	55	-	6
Штефановский 3	55	-	6
Штефановский 4	520	-	12
Круковский	400	-	-
Ивашкевич	850	-	117
Осиповский	-	577	135
Чучкинский	801	-	154
Бородинский	1576	-	148

вает в масло, тильзитский сыр. Генрих Абрамович Браун приобретает трех чистокровных производителей голландской породы аж в Екатеринославской губернии по 171 рублю штука с доставкой. С интересом Платон Григорьевич присматривается к посевам пшеницы – кубанки и белоколоски, шведского овса, ячменя Шевалье и пробштейнской ржи. Его хозяйство растет, крепнет.

Жизнь продолжается. Собственники земельных участков решают выделиться в отдельную волость.

В архиве сохранился уникальный документ:

ЖУРНАЛ ОБЩЕГО ПРИСУТСТВИЯ ТОБОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО КРЕСТЬЯНСКИМ ДЕЛАМ, 24 ИЮНЯ 1917 Г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Председатель: Губернатор

Вице-губернатор

ЧЛЕНЫ:

Управляющий Казенной палатой

Начальник Управления земледелия и госуdarств. имуществ

Председатель Окрусного суда

Прокурор Окрусного суда

Заведывающий земледелием и переселением

и непременно члены по крестьянским делам.

СЛУШАЛИ:

Владельцы собственники участков Лосениуса, Калининского 1-го, Гетмановского, Кирьяновского 1-го, Кирьяновского 2-го, Адриановского, Трусовского, Липатниковского 1-го, Ромбергского, Зейфертского, Десятириковского, Калининского 2-го, Сараевского, Шарановского, Липатниковского 2-го и 3-го, Зайцевского, Кузьминского, Липатниковского 4-го, Беккелевского, Халдеевского, Кремлевского, Штефановского 1-го, Поддубнаго, Даховского, Зеленгуровского, Смешливого, Быковского, Здориченковского, Чернаковского, Бараниковского, Смолового, Слепокойникова, Марковского, Безбородовского, Тереховского, Шпехтовского 1-го, Богомоловского, Шпехтовского 2-го, Похиловского 2-го, Липки, Безуглого, Штефановского 3-го и 4-го, Оанчевского, Пирожниковского 1-го и 2-го, Букреевского 1-го, 2, 3 и 4-го, Григорьевского, Ярыгинского, Круковского, Соколовского, Якина, Ивашкевичева, Чучкинского, Бородинского и Малаховского и арендаторы участков Морозовского, Мартьяшинского, Осиповского, Ильинского и Майорского Кулачинской волости Тюкалинского уезда возбудили ходатайство о выделении их в самостоятельную волость с наименованием ее «Бородинской».

Основной целью образования самостоятельной волости является создание работоспособного волостного самоуправления, соответствующего мелкой земской единице.

Выделяющаяся в самостоятельную волость группа граждан имеет все основания для образования из себя такой самоуправляющейся единицы:

- 1) *обособленную площадь землевладения.*
- 2) *достаточное количество хозяйственных и умственных сил для организации, ведения и содержания волостных учреждений.*
- 3) *однородность хозяйственных интересов.*
- 4) *солидарность во взглядах на формы и задачи ведения волостного хозяйства, вытекающую из, сравнительно с соседним крестьянским населением, высокого культурного уровня хозяйств, составляющих группу.*

Выделяющаяся в самостоятельную волость группа граждан не имела до сей поры почти никакой возможности участвовать в общественной жизни существующей волости, вследствие многих непреодолимых условий:

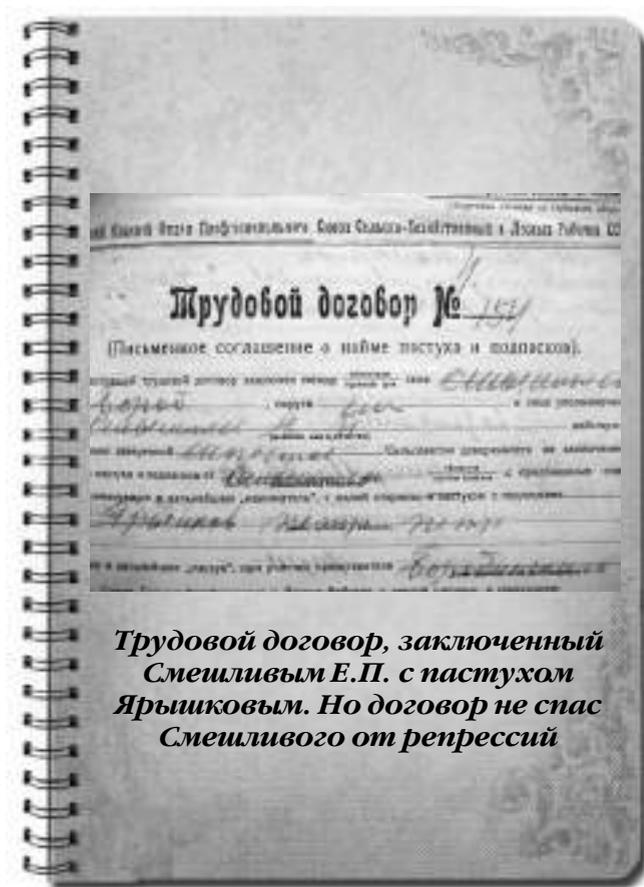
а) отдаленность участков от центра волости.

б) отсутствие на ее территории крупных населенных пунктов, дававших бы возможность организации нормально существующего сельского управления, путем коего возможно было бы участвовать в волостной жизни.

в) недостаточная ее численность в пропорциональном отношении к общей массе населения, составляющего Кулачинскую волость, чтобы оказывать влияние и отстаивать свои интересы, благодаря чему на всей территории, занимаемой группой, нет ни одной сельской школы, ни одного медицинского пункта, ни одной версты хорошо содержимой дороги, не говоря уж о других, имеющих общественное значение, учреждений. Таким образом, 66 названных участков, расположенных на 42000 десятинах, ведущих культурные хозяйства, были совершенно предоставлены каждое само себе без условий для объединения в целях организации самоуправления.

г) Немаловажное значение для степени участия в общих волостных делах имеет наблюдающееся враждебное отношение к ним крестьянства.

Из приложенных к ходатайству сведений видно, что в названных выше участках числится 2100 душ обоого пола.

Трудовой договор, заключенный Смешливым Е.П. с пастухом Ярышковым. Но договор не спас Смешливого от репрессий

К переписке также приложена копия отношения Кулачинского волостного Комитета от апреля с. г. за N 2732 на имя частновладельцев о воспреещении Кулачинскому волостному старшине исполнять деловые бумаги, относящиеся к частновладельцам, ввиду того, что последние уклонялись и уклоняются от несения денежных платежей по всемирским повинностям, несмотря на увеличение работы, вызванной ими, в особенности в военное время.

Закон: Ст. 48, 474 и 476 Общ. Пол. о крест.

ПОСТАНОВИЛ: Рассмотрев дoloженное, Общее присутствие Губернского управления находит необходимым, в целях достижения правильного и успешного действия органов волостной администрации и сокращения расстояния, образовать из вышеуказанных 66 участков самостоятельное сельское общество с наименованием его «Бородинское». Имея в виду, что участки эти вполне могут содержать самостоятельную волость, Присутствие также находит необходимым выделить это общество из состава Кулачинской волости в самостоятельную волость «Бородинскую» с местопребыванием волостного Правления на участке «Бородинском».

Ввиду изложенного, Общее присутствие определяет: образовать с 1-го июля 1917 года из сказанных выше 66 участков Кулачинской волости Тюкалинского уезда самостоятельное сельское общество с наименованием его «Бородинское» и выделить его с того же числа из состава Кулачинской волости в самостоятельную «Бородинскую» с присоединением ее в административном отношении в 8 крестьянский участок, о чем и сообщить для сведения Тобольской Казенной палате, заведывающему Переселенческим делом в Тобольской губернии, губернским: Чертежной, Статистическому комитету, уездному Съезду крестьянских начальников, уездному комиссару и Распорядительному комитету, отпечатать для всеобщего сведения в Губернских Ведомостях и уведомить Крестьянского начальника 8 участка Тюкалинского уезда для соответствующих распоряжений и объявления по принадлежности.

Председатель Присутствия Пигнатти

Члены: четыре подписи

И[сполняющий] должность] делопроизводителя
(подпись неразборчива)

(ТФ ГАТюмО. Ф. 335. Оп. 608. Д. 54. Л. 17—18)

Итак, выделю главное, что подчеркнуло высокое собрание, что объединяет хозяйства в том числе и Смешливого с другими: **достаточное количество хозяйственных и умственных сил для организации,**

ведения и содержания волостных учреждений. Однородность хозяйственных интересов. Солидарность во взглядах на формы и задачи ведения волостного хозяйства, вытекающую из, сравнительно с соседним крестьянским населением, высокого культурного уровня хозяйств, составляющих группу.

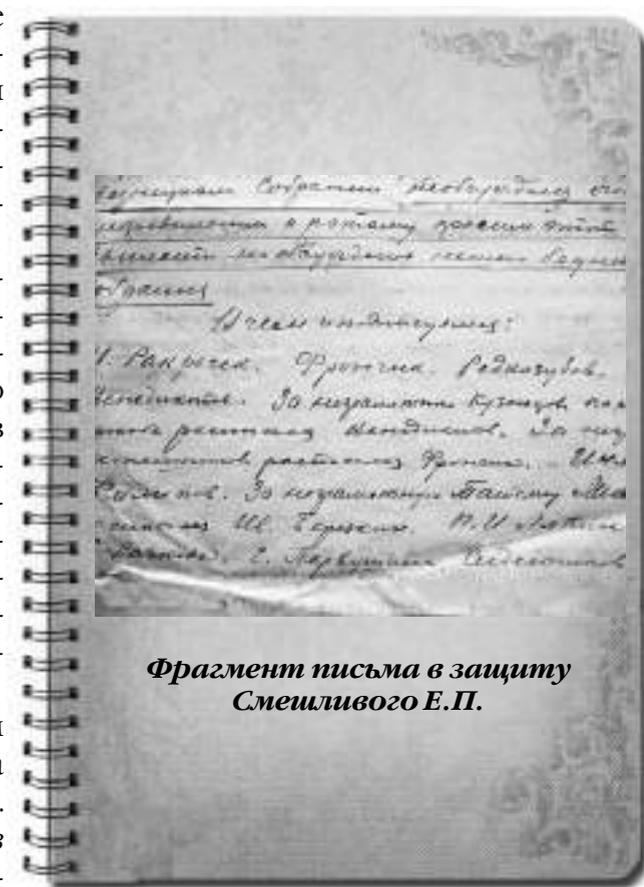
Кстати, к первоначальному списку из 30 частновладельцев земли присоединились еще 36, таким образом, составив число 66.

Все бы ничего, но тревожаще звучат строки документа: «Немаловажное значение для степени участия в общих волостных делах имеет наблюдающееся враждебное отношение к ним крестьянства».

Именно это «враждебное отношение» сыграет немаловажную роль в дальнейшей судьбе Платона Григорьевича и его сына Емельяна Платоновича в период раскулачивания, но лично против них никто не выступит, наоборот, некоторые вступятся за них, но общая атмосфера враждебности, политика государства были сильнее здравого смысла.

Вернемся к воспоминаниям внучки Платона Григорьевича Нины Емельяновны Смешливой.

- Дед приехал в Сибирь из Старобельского уезда Харьковской губернии села Куричевки в 1909 году. С ним приехала и его большая семья: супруга Аграфена Михайловна, дочь Мария. Она вышла повторно замуж за пленного австрийца, и за это дед ее недолюбливал, правда, внуков он любил всех. У него был сын Гавриил. Он погиб при обмолоте хлеба, когда барабан разлетелся на части и осколок попал ему в живот. Его повезли в больницу Омска, но не довезли, по дороге он умер. У Гавриила остались дети: Оксана, Галина и Николай, но что с ними было дальше, не помню, другой сын деда – мой отец – Емельян Платонович, он уже был женат на Евдокии Даниловне, у них уже были дети: Ната (Анастасия) и Аня. Жили вначале в ветхой землянке, а потом дед с отцом

Фрагмент письма в защиту Смешливого Е.П.

моим построили дом, приобретали лошадей, коров, инвентарь. Даже хотели на хуторе свою мельницу поставить, привезли такое большое мельничное колесо, но не успели. Мама уговаривала деда все продать, видимо, чувствовала, что отберут, но дед упрямец и говорил:

- Немає! Мене ніхто не чіпатиме, я справно податки плачу! (Нет! Меня никто не тронет, я исправно налоги плачу!)

На сезонные работы дед нанимал работников, это уже после 17-го года их стали называть батраками, чтобы обиднее было, чтобы можно было раскулачивать зажиточных. Раз нанимал работников, значит, кулак. Но работников дед никогда не обижал, когда кто-то приходил наниматься, дед обращался к маме:

- Дунька, посади, нагодуй! (Дунька, посади, накорми!)

Даже когда он лежал больной, он не забывал о хозяйстве. То и дело слышался его зычный голос:

- Дунька! Ты коровам давала, ти корів поїла? (Дунька! Ты коровам давала, ты коров поила?).

- Да давала я, тятя, и поила!

Он любил нашу маму. У него родная дочь Мария в Саргатском районе жила. Мама как-то ему сказала:

- Шли бы вы к Марии пожить. На попутке и доедете.

- Яка тобі попутка! Я швидче (быстрее) дойду!

Дед отправился к Марии, но пожил там недолго. Вернулся:

- Дунька, хош під плотом, а у тебе помирати буду. (Дунька, хоть под плетнем, а у тебя помирать буду).

Но это я забежала вперед, вернусь в детские годы. Коровы, помню, стояли под навесом. Тепло сааря не было. Вокруг дома росли тополя, мы любили, взявшись за руки, обнимать их стволы. Места были грибные, ягодные, мне запомнились просторы, но летом отдыхать было некогда, все дети постарше работали, пасли свиней, гусей. Несмотря на то, что мы считались зажиточными, жили внешне небогато: в доме была самая простая мебель, необходимая посуда. Чтобы мы спали на простынях, такого не помню, мы все больше на печке обретались. Там тепло было, уютно. Правда, одевались хорошо, ходили в обуви, шубках. Были баня, амбар, хозяйственные постройки. В доме над столом, за которым все обедали, висела старинная икона Божией Матери, которой еще благословляли мою мать на замужество. Знакомых у деда было много. Помню Шпехтов, хорошо помню соседку Лукерью Никитичну Онча.

Дед часто бывал в разъездах по делам. Часто ездил в Большекулаче на мельницу, помогал находившемуся там монастырю, ведь дед арендовал земли, принадлежащие монастырю. В монастыре стояла красивая Никольская церковь, которую построили еще до нас, в 1902–

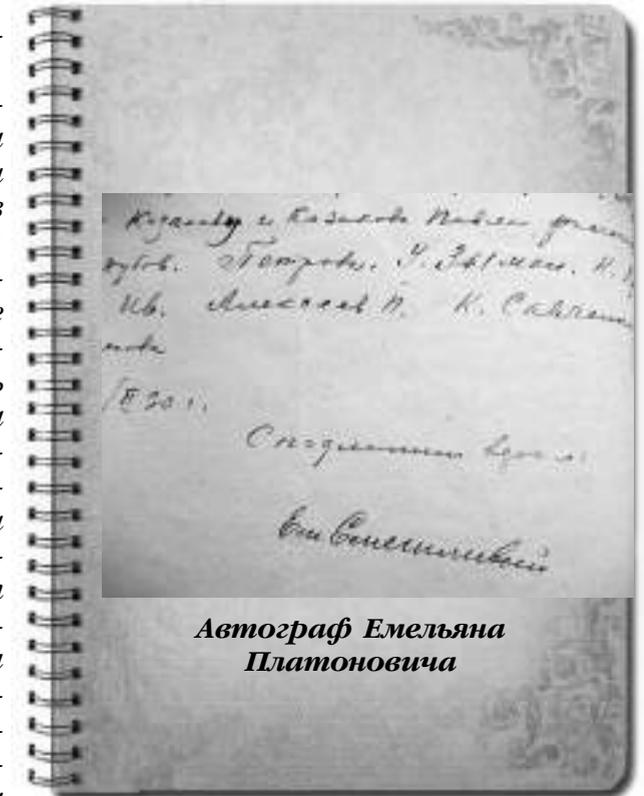
1903 годах. Храм сложили из красного кирпича, а наличники и украшения из белого, очень красивый был храм, но в советские годы его разрушили, говорят, что теперь его восстановили.

Однажды дед взял меня и брата Павла в Омск. Выехали мы на лошади рано утром. Помню, как утренняя зорька окрасила городские крыши, и все они казались медно-золотыми. Город меня поразил своими размерами, на улицах было много людей, все куда-то спешили, тогда машин почти не было, сновали извозчики на лошадях, улицы казались просторными, не то что теперь.

К 1923 году наша семья выросла: Анастасия, 1905 года рождения, Анна, 1907-го, Иван родился в 1911 году, Пашиа в 1918 году. Я родилась в 1921 году, Александр в 1923 году. Шестеро детей в семье тогда не были исключением, скорее, правилом. Родители старались дать нам всем образование. На хуторе школы не было, поэтому дед и родители отправляли нас на учебу в Омск, снимали жилье и следили, чтобы мы учились хорошо. Анастасия и Аня учились в школе на улице Интернациональной, там потом стал располагаться пединститут, я вместе с братьями Иваном и Павлом училась в школе на Тарской, позже она стала называться школой имени Розы Люксембург.

Все шло хорошо, но наступило раскулачивание. Власти стали преследовать деда и моего отца. Дом отобрали, перевезли в Красноярку (Чернолучье), разместили там вначале школу, потом сельсовет. Родители мои с братом Александром уехали от преследований на Украину, жили там у родственников два года, поддерживали с нами связь. Деда пока не трогали, даже вернули ему лошадь, которую отобрали, но в 1931 году деда раскулачили.

Когда и на Украине стало жить невозможно, родители вернулись в Омскую область, отца арестовали в Златоусте, сняли с поезда и отправили на Тобольскую, 72, туда, где располагалась тюрьма, там и теперь следственный изолятор, правда, улица носит имя одного из деятелей революции – Орджоникидзе. Мама определилась на съемную

Автограф Емельяна Платоновича

квартиру по улице 4-я Северная, 90. Она добивалась освобождения отца, очень боялась за детей. Тогда могли запросто детей раскулаченных исключить из школы. Отца чудом отпустили из заключения, и наша неполная семья, как перекасти-травы, отправилась на станцию Татарскую в Новосибирскую область. Отец, мать, я и брат Павел. Я училась в пятом классе. Брата Александра забрала к себе сестра Анна, которая учительствовала в Еремеевке Полтавского района.

18 марта 1933 года мы запомнили надолго, на всю оставшуюся жизнь. То, что произошло тогда, до сих пор стоит у меня перед глазами. Была уже поздняя ночь, я проснулась от шума на кухне. Павел, брат мой, тоже соскочил с постели. Мы заглянули на кухню. Там стояли три милиционера-огэпэушника. Они что-то говорили отцу, мама плакала, была растеряна. Огэпэушники начали обыск, перевернули все, что можно было, даже в наши кровати заглянули, все постели обыскали, но ничего не нашли. Отца увели. Мы не могли уснуть до утра.

Утром мама отправилась узнать, где отец. Ей долго не говорили, а потом сказали, что отца отправили в Омск. Розыски отца ни к чему не привели, 25 мая 1933 года он был расстрелян. Матери сообщили об этом по секрету, тогда могли дать «десять лет без права переписки» и люди думали, что человек жив, а на самом деле, человека расстреливали, и родственники ничего не знали, не говоря уже о том, что они не могли получить тело для захоронения. Людей хоронили в безымянных могилах.

После расстрела отца мы пошли скитаться кто-куда. Анастасия, как старшая сестра, забрала меня и Павла к себе в деревню Шахово Полтавского района, где она работала учительницей, Александр, как я уже сказала, жил в Еремеевке у сестры Анны. Мы с Павлом учились в Полтавской школе. Старший брат Иван уехал на Украину и работал на строительстве Харьковского тракторного завода (**Историческая справка: Харьковский тракторный завод им. С. Орджоникидзе вступил в строй 1 октября 1931 г. Первой продукцией завода были колесные тракторы мощностью 30 л.с. с керосиновым двигателем СХТЗ15-30. В 1937 году завод перешел на выпуск 52-сильных гусеничных тракторов СХТЗ-НАТИ-1ТА. В 1949 году ХТЗ освоил выпуск тракторов ДТ-54 с дизельным двигателем собственного производства. Дальнейшее развитие конструкции тракторов было связано с повышением их энергонасыщенности, рабочих скоростей, уменьшения удельной металлоемкости. Такими тракторами стали: в 1960 году – Т-75, в 1962 году – Т-74. 20 января 1967 года завод выпустил миллионный трактор. В 70-х годах завод освоил производство гусеничных и колесных тракторов типа Т-150 с высоким процентом унификации. На базе этих тракторов выпускались: лесозаготовительные Т-157, промышленные тракторы и тягачи специального назначения Т-158 и Т-155.**

16 июня 1982 года с главного сборочного конвейера сошел трактор с цифрой 2 000 000.

За годы существования Харьковского тракторного завода было изготовлено более 3 миллионов тракторов разной мощности).

Работал он много и тяжело, возил землю на тачке. После Харькова Иван уехал в Ленинград, искал там работу, но не нашел, деньги у него закончились, квартиру он снять не мог, ночевал на улице, в скверах. Зимой стало совсем худо, одежда износилась, и Иван вернулся к нам. Приехал он к Анастасии, которая помогла устроить его на работу в Максимовскую школу учителем. Иван тогда и собрал нас всех: маму, меня и Павла. Школа тогда в Максимовке размещалась в четырех домах, в одном из которых и ютилась наша семья. За перегородкой был класс, а по другую сторону дощатой перегородки жили мы. В 1932 году, когда дедушка вернулся из ссылки, Иван и его забрал к себе.

Восемь классов школы я оканчивала в Шербакуле, а после поехала поступать в Омский фармацевтический техникум, Павел – в строительный. В 1939 году я окончила техникум и попала по распределению в Шербакульскую аптеку. Павел свой техникум не окончил, а отправился работать учителем в Полтавский район. Я трудилась в аптеке до начала войны. Когда началась война, меня направили в Кировскую аптеку города Омска. Однажды, во время ночного дежурства раздался звонок, и мне сообщили, чтобы я явилась за повесткой в военкомат. Утром я получила повестку, собрала вещи и прибыла на железнодорожный вокзал. Там нас погрузили в теплушки и повезли на Восток. Я не успела ни с кем попрощаться, только передала маме, чтобы мои вещи с квартиры забрала. Всю войну я пробыла в Хабаровском пехотном училище. Работала начальником аптеки, техником-интендантом 2-го ранга. В 1943-м году меня перевели в вольнонаемные, и с тех пор я считаю себя не участницей войны. Видимо, государство решило на нас сэкономить. После войны я вернулась в Максимовку.

Война не оставила без горя нашу большую и дружную семью: Павел был ранен, но вернулся живым, слава Богу. Иван погиб в апреле 1942

К жалобам раскулаченных власти равнодушны

года, похоронен в городе Старая Русса Новгородской области, ему был 21 год, Александр дослужился до сержанта, погиб 25 февраля 1945 года, похоронен в польском городе Эльблонге. Ему было 22 года.

Остались мы в таком составе: я, Павел, мама, дед Платон. Анастасия преподавала в Георгиевке, у нее была своя семья. Аня учила детей в Еремеевке.

Я направила свои стопы в аптеку, надо было работать, но мое место оказалось занятым. Помог брат Павел. Он к тому времени работал инструктором Шербакульского райкома партии и предложил мне поучительствовать в Вербовке. Почему в Вербовке? А потому, что там жила его жена – Екатерина Михайловна Жижко. Так я стала учительницей в 25 лет. В Вербовке действовала семилетка, подобрался хороший состав учителей. Я преподавала в начальных классах. Там я впервые познакомилась с Безуглым Алексеем Петровичем, который в дальнейшем сыграл большую роль в моей судьбе. Два года я проработала в Вербовке, затем меня перевели в начальную школу Центрального отделения Борисовского зерносовхоза, где я тоже проработала два года. С 1951 года и до 2004 года, то есть 53 года я преподавала в Кутузовской школе. Вышла замуж за фронтовика, дважды раненого – Игнатенко Петра Ильича, он преподавал математику в Кутузовской школе. Школа была маленькая, саманная, а учеников было много, в классах насчитывалось до пятидесяти человек, по трое за партами сидели, отопление – печное. Чем мне запомнились годы работы в Кутузовке? Очень доброжелательный коллектив в школе, праздники отмечали все вместе, работали, можно сказать, семейными династиями: Кожухарь Павел Афанасьевич преподавал физкультуру и труды, его супруга – Надежда Ильинична вела математику. Безуглый Алексей Петрович и Безуглая Нина Тимофеевна, Игнатенко Николай Степанович и Мария Денисовна, много сил и энергии отдавала детям бывшая фронтовичка Белокобыленко Прасковья Степановна.

Почему за годы работы я не была отмечена ни званиями, ни знаками отличий? Все очень просто. Заведующий РОНО – Игнатенко Николай Степанович и мой супруг доводились друг другу двоюродными братьями. Когда на стол Николая Степановича ложилось очередное представление на меня, он отодвигал его в сторону со словами:

- Своих не награждаю!

Вот какие люди были!

Дед Платон Григорьевич жил в Вербовке и умер в 105 лет. В Вербовке его и схоронили. Где его могила, Бог ведает.

Нина Емельяновна закончила свой рассказ и замолчала. Все время, пока мы беседовали, она держала в руках скомканный платочек, изредка прикладывая его к глазам.

Она молчала, думая о своем. Вспоминалось ей доброе детство на хуторе Смешляевом. Вспоминался колодец с чистой и вкусной водой, у колодца – деревянная колода, из которой пили воду лошади и коровы. Вспоминалось, как они ребяташками лазили за голубиными яйцами и жарили из них яичницу. Однажды, уже готовую яичницу съела собака, и они с Павлом вновь пошли искать голубиные гнезда. Еще помнилось ей, как сестры Анастасия и Анна учили грамоте мать, как радовалась она первым узнаваемым буквам, а отец – Емельян Платонович вечерами читал сказки про Снегурочку и Конька-Горбунка; как на Рождество проходили Колядки, и запах пирогов из печи разносился далеко окрест; как скрипел синий снег под валенками, и большой дом, ее родной дом, был наполнен теплом и светом.

Главное она знала: надо жить всем дружно, как жили они. «Мы в одни ворота вошли и вышли». Это она не только о себе, а о всех Смешливых-Лыхенко, среди которых едва ли не каждый – натура цельная, знающая, чего добиваться от жизни.

«Ми в одні ворота увійшли і вийшли».

Крестьянское дело сибирских хлеборобов Смешливого Платона Григорьевича и Смешливого Емельяна Платоновича продолжил их правнук и внук – Лыхенко Николай Дмитриевич. Хозяйская закваска от них на него пролилась щедро.

Были в той закваске и пот, и кровь, и слезы...

За неграмотного расписалась
А. Смешливая

**«И, отвечая, весь народ сказал:
кровь Его на нас и на детях наших».**

(Матф. 27: 25)

«На кривой суд, что на милость – образца нет»

Народная пословица

ДЕЛО № 167

При наших довольно частых встречах с Николаем Дмитриевичем я долго не знал, что его дед – Смешливый Емельян Платонович был расстрелян, а прадед – Платон Григорьевич раскулачен и сослан. Когда настало время об этом сказать, Николай Дмитриевич, по привычке закурив, поведал мне истории деда и прадеда и припомнил, что уже в перестроечные годы, когда он шибко критиковал власти, его мама – Анастасия Емельяновна, наученная горьким опытом своего отца и деда, советовала сыну Николаю быть поосторожнее. Когда же Николай Дмитриевич отвечал, что ее страхи напрасны, и времена репрессий не вернуться, она качала головой и говорила:

- Как знать, как знать. Все может измениться.

Лыхенко был расстроен тем, что не находил времени поискать в архивах дела на своих прародителей, а о том, что такие дела существовали в секретных фондах, можно было догадываться.

Со временем секретные фонды на репрессированных и раскулаченных рассекретили, и я получил к ним доступ. Быстро нашлось и дело за номером 167 на раскулаченного Смешливого Емельяна. Когда я сообщил об этом Николаю Дмитриевичу, он разволновался и засобирался в архив, чтобы самому лично потрогать выцветшие, пожелтевшие страницы дела.

Пока ехали в Омск, разговаривали о судьбе крестьянской России. Николая Дмитриевича заинтересовала моя поездка в монастырь Святых Царственных Страстотерпцев, который возведен на месте Ганиной ямы. Свой рассказ я начал с... выставки изделий Фаберже, которая проходила в Кремлевской звоннице.

...Знайте: с убийства царской семьи в 1918 году в России начались самые страшные, самые массовые пролития крови... особенно, крестьянской.

Коронационный мундир последнего русского царя Николая II показался мне слишком маленьким. Мысленно я примерил его вначале на себя, потом на рядом стоявшего охранника и удивился, сколь малый размер одежды носил государь. Рядом с мундиром государя стояли туфли императрицы Александры Федоровны 33-го размера, ее коро-

национное платье из серебряной парчи с длинным шлейфом казалось большим серебряным облаком.

- Одежда современем усыхает, – произнесла служительница музея, – становится меньше, а вот туфли императрица носила именно такого размера, тогда он был ходовым для женщин России.

- Зачем на мундире царя прямо по центру вшит клапан? – спросил я.

- Наверное, для наград, – ответила служительница. – Чтобы не дрябнуть мундир.

Я пошел дальше осматривать экспозицию, мысленно назвав ее «Осколками погибнувшей Атлантиды». «Осколки» были драгоценными в прямом и в переносном смысле: за бронированными стеклами витрин сияли драгоценными камнями сувениры из мастерской Карла Фаберже. Николай любил дарить своей жене пасхальные яйца, изготовленные в знаменитой мастерской, а Фаберже никогда не повторялся.

В ювелирные украшения он встраивал сюрпризы, то императорский поезд из золота, серебра и платины, то яхту, то Александровский дворец. Все миниатюрно, но с тщательной проработкой деталей, а чтобы их можно было рассмотреть, у витрин закрепили увеличительные стекла.

Рядом с игрушечным поездом лежал золотой ключик, этим ключиком наследник, цесаревич Алексей заводил миниатюрный механизм, и поезд ехал по золотым рельсам. В 1918 году другой поезд помчит царскую семью к уральской Голгофе, и дети императора шагнут из своего счастливого, безоблачного мира навстречу своей гибели вместе с матерью, отцом и верными

... Когда мы, наконец, нашли место, где когда-то стояли три дома этой большой семьи, нашли по гниющему, но все ещё могучему тополи, одичавшему, но растущему малиннику, мать сказала: «А теперь посмотри, вот это и была наша пашина».

Была поздняя осень, вокруг все было вспахано отвальным плугом, начал накрапывать тихий мелкий дождь.

Я поднял глаза, передо мной расстилалась черная, как вороново крыло, слегка поблескивая от дождевых капель, пашина и, сколько хватал глаз, я не заметил солонцовых пятен.

Я не поверил глазам и прошел метров триста, но пашина была однородной, черной, добротной. Я был потрясен. Без всякой науки и почвенного обследования, прадед, очевидно ориентируясь на дерновую растительность, распахан гектаров 60-70 совершенно идеальной пашни.

Из воспоминаний Николая Лыхенко

слугами. За них никто не вступится: ни народ, ни венценосные родственники из-за рубежа, ни армия, присягавшая на верность, ни «всепопданнейшие» придворные, получавшие награды, звания и поместья из рук монарха. Покинувшие императора, они сами погибнут.

По иронии судьбы также никто не вступится за большевистские оплоты власти – райкомы, горкомы, обкомы КПСС, когда они будут разогнаны по указу Ельцина. История умеет мстить!

Так получилось, что после выставки Фаберже в Кремлевской звоннице, после шумной и многоголосой столицы, где проходил 7-й съезд Союза журналистов России, я вместе со своими коллегами из других районных газет области спустя некоторое время оказался в Екатеринбурге на VIII Всероссийском фестивале СМИ. За двадцать лет моего отсутствия после учебы в Свердловском юридическом промышленная столица Урала изменилась, появились современные здания, но меня волновало другое, а точнее, так и тянуло к Вознесенской горке, туда, где двадцать лет назад я стоял на пустыре, и мой сокурсник Толя Казанков – любитель футбола и пива, задумчиво говорил:

- Вот на этом месте был дом инженера Ипатьева, здесь расстреляли царскую семью.

- А дом зачем разрушили?

- Испугались. Секретное постановление Политбюро было. Ельцин и разрушил, но люди все равно приходят...

Вознесенская горка – место в Екатеринбурге особое. Конечно, геростратова слава досталась горке, да и всему городу после расстрела 17 июля 1918 года царской семьи. Тогда в подвале дома Ипатьева убили: царя Николая II, царицу Александру, наследника Алексея, дочерей: Ольгу, Татьяну, Марию, Анастасию, врача Боткина, слугу Труппа, горничную Демидову. Убивали тайно, воровски, ночью. Тех, кого не сразили выстрелами, закололи штыками, забили прикладами, а потом прятали трупы. Сначала сбросили их в Ганину яму – старую шахту, потом посчитали, что там мелко, вытащили, расчленили, облили серной кислотой и сожгли на кострах. Останки зарыли на Коптевской дороге, хотя и не планировали там зарывать, да машина застряла. Все это потом установит следователь Соколов, которому в 1918 году было поручено это дело.

Итак, двадцать лет минуло. На месте бывшего ипатьевского дома стоял еще в лесах Храм-на-Крови во имя Всех святых, в земле Российской просиявших (таково его полное название). Почти на одной линии с храмом – стела с барельефом Свердлова, главного организатора убийства царской семьи, установленная в советские времена. Стела в начале проспекта, храм в конце. У храма – небольшая часовня, построенная в 1998 году, в нескольких метрах от нее – крест. Надпись у

его подножия гласит: «Склонись, Россия, на колени к подножью царского креста». Рядом еще одна часовня во имя преподобной мученицы Елизаветы Федоровны. Ее – родную сестру царицы, сбросили еще живую в Алапаевскую шахту. В часовне шла служба, службы идут и в самом храме, рабочие не начинают дела без молитвы.

В Храме-на-Крови всюду шли отделочные работы, велись они и на строящемся Патриаршем подворье рядом с храмом. Размах работ потрясал. Храм состоит из двух частей, как и храм Христа Спасителя в Москве, в котором не раз побывал Николай Дмитриевич. Нижний храм – заупокойный, посвященный семье Романовых. Верхний – во имя Всех святых, в земле Российской просиявших. Нижний храм – место нашей исторической памяти, верхний посвящен будущему России.

С личного разрешения губернатора Свердловской области Э. Росселя (оказалось, что мы в некоторой степени земляки: родственники губернатора живут в с. Цветнополе Азовского района) омичи побывали в том и другом храме, и, хотя, вокруг лежал строительный мусор, а на мраморном полу белели опилки, внутреннее убранство впечатляло своей простотой и величием. Фарфоровый иконостас нижнего храма уже был освящен, и вот она... ТА КОМНАТА, где в предсмертной тоске кричали царские дочери, где в пороховом дыму, словно адские тени двигались убийцы. Конечно, от старой комнаты в подвале ничего не осталось, но это место теперь свято. Четыре колонны красного гранита подпирают низенький потолок, вход в комнату закрыт надгробием из уральского змеевика.

Крестный путь царской семьи, крестьян, России...

В храме горели семь паникадил, три с царскими венцами (Николай II, Александра, Алексей), остальные символизировали неугасимый огонь вечной жизни православных цариц. С разрешения прораба стройки мы поднялись на девятую отметку верхнего храма, на хоры. Только тут понимаешь насколько величественен и светел храм, свет падает из высоких окон, отражается от золотых куполов, играя на стенах. Белый мраморный иконостас еще зияет пустыми рамами, одна из них останется навсегда пустой, через нее видна ТА КОМНАТА, обгаренная кровью Божьего помазанника. В ее стены будут вмурованы «родные» кирпичи и каменные блоки. Верхний храм сможет вместить около 4-х тысяч человек, его высота (без нижнего) 55 метров.

С четырех сторон на фронтонах храма идут надписи. Две из них особо врезались в память: «Кровь праведников яко Феникс процветет» (птица Феникс, по поверьям древних славян, регулярно возрождается из пепла), вторая надпись гласила: «Прольеша кровь их яко воду окрест». Смысл надписей очень точно отражает то, что произошло. За убитым царем, его детьми и слугами последовали миллионы россиян, среди которых был и родной дед (по матери) Николая Дмитриевича.

Маховик репрессий перемолол самых лучших, талантливых в лагерную пыль. 53 дня жила царская семья в доме Ипатьева, потом будут те самые 23 ступеньки вниз, в подвал дома, к смерти, возможно предсказанной пророком Амосом, жившим в 776-763 гг. до Рождества Христова: «И пойдет царь их в плен, он и князья его вместе с ним... (Ам. 1:15)... «И поражу дом зимний (Зимний дворец?) (Ам. 3:15)... Эту книгу читала накануне смерти царица. Грозная книга, неистовая в своем гневе. О чем думали Александра Федоровна, Николай накануне ТОЙ НОЧИ? Перечитав массу литературы по теме царевичества, я пришел к выводу, что они НЕ ВЕРИЛИ в то, что их и детей убьют. До самой последней минуты не верили, но когда убийцы вошли в комнату с оружием, разум все еще отказывался принимать страшную реальность, но сердца уже сжались в предсмертной тоске.

Теперь 23 ступеньки составляют единое целое с бронзовым крестом и фигурами Царственных Страстотерпцев у входа в Храм-на-Крови. Другого пути нет. Каждому из посетителей надо подняться по этим ступенькам.

Утром следующего дня мы отправились в урочище Четырех братьев, которое находилось километрах в тридцати от Екатеринбурга. Свое название урочище получило от четырех сосен. Уральские сосны – величественные деревья, стоят будто свечи.

В урочище находится Ганина яма – заброшенный с давних времен неглубокий шурф. ТОТ САМЫЙ. Наш автобус ехал по Коптевской дороге, по

которой в 1918 году июльской ночью двигался страшный груз в сопровождении коменданта ипатьевского дома Янкеля Юровского и других палачей. Невольно смолкли все разговоры, со всех сторон дорогу окружал лес, и солнца совершенно не было видно за деревьями. Наконец Икарус подвез нас к воротам монастыря во имя Святых Царственных Страстотерпцев. Трудно было поверить в то, что за три года в дремучем лесу созиждились храмы и постройки монастыря. Будто мы из XXI века сразу перенеслись в эпоху раннего русского православия, когда храмы и церкви возводились из дерева. Среди устремленных в синее небо сосен и безрез стояли церкви с зелеными маковками, и каждая напоминала резную игрушку. Зная о том, что произошло здесь, и видя теперь чудесное торжество Правды, Любви и Веры, у многих из нас заблестели слезы. Всех нас встретил игумен Сергей (Романов). После его благословения мы разошлись, но я не пошел с группой, да и экскурсовод рассказывала о том, что мне уже было известно.

Я стоял у края Ганиной ямы, огороженной со всех сторон галереей для крестного хода. Мысленно прочел «Отче наш», потом «Символ веры», затем попросил прощения у тех, кто принял мученическую смерть и прикоснулся к подножию креста, на котором одна из надписей гласила: «Не пощажу его, потому что он пережег кости царя Едомского в известь» (Амос 2:1).

И ведь сбылось пророчество библейского пастуха-пророка, жившего за 224 года до рождения Христа! «Не пощажу его...». Ни один из царевичей не избежал наказания. Юровский, похвалявшийся перед пионерами своим «подвигом» – убийством царя, отдал на закла-

**Свердловская область .
Ганина яма – место расправы и
глумления над царской семьей.
Сейчас там монастырь**

ние Молоху репрессий свою дочь Римму в 1935 году, а сам умер от мучительной язвы в 1938-м. Одного из вождей Красного Урала – Белобородова в 1938 году поставят к стенке, и встретит он двадцатилетний юбилей казни с пулей в сердце, жалкий и бессильный. В безымянной братской могиле ГУЛАГА найдет свое упокоение (упокоение ли?) в 1940 году член ЦК, руководитель Уралсовета – Голощекин.

Все, все, подписавшие бессудный приговор царю, погибли от пуль своих же палачей-однопартийцев. «...ибо, кто, подняв руку на помазанника Господня, останется ненаказанным?» (1 Цар.26:9). Все это вспомнилось мне у Ганиной ямы. Вся боль России, братоубийство ее...

Господи! И по сей день мы сами себя уничтожаем.

Крест у Ганиной ямы, как и все в монастыре, имеет свою историю. Его поставила на свои средства певица Вика Цыганова. Дерево для креста было привезено с Куликова поля – святого места для всех россиян.

Чуть поодаль от Ганиной ямы – храм в честь Царственных мучеников. В алтаре храма находится крест-мощевик, там же две иконы: Николая Угодника и Божией Матери Федоровской. Этой иконой на Руси благословляли царей. Президент В.В. Путин во время инаугурации также был благословлен этой иконой. Я уже упоминал о галерее вокруг ямы. Историю ее строительства мне рассказал молодой редактор телевидения из города Пышмы – Дима:

- Мой двоюродный брат – человек неверующий, но однажды он всем нам объявил, что будет креститься в этом монастыре. Что произошло? Дело в том, что он с первых дней работает на стройке монастырских храмов, и когда его бригада стала прокладывать вокруг Ганиной ямы асфальтовую дорожку, то вдруг вся техника вышла из строя, ее отремонтировали, а она сломалась вновь, техника, заметьте, была не старой. Из Ганиной ямы донеслось как бы подобие вздоха, но такого, что у строителей мороз по коже. Почувствовав неладное, начали молиться, но когда ночью началась гроза, и молния попала в самую высокую березу, стоящую у самой ямы, то верхушка березы отломилась и закрыла маленькую осинку и часть ямы. Тогда до всех дошло, что сами Царственные мученики пытаются защитить каждую песчинку и травинку святого места. Вся земля здесь освящена пеплом наших заступников перед Богом.

Строители не тронули ни одного дерева, растущего вокруг ямы, каждое из деревьев символ: сосна – Николая II, самая большая береза – императрицы Александры, четыре маленькие березки – четырех царевен, а тоненькая осинка – царевича Алексея. Так и было принято решение обнести шахту галереей, подняв ее на сваи.

Брат в тот же год крестился, – закончил свой рассказ Дима.

А потом я несколько раз побываю в Ачаирском монастыре, воздвигнутом на месте бывшей 8-й колонии, существовавшей с 1937 по 1953 год, в которой наряду с уголовниками содержались и политические заключенные, и раскулаченные. Было тут много безвинно осужденных. Люди умирали от тяжелого труда, голода и холода...

«Для смиренной души русского... измученной трудом и горем, а главное всегдашней несправедливостью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню...» – писал великий русский писатель Ф.М. Достоевский.

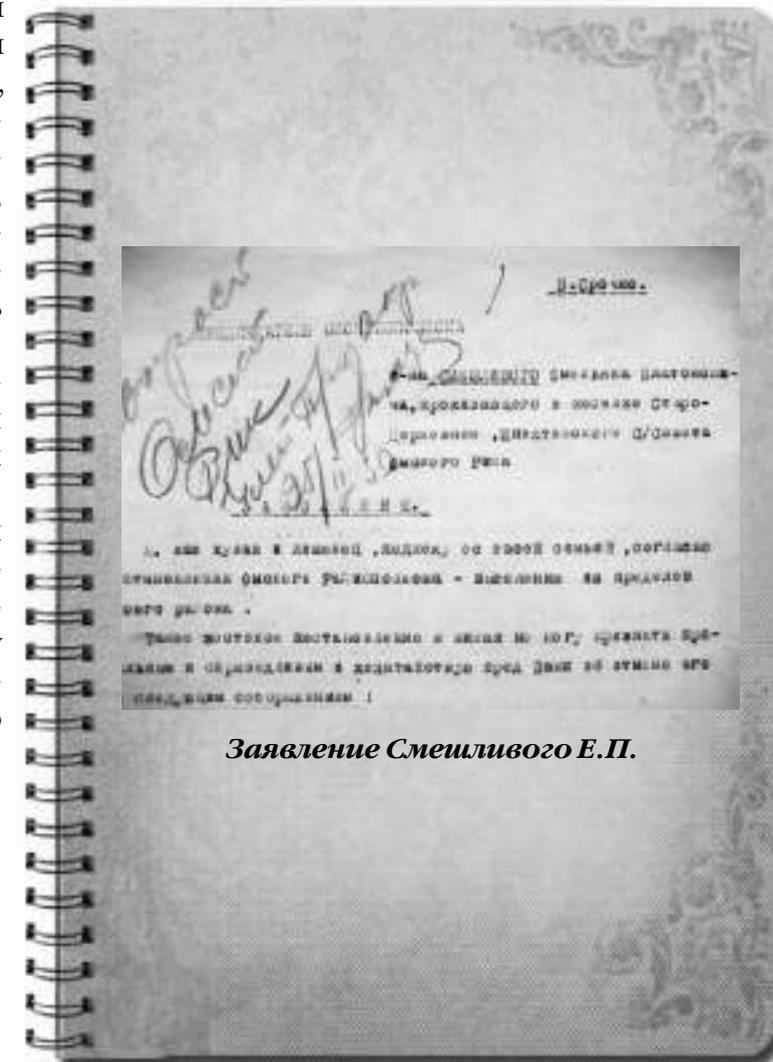
Николай Дмитриевич молча выслушал мой рассказ, а затем произнес:

- Наверное, ни одному народу не выпадало столько страданий, сколько русскому и в особенности нашему крестьянину. За что же ему такая доля?!

По ступенькам областного архива Николай Дмитриевич поднимался тяжело, словно это были ступени Голгофы.

В читальном зале нам выдали тощенькую серенькую папку, в которой была заключена короткая история от жизни до смерти Смешливого Емельяна Платоновича.

Николай Дмитриевич бережно взял папку в руки, вначале медленно ее пролистал, а затем углубился в чтение. Украдкой я наблюдал за ним. Прочитав одну, другую страничку, он выходил покурить, затем вновь

Заявление Смешливого Е.П.

возвращался и продолжал чтение. Он находил для себя что-то новое, то узнавал подпись своей матери, которая расписалась за неграмотного деда Платона, то с интересом рассматривал карточку лишенца.

Иногда мне казалось, что часы остановились, и время повернуло вспять, в тридцатые роковые годы... не стало стен, отделанных современным пластиком, умолк тихо работающий кондиционер. Русская изба оказалась на месте всего этого. За чисто выскобленным столом сидел дед Николая Дмитриевича – Емельян и писал заявление (орфография документов сохранена):

Председателю Облисполкома

Г-на Смишливого Емельяна Платоновича, проживающего в поселке Старо-Церковном, Шпехтовского с/совета Омского РИКа

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, как кулак и лишенец, подлежу со своей семьей, согласно постановлению Омского райисполкома – выселению из пределов сего района.

Такое жестокое постановление я никак не могу признать правильным и справедливым и ходатайствую пред Вами об отмене его по следующим соображениям.

Отнюдь не считают кулаком, как это принято называть, а наоборот считают честным трудолюбивым крестьянином, никогда не выступавшим против Совласти, а поэтому и самое выселение по их мнению производится с/советом неправильно, т.к. этот вопрос даже и не был на обсуждении группы бедноты и вообще бедняцкого собрания. Из этого ясно видно, как поспешно и при том несправедливо разрешен вопрос о моем выселении с семьей /см. приложение/.

2. Не было совершенно обращено внимание, на то, что семья моя состоит из 10 человек, самого, жены и 6 чел. детей в возрасте от 19 лет до 7 лет /5 ч. из них обучается в г. Омске/ и двух стариков родителей в возрасте 80 лет и 68 лет, при чем они оба безпомощные и за ними требуется регулярный уход, как за маленькими детьми. Я же сам страдаю уже 3 года суставным ревматизмом и нервными болями, а жена моя постоянно лечится у специалиста по женским болезням у д-ра Боголюбова С.И. в г. Омске. Таким образом, по случаю моей болезни, а также болезни жены, я вынужден был нанять как в 1927, так и в 28 году 1 работника. Но в этом ведь нет ничего особенного, а между тем, за этого работника я и был лишен голоса с/советом в 1928 году, что крайне несправедливо.

3/ В посевах 29 года – было 9 десят., лошадь, 4 коровы, мелкого скота 8, земледельческого орудия: косилка, сноповязалка, грабли, плуг и фургон. Доход от с.х. исчислен РНК в сумме всего 53 рубля 34 к., от неземледельческого заработка 150 руб., а всего в индивидуальном порядке обложено хозяйство на 1315 руб. с.х. налога 29/30 г. исчислен

в сумме 275 р. 25 к., который оплатил все 100%, хлебозаготовку выполнил на все 100%, в селфонд, бедфонд, и Красный Эшалон сдал все, что полагалось, льно-семя и кудель тоже сдал, страховку уплатил сполна. Вообще никаких недоимок за мной нет и никогда не было. При этом поясняю, что я всегда был одним из самых аккуратных плательщиков всех налогов и сборов в нашем обществе и за это я был даже помещен в 1929 г. на красную доску и считался таким образом в этом отношении. ...так я 5 коров я сдал молока 225 пуд. На все это имеются документы, подтверждающие правильность сказанного.

4/ Я принимал активное участие в общественной работе, т.к. был Председателем с/совета, членом Посевкома, с/исполнителем, неоднократно выбирался Нарзаседателем, а также принимал самое активное участие в разных сельских комиссиях. Я переселенец в 1909 г. из Харьковской губ. И занимался в течение всей жизни земледелием. Под судом я не был, а также не был и на замечании, как с прихода Совласти вплоть до настоящего времени. Не будучи партийным, я своих 5 человек детей воспитываю в новом направлении и желаю из них сделать честных и полезных работников – для совещества и Республики, для чего я их воспитываю в г. Омске и учу в разных советских школах.

Прошу все это учесть и дать свое срочное распоряжение об отставлении моей семьи в пределах Омского округа, так как я ни в каком случае не могу быть врагом пролетариата и вредить социалистическому строительству.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Отзыв бедняков от 23/II-30г. 1930г., февраля 24 дня Смишливий

Копия

*Омского округа и РИ ка на Шпехтовского с/совета
Поселка Староцерковного*

Омск Округному Прокурору

ОТЗЫВ

Мы, нижеподписавшиеся г-не поселка Староцерковного Шпехтовского с/совета даем настоящий отзыв нашему односельчанину Смишливому Емельяну Платоновичу в том, что мы его знаем как честного трудолюбивого крестьянина и который числится явно кулацким хозяином, мы его не замечали никаких явных действий против Советской власти. Сослание его на поселение без нашего бедняцкого собрания не обсуждался. а потому просим этот вопрос вынести на обсуждение нашего бедняцкого собрания...

И чем подписуемся:

И. Рафрачек. Фрончик. Редкозубов. Венедиктов. За неграмотного Кузнецова по его просьбе расписался Венедиктов. За неграмотно-

го Оконешникова расписался Фрончик. Филиппов. За неграмотную Татьяну Михайлову расписался Ив. Березкин. П.И. Лягин. Рачкова. Е. Первушина, Алексеев П., К. Савченко и т.д.

**И/ 30г. С подлинным верно
Ем. Смешливый**

Молодцы, крестьяне, что вступились за своего земляка, но бюрократический механизм раскулачивания был пущен на всю катушку. Документы пополняли папку. На Смешливого, как и на всех других его собратьев по несчастью, завели «карточку лишенца». Слово-то какое – лишенец! Как будто тебя ударили наотмашь!

КАРТОЧКА ЛИШЕННОГО ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ

Смешливый Емельян Платонович.

**Селение уч. Смышляевский сельсовет Шпехтовский, района Омского
Кроме главы семьи лишено избират. прав членов семьи, состоящих на иждивении (количество) 4.**

Количество едоков всего 10

Из них в возрасте с 18 лет 5

Количество работоспособных членов семьи 4

Посева десятин 17.50 Всего скота 63 (всех видов и возрастов)

Из них рабочего скота: лошадей -5, волов – нет, верблюдов – нет, тракторов – нет, молотилок конных -1, молотилок паров. – нет, жнеек 2, косилок -1, триеров – нет

Наем рабочих постоянных 2

Общая сумма доходности хозяйства (по налоговым данным) рублей 2040

19 декабря 1928

ИЗ КАРТОЧКИ ГРАЖДАНИНА СМЕШЛИВОГО ЕМ. ПЛАТ

Смешливый Е.П. 46 лет

Жена 46 лет, дочь 19 лет, дочь 17 лет, сын 16 лет, сын 10 лет, дочь 8 лет, сын 7 лет, отец 78 лет, нетрудосп. Мать 70 лет

Государство не берет во внимание, что у Емельяна большая семья и двое родителей на иждивении. «Строгий сельсовет», как поет в одной из своих песен И. Кобзон, выносит решение:

**Из выписки заседания президиума
Шпехтовского сельсовета**

Слушали: Смешливый Емельян.

Постановили: Отнести к 1-й группе кулацких хозяйств. Бывший помещик, собственник 500 десятин. Эксплуатировал по несколько

**батраков и машины. Яркий враг Советской власти.
Утаил 45-ти сильный двигатель.**

К слову сказать, техника, которую крестьяне приобретали на свои кровные и радовались ей, в годы коллективизации и раскулачивания стала для них проклятьем. В кулаки могли записать даже тех, кто имел простой сепаратор.

СРОЧНО

Омскому райисполкому

Препровождается заявление го. П. Старо-Церковного, Шпехтовского с/ совета Смешливого Е.П. о неправильном выселении из пределов района – на ваше срочное рассмотрение и дачи заключения по существу жалобы.

**Член Презид. Окрика Кнаус
Зав. Канцелярией Патронов
Апрель 1930 г.**

Переживая за своего сына, Платон Григорьевич просит свою дочь Анастасию (мать Николая Дмитриевича) написать письмо, которое он ей продиктует:

**В Рабоче Крестьянскую Инспекцию
От гр. Шпехтовского с/с Омского РИКа
Платона Григорьевича Смешливого**

ЗАЯВЛЕНИЕ

Обращаюсь к Р.К.И. и прошу ее рассмотреть мою просьбу. Отроду мне 80 лет, жене моей 68. Наше семейство было лишено голоса и хозяйство от нас было отнято. Дети мои и внуки рассыпались. Я остался один с женой. Вот уже как 4 месяца как нас раскулачили. На днях я был в совете, прося, чтобы совет дал лошадь и корову. Лошадь нужна мне для произведения посева, как на поле, так и на огороде. А предсовета говорит нет тебе земли, нет тебе лошади, выселим тебя. Я всю мою жизнь проработал на земле и кормился от нея. Прошу Р.К. И. рассмотреть мою жалобу, дать мне возможность посеять в этом году, чтобы иметь возможность дальше существовать. Кроме того, сообщаю, что мы были первые плательщики по нашему совету и были записаны на красной доске за аккуратный и полный платеж всех налогов и хлебозаготовок.

За неграмотного расписалась А. Смешливая

«Я всю мою жизнь проработал на земле и кормился от нея». Нет, это не письмо, это мольба безвинно пострадавшего. Мог ли прадед Николай Дмитриевича предполагать, что его станут преследовать за труд?! Так называемая Р.К.И. – Рабоче-Крестьянская-Инспекция осталась равнодушной к мольбе труженика земли русской.

**Окркомиссии по рассмотрению жалоб раскулаченных
24/ IV 30г.**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОМСКОЙ Р. К. И.

**Об отнесении к кулацкому хоз-ву гра-на Смешилого
Шпехтовского с/с**

Постановили:

Эксплуатировал 2-х батраков в 1928 г. в течении 120 дней. В прошлом году индивидуально обложен отнести к кулацкому х-ву.

«В прошлом году и индивидуально обложен». За этой официальной формулировкой скрыта еще одна дьявольская выдумка государства «рабочих и крестьян». Задушить передовое хозяйство индивидуальными налогами! Лично для Емельяна! Не мытьем, так катаньем!

Выписка из протокола-списка 24 апреля 1930 г.

Смешиловый Е.П.

Посева 10,2 Цена -586, 50

Лошадей 3

Коров 5

Овец 5

Доход от посева увеличен до полуторных размеров т-к в хозяйстве имеются все с\хоз.машины. Доход с 1 дес. 57-50, а с 10,2 дес. 586р. 50

ХАРАКТЕРИСТИКА ХОЗЯЙСТВА В ЦЕЛОМ

(данная сельсоветом).

Как кулацкое хозяйство в этом году он был распродан частично.

И, все же еще мощное хозяйство. К 22/VI 29 должен сдать 205 пудов.

Нормативный доход от сельск.хоз 1184. 60 Общий доход сельско-хоз определенный в индивид порядке 2040.

Обратим внимание на следующие строки:

«Как кулацкое хозяйство в этом году он был распродан частично. И, все же еще мощное хозяйство».

Емельян распродает хозяйство, чтобы уехать на Украину, избавиться от преследований самому и избавить свою семью от реального голода, а власть с сожалением констатирует, что это «все еще мощное хозяйство». Не добились! Надо добить! Не доразорили, надо разорить! И ведь добились своей цели! Рассеяли большую семью. Разорили отличное хозяйство, которое могло бы и сейчас послужить примером в работе (О хуторе Смышляевом я повествую отдельно).

Когда не нашедший покоя Емельян будет возвращаться с Украины, его снимут с поезда в Златоусте, арестуют, но отпустят ненадолго, что-

бы в 1934 году ночью придти за ним, вновь арестовать и расстрелять за принадлежность к так называемой Крестьянской партии. В 1990 году Емельяна Платоновича реабилитируют.

Прадед Николая Дмитриевича Платон Григорьевич вернется из ссылки и до 90 лет-него возраста будет искать работу то в городе, то в селах, нанимаясь на распиловку леса. Владелец крупного хутора, которого уважали и почитали во всей округе, закончит свой земной путь в Вербовке стопятилетним стариком, которого ввергли в бедность, но не сломили.

Николай Дмитриевич хотел поставить на могилу прадеда камень, но за давностью лет могила растворилась, ушла в землю, деревянный крест превратился в труху, которую развеял ветер. Время стерло могильный холмик, но оно не в силах стереть нашу память, покуда мы живы.

У каждого свой крест, своя дорога...

**СОВ. СЕКРЕТНО
Товарищу С ТАЛИ НУ**

СПРАВКА

В период с 1919 по 1930 гг. органами ВЧК – ОГПУ было расстреляно около 2,5 млн. врагов народа, контрреволюционеров, саботажников и пр.

В период с 1930 по 1940 гг. органами ОГПУ – НКВД СССР привлечено к уголовной ответственности и осуждено врагов народа по приговорам судов по ст. 58 УК РСФСР 1 300 949 чел. Из них расстреляно по приговорам судов 892 985 чел. Продолжают отбывать наказание 407 964 чел. В том числе:

- контрреволюционеры, бывшие ленинские партийные лидеры, вставшие на путь контрреволюции: осуждено 937 110 чел. Расстреляно 686 271 чел. Продолжают отбывать наказание 250 839 чел.;

- члены Коминтерна, вставшие на путь контрреволюции и вредительства: осуждено 180 300 чел. Расстреляно 95 854 чел. Продолжают отбывать наказание 84 446 чел.;

- по делу врачей-вредителей осуждено 3959 чел. Расстреляно 1780 чел. Продолжают отбывать наказание 2066 чел.;

- по делу писателей – “гуманистов” осуждено 39 870 чел. Расстреляно 33 000 чел. Продолжают отбывать наказание 6870 чел.;

- из числа военнослужащих и вольнонаемных РККА осуждено за измену Родине шпионов и врагов народа 76 634 чел. Расстреляно 35 000 чел. Продолжают отбывать наказание 37 568 чел.

Из числа сотрудников НКВД, разоблаченных и выявленных врагов народа осуждено 63 079 чел. Расстреляно 41 080 чел.

**Продолжают отбывать наказание 22 319 чел.
Данные приведены без учета смертности в лагерях.**

Приложение: сведения по регионам СССР,

**НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
(Л. БЕРИЯ)**

**Верно: руководитель секретариата НКВД СССР
МАМУЛОВ С.С.**

(Приведена не полностью)

*«Чтобы наслаждаться, нужно полюбить;
чтобы полюбить, нужно понимать;
чтобы понимать, необходимо знать;
чтобы знать, следует сначала разобраться в деталях»*

*Один из принципов фирмы «Davidoff»,
заявленный ее основателем Зино Давидофф.*

ДОРОГА

Привольно раскинулось село Георгиевка на сибирских просторах. Было оно основано в 1896 году переселенцами Черниговской, Полтавской и Харьковской губерний, которые стали приезжать на юг Омской области с началом строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. В 1899 году на карте Омского уезда появилась вторая Георгиевка, только располагалась она на другой стороне Иртыша, ныне тезка нашей Георгиевки находится в Горьковском районе.

До конца XIX века пространство вокруг села использовалось казахскими скотоводами для летнего выпаса скота – джайлау. С началом Столыпинской реформы, в 1906 году началось массовое заселение переселенцами новых участков, основание поселков, деревень и мелких хуторов. В 1926 году на территории Полтавского района насчитывалось уже 227 населенных пунктов. В них учтено 5500 дворов, 29,1 тыс. жителей.

Мало кто знает, что Полтавка, основанная в 1895 году, младше Шербакуля (Борисовки) на два года и входила в состав Борисовской волости (ныне Шербакульский район) Омского уезда Акмолинской области. С Георгиевкой у Николая Дмитриевича отношения особые, с ней связано все лучшее и доброе, что может быть в детстве...

В один из осенних дней, когда ни у меня, ни у директора агрофирмы «Екатеринославская» Николая Дмитриевича Лыхенко особых неотложных забот не было, мы решили, что пора съездить в село Георгиевку. Это было 1 ноября 2008 года, в Дмитриевскую родительскую субботу, когда поминают усопших, но ни Лыхенко, ни я таких подробностей про тот день не знали и специально день не выбирали.

Денек выдался на редкость солнечным и теплым. Кажется, что у природы все яркие краски припасены для весны или лета, но иногда она щедро оделяет своими красками и осень: синь неба, чернота пахоты, зелень озимых, соломенный цвет стерни, белые стволы берез – все это великолепие радовало глаз мягкими пастельными тонами и настраивало на лирический лад. Николай Дмитриевич охотно согласился на поездку

еще и потому, что ему хотелось опробовать новый джип «Land Cruiser». Как истинный автолюбитель он разбирался в машинах и гордился своим новым приобретением. Серебристый «крузак» и впрямь был хорош, особенно его хорошесть вспоминалась каждый раз, когда на дороге попадалась ямка: мощный корпус машины гасил все неровности родных дорог, заставляя восхищаться производением чужого автопрома и вспоминать те времена, когда директор ездил на старом добром УАЗике, или, как прозвали этот автомобиль деревенские жители, «бобике». Прозвище и впрямь было метким, потому как куцая, сбитая эта машина носилась по проселкам не хуже деревенских бобиков, поспевая всюду, то в полевую бригаду, то на ферму, то навстречу дояркам, прячущим под фуфайками мешочки с комбикормом – гостинцем для своих домашних коров. Завидев «бобик», пылящий по тракту, они с криками разбежались кто куда, чтобы не застал директор с личным. Ибо многое мог простить Николай Дмитриевич, но воровства не прощал и воровитых не жаловал.

В Георгиевке он не был уже лет пять. Помня, что где-то была дорога напрямки, или как говорили старожилы села «навпростець», он двинул джип прямо по неудобьям. Машина послушно преодолевала рытвины, объезжала солонцы, спускалась с косоголов, лавируя среди комлеватых берез по едва приметной дороге, усыпанной медно-желтыми листьями и, наконец, уперлась в тупик. Когда-то для сбережения урожая от скота дачники скинулись, и, наняв экскаватор, вырыли на этом месте глубокий ров под стать крепостному, а высокий земляной вал было не под силу преодолеть не то, что джипу, но и танку. Со временем многие дачи запустели, и высокий бурьян заглушил кусты малины и смородины.

Николай Дмитриевич не удержался, закурил. Синий дымок его любимых (и слабоватых!) «Davidoff» таял в хрустальном осеннем воздухе.

На пути в Георгиевку

В том, что он курил сигареты известной и редкой в нашей местности марки, я усмотрел некую историческую заданность. В 1906 году на Подоле, откуда были родом и переселенцы в Сибирь, в семье киевского табачника Генриха Давыдова родился мальчик, которого нарекли Зиновием. Как оказалось, этот факт стал поворотным не только в истории отдельно взятой семьи, но и в мировой истории табака. «Чтобы наслаждаться, нужно полюбить; чтобы полюбить, нужно понимать; чтобы понимать, необходимо знать; чтобы знать, следует сначала разобраться в деталях», – гласит один из принципов фирмы «Davidoff», заявленный ее основателем Зино Давидовф. Этот принцип на своем богатом личном опыте проверил Лыхенко. Кто-кто, а уж он умеет «разбираться в деталях», будь это детали новой установки для молокозавода или лабиринты человеческой души. Как и основатель торгового дома Давидовф, Николай Лыхенко предпочитает украинский борщ и вареники.

Определив, что дальше нам не проехать, мы решили выбираться назад. Неожиданно на дороге возник велосипедист. Мужик, лет сорока с лишком, был явно удивлен возникшему из ниоткуда серебристому джипу, но, справившись с удивлением, он подробно рассказал, как нам выбраться на новую дорогу к Георгиевке. Старой дороги «навпростець» он не знал. Наш путь лежал мимо добротного пограничного городка, отстроенного на окраине Полтавки. Здесь неподалеку проходила российско-казахстанская граница. Когда я сообщил Лыхенко, что на сибирском участке этой границы будет построено более сорока новых погранзастав и десяток районных отделов пограничной службы и что на строительство до 2010 года будет израсходовано более четырех миллиардов рублей, он только крякнул и сказал:

- Граница дело недешевое, когда-то ее здесь не было в помине, и через Георгиевку пролегал путь в три района Казахстана. Во время освоения целины зерно везли целыми автопоездами, и как только георгиевцы не исхитрились, чтобы выменять это зерно. Тогда многие крыши из пластов заменили на шиферные. Да, когда-то Георгиевка была намного больше Екатеринославки, – добавил он задумчиво.

Надо заметить, что родители нашего героя переехали в Георгиевку летом 1939 года, тогда, когда ему было три месяца. Родился будущий директор агрофирмы в деревне Новознаменка, ныне на ее месте распаханное поле, и Николай Дмитриевич только взмахом руки дал понять, что где-то там вправо от дороги в сторону Полтавки и стояла Новознаменка. Ничем примечательным она ему не запомнилась, да и не могла запомниться в столь малом возрасте, а вот в Георгиевке, можно сказать, прошли лучшие годы детства, которые и сейчас издалека да с высоты его положения остаются лучшими, счастливыми и светлыми годами.

Он и теперь видит родное село во сне. А сон таков: он стоит во дворе своего дома и будто бы желает этот дом перестроить, но старый дом жалко трогать, и он решает, что построит новый дом вокруг старого, а старый потом вынесет наружу. Чтобы лучше все рассмотреть, он вытягивает руки по швам и... поднимается по воздуху, но летит невысоко, едва не задевая провода. С высоты ему сподручнее оглядывать все село. Оно будто на ладони – большое и красивое. Люди приветливо машут ему руками.

Вот он пролетает над тем местом, где вместе с другими селянами строил конюшни. Тогда его брат Василий, работавший учетчиком, отдал ему свой хлеб. Вкус этого хлеба он запомнил на всю жизнь. Через много лет Василий погибнет на шахте в городе Осинки. Василий улыбается ему с земли доброй улыбкой.

А он продолжает полет над усадьбой Целины Дениса, из колхоза Дениса брали воду едва ли не все селяне. Очень вкусная была вода. Перед его глазами появляется выгон – ровная площадь с вытоптанной травой, на которой собиралась вся улица во время дойки коров. Запах парного молока, мычание коров, крики пастуха, шутки женщин создавали неповторимую атмосферу сельского уютного быта.

За большой и красивой школой, в которой преподавала мать, он видит сверху знакомый майдан, где собирались колхозники колхоза «Социализм», чтобы обсудить очередной заем или другие важные на тот момент дела. Одни стояли, облокотившись на прясла, другие садились на взгорок около школы. Он видит среди селян знакомые лица. Искусный плотник Варфоломей Иудович Курбацкий внимательно слушает очередного председателя. Предки Курбацких приехали на новое место в составе первых переселенцев из родового гнезда Курбацких – села Высокоселище Суражского уезда Черниговской губернии (в на-

В Георгиевке даже названия улиц прежние

стоящее время – село Высокоселище Суражского района Брянской области). У каждого из Курбацких судьбы сложились по-разному. Курбацкого Герасима Федоровича, например, арестовали в 1937 году, и тройка при УНКВД приговорила его в том же году к расстрелу. В начале декабря 1937-го 60-летнего мужика отправили на тот свет. Реабилитировали его только через 52 года.

Николай Дмитриевич хорошо запомнил Варфоломея Курбацкого, который позволял ему брать свою лодку, благо озеро было рядом. А рыбаком Николай заделался отменным, научился сети вязать и каждый день приносил к столу улов карасей. Однажды в Бисембайке, так называлось другое озеро чуть поодаль села, он поймал здорового карася, одного на целую сковороду. До сих пор тот карась с темно-коричневой чешуей стоит перед глазами.

А кто еще там, на майдане? Поджав губы, стоит портниха Погарская Ксения Малаховна. Она обшивала большую лыхенковскую семью. Рядом с ней Надежда Никитична Бешевец, познавшая премудрости ткачества, вязания и шитья. Это она стала первой дояркой в колхозе с мяншим названием «Социализм», это она после великой засухи 1931 года будет спасать коровушек от голодной смерти в казахстанских степях, не боясь нападения злых людей. За Погарской, покручивая ус и думая о чем-то своем, смотрит на земляков степенный мельник Погарский Перфилий. Он еще не знает своей участи. Огромный жернов сорвется с оси и насмерть вдавит в стену мельника. Богато село на мастеровых людей. Погарский Алексей ладил печи. Букрин Емельян валял пимы. И все с душой, чтобы не стыдно перед людьми было за свою работу. У них учился Николай жизни, крестьянской обстоятельности и дотошности.

Разным было село, но доброта людская всему основой служила. Вот через дорогу к дому Лыхенко идет тетка Соломея. Он знает, что она обязательно спросит у матери:

- Омельяновна, на что тоби стильки хлопцев? Отдай одного.

Хлопцы, а среди них и маленький Николай, прячутся за материнской юбкой и опасливо поглядывают на Соломею, а вдруг и вправду мать отдаст кого-то в чужой дом. Хоть и добра тетка Соломея, но мама роднее.

«Омельяновна» смеется:

- Нет, не отдам, самой пригодятся.

Уф! Пронесло! И так до следующего прихода Соломеи.

Невесть откуда в селе появилась цыганская семья Дробенко. Жили они оседло, но в колхозе не работали. Главу семьи то и дело увещевали, призывали к ответу, но он невозмутимо отвечал, покуривая свою трубку:

- Такая большая деревня одного цыгана не прокормит!?

И столько в его голосе было неподдельной укоризны, что на время

о Дробенко забывали, пока не начиналась очередная какая-нибудь политическая кампания.

Он всех помнит: Иващенко, Галайда, Халецких, Игнатъко, Гулий, Целину, Милашенко, Курбацких, Погарских, Пономарь, Ткаченко... Но в дом к Ивану Милашенко, с которым вместе ходил на охоту, зайти постеснялся:

- Нет, нет! Без предупреждения не могу. А вдруг он болен, вдруг не к месту. Неудобно, как-нибудь в другой раз.

Втайне я желал, чтобы кто-то вышел из дома Милашенко. Окликнуть и завести разговор, чего уж проще! Но никто не вышел. Не судьба!

Еще до въезда в село, мы все-таки нашли ту старую дорогу, по которой Николай с братьями и матерью, а иногда с друзьями Иваном Халецким, Иваном Галайда и Васей Агеенко частенько хаживал «навпростець» в Полтавку.

Он ступил на грунт и взволнованно произнес:

- Вот тут мы ходили.

Снова достал сигареты, закурил.

Ах! Эти дороги детства. Они живут в нашей памяти и притягивают к себе неведомой силой, оставаясь по-прежнему обыкновенными проселочными дорогами. Я обратил внимание, что дорога пролегла через слегка

всхолмленную местность, и ходить по ней было одно удовольствие: открывается незабываемый вид на просторы. Пологий холм плавно бежит к озеру Бисембайка, которое синее среди камышей, далее поблескивает на солнце озеро Широкое, а через профиль, обрамленное лесом с северной стороны, плещется озеро Кара-Ката. Все озера удобно расположены в ложине, которая, наверное, очень очень давно служила руслом многоводной реки. Если мысленно провести линию вдоль ложины, то она пересечет всю территорию Полтавского и Шербакульского районов, правда, в Шербакульском районе ложина более пологая, особенно ее след хорошо виден за поселком и, что характер-

*Дорога детства.
Она такая же и в 2009 г.*

но, на пути нашей воображаемой линии будут озера и даже села, как например, Екатеринославка, часть которой при застройке угадала в лощину, отчего нередко затоплялась паводковыми водами, идущими из Казахстана. Мощная древняя река впадала в Иртыш, но было это так давно, что даже 12 казахских родов не знают такой реки. Остались от нее небольшие озера, которые окрестные жители до сих пор называют балками. Вокруг озер, в лесах водилось много зверья и дичи. Однажды Николай своими глазами видел, как со всего маху огромный лось с ветвистыми рогами вонзился в воды озера Широкое, переплыл его и, отряхиваясь, помчался дальше. Взрослые охотники, выслушав его рассказ, покачали головами, а бригадир Халецкий Моисей произнес:

- Видать хлопчик, повезло тебе. Будь ты на его пути, обязательно бы затоптал!

Озера, березовые колки составляли ту естественную среду обитания, в которой он чувствовал себя как рыба в воде. Орешихин околок, Кочковатка, Лежневка... милые сердцу названия. В Лежневке долгое время прятался дезертир, и ребятишки побаивались ходить в этот лес. Дезертира поймали, судили, и после этого он жил в селе, получив в обмен за свою спасенную жизнь жалостливое презрение односельчан. Так, Николай начинал понимать, что все в этой жизни имеет свою цену. За один поступок можно заплатить очень дорого.

Николай Дмитриевич вдруг вспомнил о друге детства Володьке Вихрове. В Георгиевку он приехал с матерью из Бобруйска. Володька был отчаянным парнем, его все время тянуло на «подвиги». Однажды, пришел домой к Николаю и по секрету сообщил, что принес матершинную поэму самого Пушкина «Лука Мудищев». Друзья поэму прочитали, восполнив, таким образом, недостающее звено в образовании. Как оказалось впоследствии, автором сей поэмы был вовсе не Пушкин, и даже не Иван Барков, которому все-таки приписывают авторство. Так, Николай узнал, что помимо литературы школьной программы существует иная: не афишируемая, но, как всякий запретный плод, манящая. И не важно, как назывались книги: «Один день Ивана Денисовича» или «Архипелаг ГУЛАГ», важно, что они где-то были, и кто-то посвященный их читал. Приходилось искать всякие пути, чтобы приобщиться к касте посвященных, но для него это не было стремлением к «моде», а было естественное желание своими глазами прочесть то, что запрещалось, прочесть и осмыслить самому.

В другой раз Володька подбил всю честную кампанию на раскопки казахской могилы на мусульманском кладбище. Копать начали под вечер. Когда порядочно углубились, то наткнулись на березовую бересту, которая закрывала тело. Николай засомневался:

- Давайте, не будем! Могила же все-таки.

Володька стал убеждать:

- Да там всякого добра много. Я слышал, они самовары с мертвыми кладут.

- Ну и выкопаем мы этот самовар и что, в деревню понесем? – здраво рассудил Николай.

Друзья, Иван Галайда и Вася Агеенко, призадумались:

- Колька правильно говорит. Больно нужен нам мертвецкий самовар! Копай сам, а мы не будем.

Короче, распалась «бригада». Могилу наспех засыпали землей и понуро отправились домой, договорившись молчать.

Эх, дорога, дорога. Ты помнишь, как бежали люди к Бисембайке, когда утонул друг детства Ванечка Халецкий. Была у друзей забава вязать плотики из невысокой густой травы – ситника, произрастающей в изобилии по берегу озера и похожей на камыш. На таких самодельных плотиках они плавали, как сейчас плавают на надувных матрацах. Важно было крепко связать плотик, а Ванечка, видно, не связал, пучки травы под ним рассыпались...

Горькой и неожиданной была та потеря. Ванечку хоронили всем селом, а ребятишкам крепко-накрепко наказали не лезть в воду без взрослых. Но, куда там! Лезли купаться, особенно, в жаркие летние дни, плавали и ныряли, рыбачили, сидели у костра на берегу озера в «ночном», когда рядом раздавалось фырканье колхозных лошадей, слушали страшные байки из уст старших детей и подростков, пугаясь неожиданных теней или белесого тумана, принимающего причудливые формы. Высоко в небе сверкали звезды, и такая благодать окутывала мир, что, казалось, детство будет вечным.

Дорога детства привела к храму, но об этом отдельная история...

*«Под ним плотик разошелся и Ванечка Халецкий утонул...».
Озеро Бисембайка*

**«Вси бо вы сынове Божии есте верою о Христе Иисусе:
елицы бо во Христа креститесь, во Христа облекостесь.
Несть иудей, ни эллин: несть раб, ни свободь:
несть мужеский пол, ни женский:
вси бо вы едино есте о Христе Иисусе»
(Апостол Павел Гал. 3, 26-28)**

КРЕЩЕНИЕ

У каждого свой путь к Богу. Николай Дмитриевич – человек сугубо прагматичный и, как мне казалось, маловерующий, однажды попросил меня разузнать подробно, как можно покреститься в нашей Свято-Успенской церкви.

- А для чего это Вам? Внуков хотите окрестить?

Он помедлил с ответом, откинулся на спинку кресла (разговор шел в кабинете директора) и задумчиво произнес:

- Не о внуках речь. Сам хочу окреститься. И посмотрел на меня, ожидая реакции.

Застигнутый врасплох такой необычной просьбой и еще более неожиданным ответом, я только и произнес:

- Хорошее дело! Стало быть, Вы до сих пор некрещеный?

- Да, представьте себе, нехристь! Заметил он полушутливо, полусерьезно в своей обычной манере, так как он это привык делать с людьми, которым доверяет какие-либо сокровенные мысли.

Я не стал расспрашивать о том, почему его не окрестили в детстве. И без расспросов было понятно, что в семье партийного активиста, коим являлся его отец, да еще в 1939 году – том самом году, в котором Лыхенко родился, крещение могло рассматриваться, как акт, враждебный Советской власти. Священников к тому времени по всей округе почти не осталось, кто-то из лиц священного сана ушел на вольные заработки, не выдержав давления со стороны общественности, особенно оголтелости активистов «Союза безбожников», кого-то послали по этапам и пересылкам, как «врагов народа». Те, которые оставались, служили под зорким оком церковных старост, обычно назначаемых Советской властью, либо с ее ведома. Никакое таинство не могло уже оставаться таинством, а выходила одна профанация. Родителей, крестивших детей, подвергали обструкции, могли уволить с работы. Правда, кое-где по селам действовали тайные священники, и были даже тайные монахи и монахини, но эта «катакомбная» церковь жила своим кругом и посторонних не привечала.

И все-таки было бы неправдой сказать, что семья родителей Лыхенко представляла собой сугубо атеистическую ячейку нового общества. Николай Дмитриевич не припомнит случая, чтобы родители неуважительно отзывались о Боге, о вере. Можно сказать, что Господь незримо присутствовал в этой большой, трудовой и дружной семье. Однажды, в разговоре со мной о православии за чашкой чая перед крещением, он заметил:

- Я к Богу пришел не сейчас, а намного раньше. Познавая жизнь, я убеждался, что мир не так примитивно устроен, как это объясняли материалисты, как этому нас учили в школе. Возьмите, к примеру, клетку организма, ведь это сложнейшая биохимическая фабрика! Трудно и невозможно предположить, что живая клетка сформировалась в процессе эволюции.

Скажем, вначале появилась ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота – один из двух типов нуклеиновых кислот, обеспечивающих хранение, передачу из поколения в поколение и реализацию генетической программы развития и функционирования живых организмов), а затем через тысячи лет – РНК (рибонуклеиновая кислота, служит носителем генетической информации, получаемой от ДНК). Это невозможно. ДНК работает только с РНК. Клетка – единый организм с тысячью компонентов, и каждый компонент не может обходиться один без другого ни секунды, а, следовательно, живая клетка могла появиться только одномоментно, как акт Творца.

С Николаем Дмитриевичем всегда интересно беседовать на темы естествознания, поскольку он обладает энциклопедическими познаниями и не утратил любопытства до сих пор. Сам того не ведая, своими рассуждениями о живой клетке он попал в ядро спора между дарвинистами и их противниками. В своем архиве он хранит реферат по

... Учился я хорошо. Давалась учеба довольно легко, особенно гуманитарные предметы. Хотя казусы были.

В семье говорили не на чистом русском языке, и не столько в семье, сколько на улице. Это была смесь украинских, русских простонародных слов. Хорошо помню, когда в первом классе учительница Александра Ивановна Диденко предложила назвать слова, заканчивающиеся на «чь», я встал и сказал: «замолчь». А поскольку это было сказано сразу за объяснением учителя, то весь класс грохнул.

*Из воспоминаний
Николая Лыхенко*

теме: «Причина и следствие в живой природе». В той работе аспирант Лыхенко впервые для себя и неожиданно для преподавателя озвучил вопросы, которые ни у кого сомнений не вызывали. Самостоятельность мышления аспиранта была оценена должным образом. Правда, преподаватель заметил, что такая самостоятельность нравится не всем.

Лыхенко – человек поступков. Был в его жизни такой случай. В Екатеринославке в советские годы действовала община евангельских христиан-баптистов. Эта община была костью в горле местного парткома, портила всю статистику отделу пропаганды райкома партии. Разумеется, с общиной боролись всеми доступными средствами, но придаться было не к чему: люди из общины работали добросовестно, не пьянствовали, общественного порядка не нарушали, чем еще больше раздражали партийных функционеров.

Надо заметить, что среди членов общины большинство были немцы. Среди верующих особенно выделялся Эдуард Кондратьевич Миллер. Человек независимых суждений, высокой работоспособности, он всего достигал сам. У директора Миллер был на особом счету. Николай Дмитриевич доверил ему возглавить молочную бригаду. Эдуард так отладил работу, что бригада стала первой не только в районе, но и в области по надоям молока. Доярки бригады исправно и без проблем получали ордена и медали, а про бригадира как бы забывали. Но «забывчивость» властей объяснялась просто: верующих, особенно из христиан-баптистов, не награждали правительственными наградами, такие люди «выпадали» из советского общества.

Более того, однажды у Николая Дмитриевича состоялся неприятный разговор с одним райкомовским функционером. Тот, вначале поговорив о делах, подошел к цели разговора, понятной и нужной ему одному, так как он получил задание от самого «первого»:

- Как работает бригадир Миллер? – спросил функционер.

- Отлично работает! У меня к нему вопросов нет.

- А вот у нас к Вам есть вопросы. Понимаете, политика партии состоит в том, чтобы общество было идеологически однородным, а Миллер возглавляет секту, активно проповедует веру во Христа, влияет на молодежь.

- Не секту, а общину, – поправил Лыхенко своего оппонента и добавил: – Политика партии, насколько я понимаю, состоит и в том, чтобы наращивать производство сельскохозяйственной продукции. Если бы у меня все бригадиры были такими как Миллер, то... Вы же знаете, что именно бригада Миллера первой стала доить по пять тысяч литров молока от коровы...

- Да, это нам известно, но на производстве работает идеологически чуждый нам человек, – продолжал гнуть линию партии не в меру ретивый работник райкома.

- Этот, как Вы выразились «идеологически чуждый человек», – начинал «закипать» Лыхенко, – ни разу не получил никаких правительственных наград, а, между прочим, мы его рекомендовали, и он – гражданин Советского Союза, в котором по Конституции каждый имеет право на свободу вероисповедания.

- Ни о каких правительственных наградах для Миллера речи идти не может. Мы рекомендуем Вам вообще убрать Миллера с должности бригадира.

- А вот этого я не сделаю! – сказал, как отрезал Лыхенко.

- Зря Вы так... не прислушиваетесь.

Николай Дмитриевич сухо распрощался с функционером. День был испорчен.

Он не давал в обиду Миллера. В перестроечные годы Эдуард Кондратьевич эмигрировал в Германию, но не забывал о Лыхенко. Всегда, когда он возвращался в Россию, он заходил в кабинет директора, рассказывал о жизни за рубежом, вместе они вспоминали пережитое. Никто теперь не преследовал Миллера за веру, никто ему не мешал, но в его глазах можно было прочесть тоску по Родине.

Немногословный Эдуард Кондратьевич стал и моим хорошим знакомым. На память перед отъездом в Германию он подарил мне Библию. Я храню этот экземпляр с адресом распространителя: ФРГ Licht im Osten Postfach 1340 D-7015 Korntal 1 West Germany. Было время, когда христианская литература нелегально пересекала границы СССР.

Озаботившись просьбой Лыхенко, я попросил благочинного нашего прихода отца Артемия назначить дату таинства крещения. Мне

Общее собрание животноводов совхоза в центральном клубе Екатеринославки.

Итоги подвел гл.зоотехник А. Сбоев.

Выступили:

- свинарка П.М. Смелая,

- доярка Н. Жантасова,

- бригадир Э.К. Миллер,

- секр. парткома А. Лизаркин.

На районной экономической конференции П.И. Голик выступил с докладом «Пути и резервы снижения себестоимости продукции животноводства в Екатеринославском совхозе».

10. 01. 1968 г.

было приятно выполнить просьбу еще и потому, что Николая Дмитриевича и отца Артемия связывали и связывают особые духовные узы. С самого первого дня их знакомства Николай Дмитриевич проникся необычайным доверием и уважением к отцу Артемию, который, несмотря на свою молодость, сумел завоевать авторитет среди прихожан. К тому же священник преподавал в школе иностранные языки, да еще и руководил классом. Эти факты окончательно убедили директора в том, что судьба свела его с не совсем обычным настоятелем. Проницательный Николай Дмитриевич рассмотрел в молодом священнике те качества, которые были присущи и ему: огромную работоспособность, необычайную щепетильность и, если так можно выразиться о лице духовном, профессионализм. Впоследствии их знакомство переросло в настоящую дружбу и сотрудничество на ниве храмостроительства. Именно, никто иной, как Лыхенко играл главную скрипку в переговорах с главным архитектором области Михаилом Макаровичем Хахаевым о разработке проекта Свято-Успенской церкви в Шербакуле. Помощницей в этом благом деле Николаю Дмитриевичу была архитектор района Валентина Михайловна Чернявская. На тех переговорах я не присутствовал, но живо представляю, как Лыхенко, собрав в кулак все свое обаяние, приступает к Хахаеву:

- Михаил Макарович! Прошу, помощи! Надо что-нибудь особенное придумать.

- Так есть же проект! Вот он. Хахаев раскладывает на столе проект под названием «Православный храм для небольшой общины районного центра Шербакуль Омской области». На проекте стояла дата разработки – 1996 г.

- Ну, какой такой небольшой общины?! – восклицает Лыхенко. В этой церквушке и двадцать человек не поместятся, а надо, чтобы 200. И что это за высота? Десять метров! Алтарь в храме Христа Спасителя и то больше.

Суд, да дело, проект переработали. Церковь стала выше в два с лишним раза, просторнее, благолепнее, как заметил на освящении Владыка Феодосий – митрополит Омский и Тарский. Много было созидателей у нового храма, за всех молится ныне отец Артемий. Положено так на Руси, молиться за тех, кто строил и участвовал в строительстве Божьего Дома. И потом, когда у прихода появлялись какие-либо проблемы, Лыхенко не отказывал в помощи. Однажды, после службы, мне пришлось задержаться в церкви. Гляжу, а казначей прихода Валентина Андреевна Швец грустная сидит:

- Что такое?

- Электрики грозят свет за долги отключить.

- А большие долги?

- Большие, пять тысяч рублей.

- К Лыхенко обращались?

- Да, как-то неудобно. Может быть, Вы попробуете?

- Конечно, передам ваши заботы.

Николай Дмитриевич откликнулся сразу, долг прихода оплатил.

Зачем человек приходит ко крещению? Зачем Лыхенко понадобилось в шестьдесят с лишним лет принять таинство крещения? Пытаюсь для себя ответить на эти вопросы. Потому что за ними – вся жизнь человека. Может быть, он захотел принять крещение, чтобы Бог здоровья прибавил ему и чадам его? А может, чтобы дела хозяйственные пошли чуточку получше и неприятностей стало поменьше?

Все это допустимо с человеческой точки зрения. Но Бог не исполнитель наших желаний и просьб. Крещение принимают, чтобы вступить в Церковь, приобщиться ее благ, иметь духовное здоровье, воскресить способность любить, радоваться, пусть даже обычному дню.

Чувствовалось, что решение директора назрело и искало выход. Много вокруг него накопилось за все прошедшие годы отрицательной энергии. Ему было невыносимо существовать в закрытом коконе, в котором иногда не остается выбора для принятия только положительных решений. Приходилось отвечать людям жестко: «Нет!».

На таинство крещения директор приехал вместе со своей супругой Светланой Алиевной.

Отец Артемий все подготовил для совершения таинства. Николай Дмитриевич, взяв свечу, при своем высоком росте, стал казаться выше и строже. Глубокая задумчивость читалась на его лице. Его волнение передалось и супруге. Священник начал читать запретительные молит-

Свято-Успенская церковь, в которой крестился Н.Д. Лыхенко

вы, в которых именем Бога запрещал диаволу господствовать в сердце новоявленного прихожанина, во время чтения он нарек Лыхенко «новоизбранным воином Христа Бога нашего». При этих словах я подумал о том, насколько верен их смысл применительно к этому человеку. Не будучи воцерковленным, он столько много сделал добра.

– Отрекаешься ли ты от сатаны, всех его дел и всех его ангелов, всего его служения и всей его гордыни? Спросил священник.

– Отрекаюсь.

Трижды прозвучал этот вопрос и трижды последовал утвердительный ответ.

– Отрекся ли ты сатаны?

– Отрекся.

Так он объявил диаволу войну, осознавая, что это всего лишь полдела, дальше ему придется сражаться со своими страстями.

– Сочетаешься ли ты со Христом?

– Сочетаюсь.

– И веруешь ли Ему?

– Верую Ему, как Царю и Богу.

Отец Артемий освятил воду, в которой директору предстояло омыть свои грехи, и трижды осенил ее крестным знаменем с молитвой: «Да сокрушатся под знаменем образа Твоего креста все противные силы».

Николай Дмитриевич подошел к купели и покорно склонил седую голову. Священник зачерпнул горстью воду и трижды полил ее на голову.

– Крещается раб Божий Николай во имя Отца, Аминь (первое погружение). И Сына, Аминь (второе погружение). И Святаго Духа, Аминь (третье погружение).

Затем пахучим Святым Миром священник помазал лоб, глаза, уста, уши, грудь, руки и ноги крещаемого, при этом повторяя:

– Печать дара Духа Святаго. Аминь.

Таинство завершилось. Отблагодарив священника, Николай Дмитриевич и супруга его тепло попрощались с ним. О чем ему думалось в эти минуты, что вспоминалось? Высокие ли своды восстановленного храма Христа Спасителя или старинные фрески той небольшой церквушки 17-го века у гостиницы «Россия»?

Он душой понимал, что это его, русское, но забытое и восстанавливаемое по крупицам. Легче построить храм на месте порушенного, чем создать настоящий храм в душе. Тогда, рассматривая шлемообразные купола Христа Спасителя, он заметил стайку белых голубей, взмывших над храмом в непривычно синее московское небо, и отметил это как добрый знак.

По церковным канонам при крещении старый человек умирает, рождается новый человек, неотягченный грехами, жизнь такого человека начинает новый отсчет. Меняется его отношение к людям, по крайней мере, должно измениться. И вот о чем я подумал, глядя на трепетный огонек свечи в руке Николая Дмитриевича, через много лет он этим таинством восстановил незримую духовную связь со своими предками, выросшими в Православии.

Когда-то давно в селе Полтавском на средства прихожан была построена однопрестольная деревянная церковь во имя Рождества Христова. Возвели ее из леса, из которого был сложен Омский железнодорожный мост. Совсем маленьким Николай видел эту церковь, когда вместе с матерью пешком напрямки, или как говорили тогда «навпростець», ходили они из села Георгиевки в Полтавку.

Где-то в архивах сестры Николая сохранилась старая фотография той церкви. Чтобы иметь представление о том, что это был за храм, приведу краткое его описание 1900 года, со слов областного инженера А.С. Эйнарвича, который составил акт об освидетельствовании «вновь построенной» церкви в Полтавке: «К храму, завершенному шатровым восьмериком, примыкали приделы с двухскатными крышами, колокольня имела восьмигранный ярус и венчалась шатром. Портал завершался фронтономчиком на плечиках, над крыльцом – козырек...».

Такой была церковь в Полтавке во имя Рождества Христова

Луковичные главки на высоких шейках придавали храму особую стройность. Архитектурные формы храма запали в душу маленького Николая.

К церкви были приписаны деревни: Георгиевка в 8 верстах и Ольгино в 12-ти. Причт жил в ветхих саманных домах и владел 99 десятинами пахотной земли. Окормлял приход священник А.И. Головин с псаломщиком Е.И. Богоявленским. В 1920 году имущество церкви было национализировано, храм закрыли в 1934 году и передали «под культурные нужды». В конце концов, церковь совсем обветшала и была снесена.

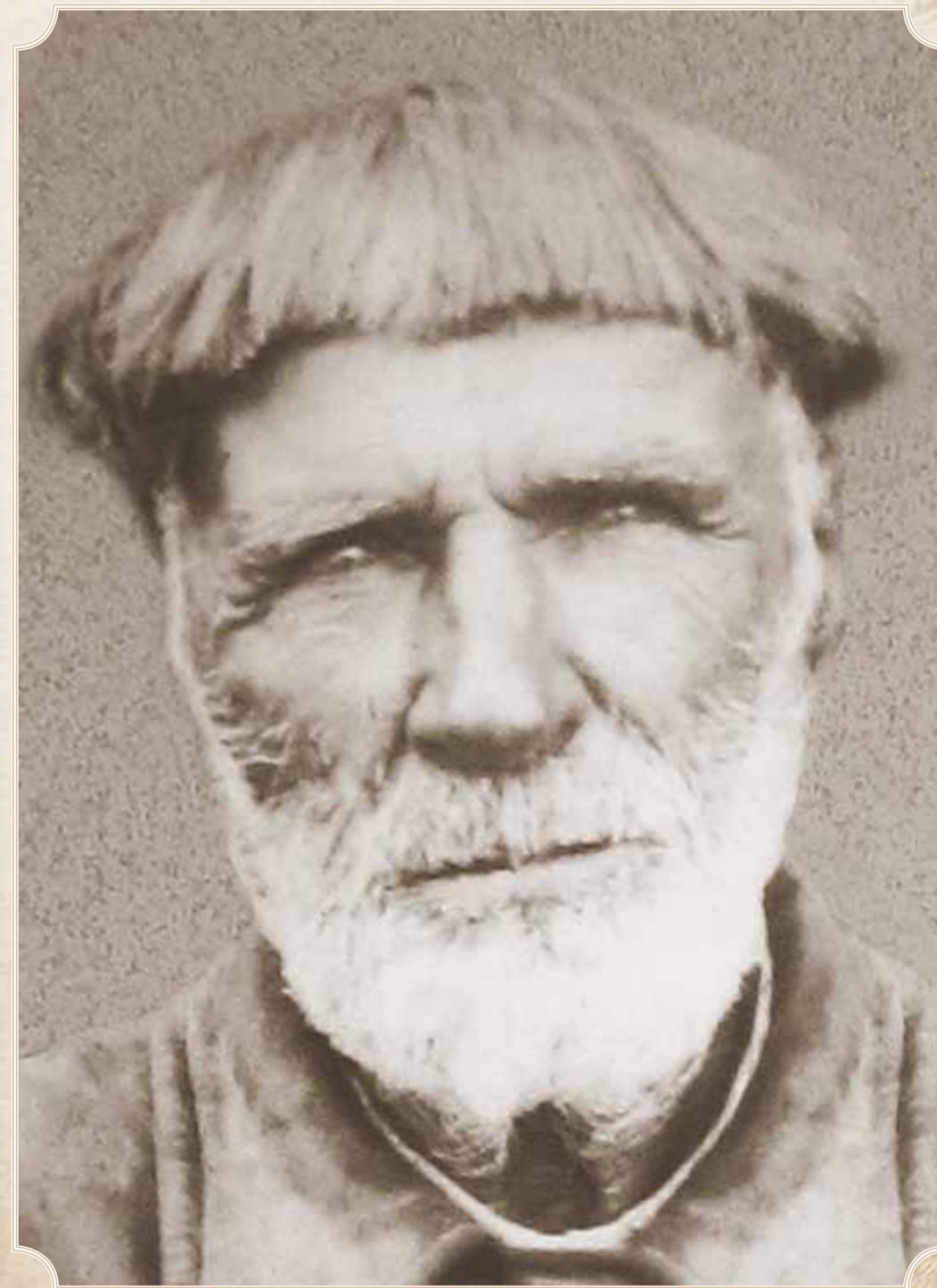
Как-то в приватном разговоре Лыхенко поделился сокровенной мечтой о строительстве в Екатеринославке церкви во имя святой великомученицы Екатерины, но вначале он хотел бы заново отстроить мемориал своим землякам, павшим на поле брани в Великую Отечественную войну.

Я видел этот проект. Николай Дмитриевич увлеченно рассказывал, что и где будет, какие плиты и камни пойдут на отделку. До ежевечерней планерки, которую он проводит пять раз в неделю, оставались считанные минуты, в приемной уже собрались специалисты и бригадиры.

Скоро директор переключится на рутинные дела и проблемы... Остановиться бы, подумать... Все некогда.

И только люди из его ближнего круга: супруга Светлана, дети, друзья могут подать руку, подставить плечо, утешить и зажечь.

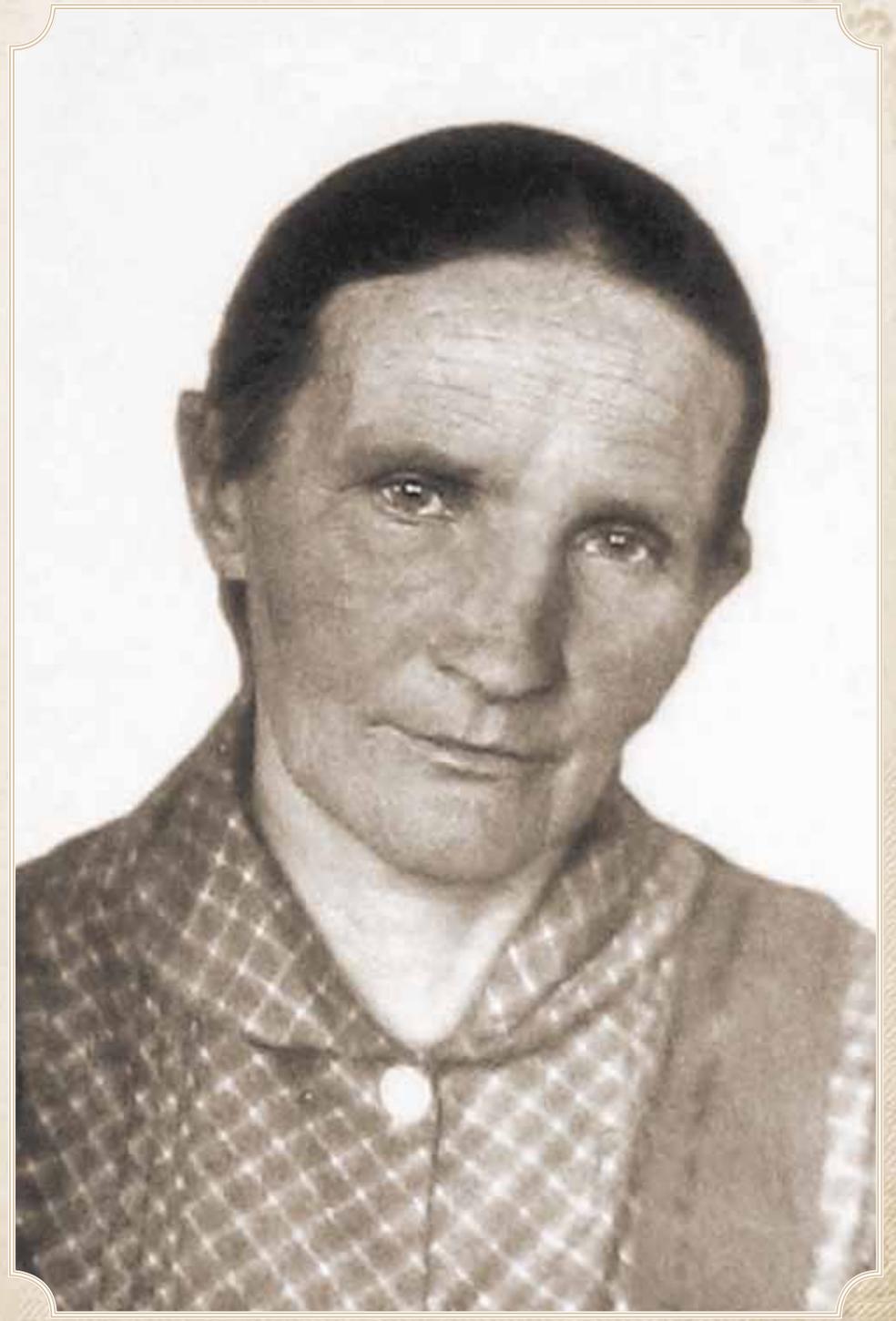
Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных.

Прадед Платон Григорьевич Смешливый

Дед Емельян Платонович. Расстрелян в 1934 г.

Бабушка Евдокия Даниловна Смешливая

Емельян Платонович, Евдокия Даниловна и сестра Емельяна Мария с сыном

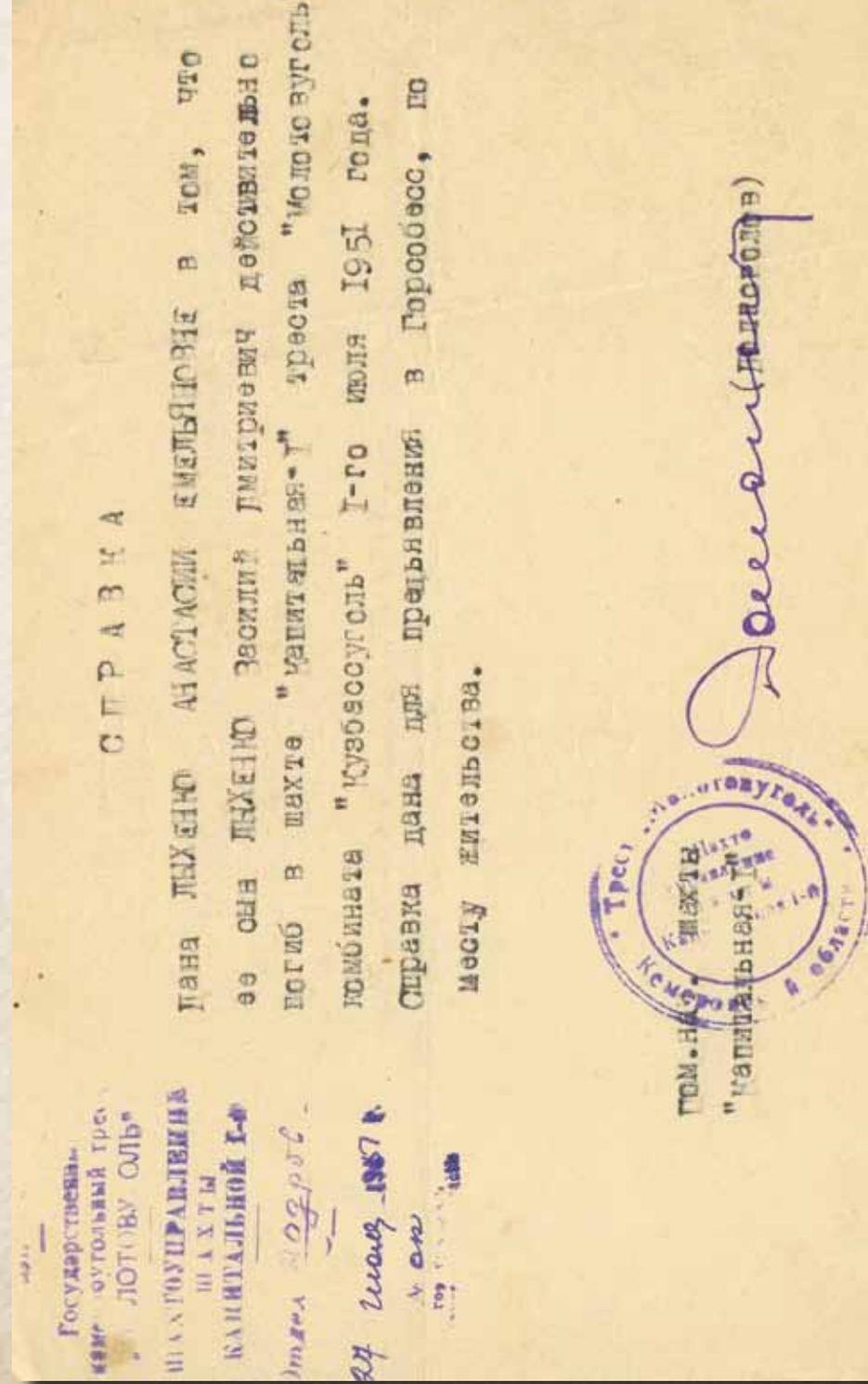
КАРТОЧКА
ЛИШЕННОГО ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ.

Имя Емельян имя Евдокия отчество Даниловна
 Место жительства д. Сидоровское сельсовет Шинниковский район Березовский
 Лишено избират. прав членов семьи, состоящих на его иждивении (количество) 4
 Число едоков всего 10 Из них в возрасте с 18 лет 5
 Число работоспособных членов семьи 4
 Цена десятины 17.50 Всего скота 63 (всех видов и возрастов).
 Число рабочих скота { Лошадей 5
 Волков нет
 Верблюдов нет
 Тракторов нет
 Молотилок кон. 1
 Молотилок паров. нет
 Жнеек 2
 Косилок 1
 Триеров нет
 Число машин {
 Чистый доход от сдачи машин в аренду рублей нет
 Число предприятий (мельницы, крупорушки, шерсточесалки, маслоб. зав., кирп. зав.) нет
 Число рабочих { постоянных 2
 сезонных, общее колич. дней найма в году нет
 Общая сумма доходности хозяйства (по налоговым данным) рублей 2040.00
 Другие данные: _____
 Д. Кабанов 1928 г.
 Пред. сельсовета Дмитрий
 Секретарь сельсовета _____

Карточка лишения Емельяна Платоновича – деда Николая Дмитриевича

Там, где было жилище, птицы еще вьют гнездо и растут деревья

Справка о гибели Василия Лыхенко, шахтера

Дальше – родная сердцу деревня

Дом родителей в Георгиевке. У окна – Владимир Лыхенко

А за двором дома в Георгиевке открывались просторы... За 70 лет пейзаж почти не изменился

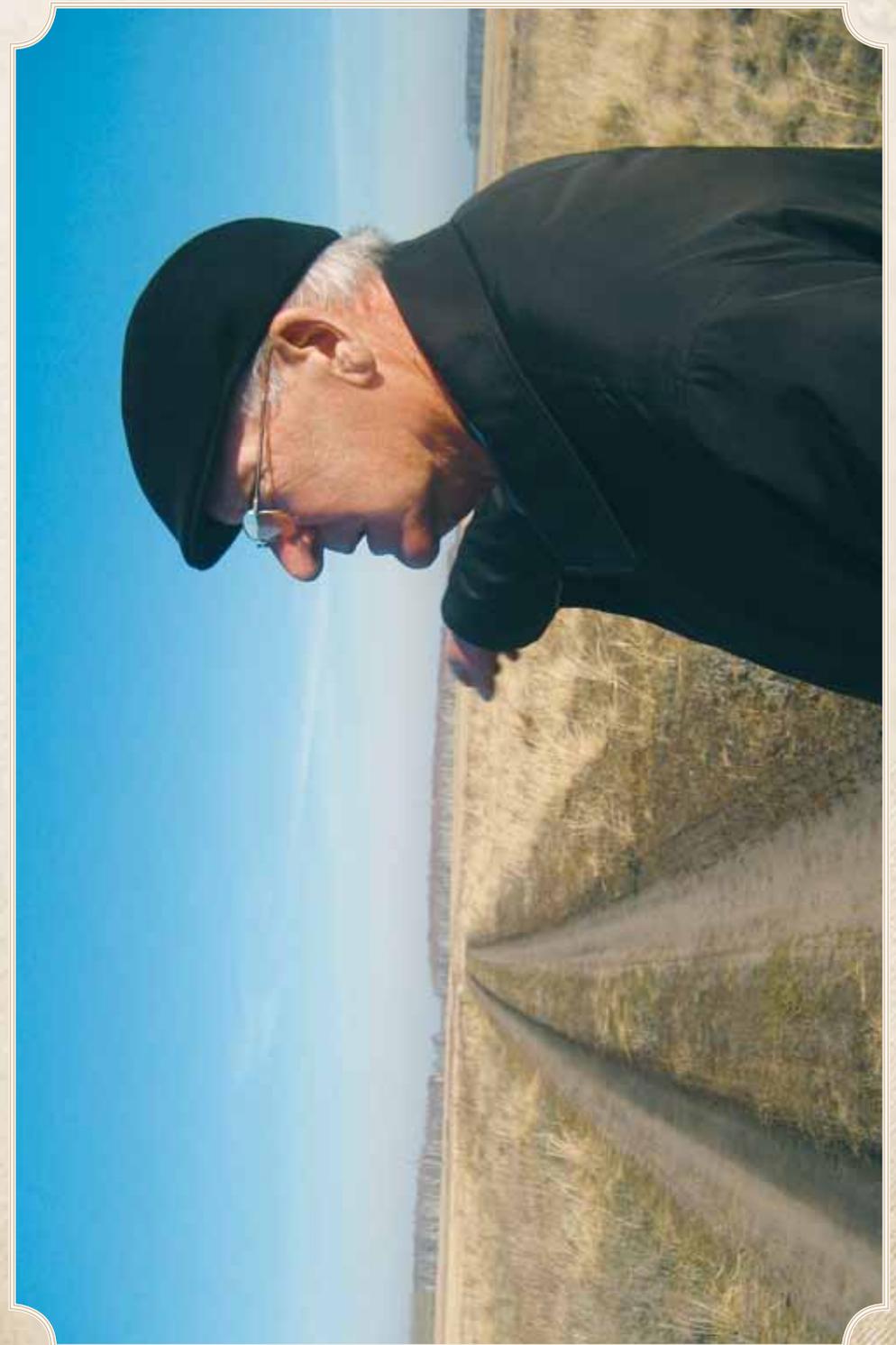
*Династия Смешливых. Емельяновичи: Павел, Анастасия, Нина.
Жена Павла Екатерина*

*Озеро Кара-Тока.
«В этом озере в детстве я ловил во-о-от таких карасей...»*

Учились, шалили... На школьном дворе в Георгиевке. 2008 г.

«По этой дороге мы с мамой ходили в Полтавку...»

Вглядываясь в прошлое. Георгиевка, 2008 г.

«Моя весна семидесятая...»

*«Птица крыльями сильна, жена мужем красна»
«У мужа полтина, и у жены половина»
«Птица крилами сильна, дружина мужом червона»
«У мужа полтиник, і у дружини половина»
Народные пословицы*

СВЕТЛАНА

Чаще всего ее зовут – Алиевна. Алиевна в районе одна – Светлана Алиевна Лыхенко. Авторитетная тень мужа не заслоняет ее индивидуальность, а наоборот, подчеркивает все ее достоинства: собственное мнение по всем вопросам, упорство, целеустремленность, педантичность, творческий подход ко всему, даже к семейной жизни. В год шестидесятилетия супруга она посвятила ему такие строки:

*Любимый, ни к чему лукавить
И этого, увы, нам не исправить,
Хотелось бы, чтоб тридцать,
Ну, хотя бы пятьдесят,
А в дверь стучат все шестьдесят.
И нечего хандрить,
Хандра не для Лыхенко,
А для «несчастливого интеллигента».
Наступит вечер – с тяпочкой во двор,
И ни к чему тут долгий разговор.
А можно, чтобы не скучать,
Ремонт по-новому начать.
И ни к чему спешить нам на покой –
Друзья все наши это знают,
А недруги... Они ведь тоже понимают,
Что, если мы уйдем,
Они, пожалуй, заскучают.
Я не хочу сегодня подводить итог,
Ни жизни, ни любви, ни страсти,
И этот переступим мы порог,
Лишь помудрев, я, думаю, отчасти...*

В Екатеринославской средней школе директор Светлана Алиевна хотя и главное лицо, но – лицо официальное, должностное со всеми вытекающими характеристиками, выдержанными в превосходных степенях. Статьи в газетах, гранты от Президента, губернатора, отлаженная работа школы. И директор, и коллектив не страдают от невнимания общественности. Наоборот, они на виду, на слуху. Конечно, это здорово, приятно, но для меня не это главное...

Говорят, в древней Греции жил человек по имени Диоген, жил так себе, ни кола, ни двора, в бочке из-под виноградного вина жил. Этот самый Диоген любил ходить по улицам городов с зажженной среди бела дня свечой, приговаривая: «Ищу Человека!». За минувшие века диогены перевелись, но потребность в Человеке осталась и даже стала более насущной, особенно в наше время...

Со Светланой Алиевной познакомился давно. Знакомство было поначалу: «Здрасьте – до свиданья». Иногда я приезжал на линейки в школу, видел за работой всегда безупречно одетого директора, которая умела и похвалить ласково, и спросить строго. Но её душа для меня оставалась загадкой. Чтобы понять характер, говорят, надо пуд соли съесть. Этот «пуд» благосклонно предоставил директор агрофирмы супруг Светланы Алиевны – Николай Дмитриевич Лыхенко, затеяв большое и нужное дело – празднование столетия Екатеринославки.

Празднование замыслилось широко. В плане были: и книга, и музей, и многое чего, что должно было запомниться хозяевам и гостям. Поскольку я занимался книгой, то мне вольно-невольно пришлось идти в школу в поисках хотя бы какой-нибудь фактуры. Фактура наличествовала, но в чрезвычайно растрепанном виде, явно не тянущем на книгу. Одни сведения были отрывочны, другие нужно было уточнять, третьи вообще искать заново. Светлана Алиевна вбивала этот ворох информации в свой компьютер. У неё была вполне конкретная задача – сделать музей поселения. Первый музей в столетней истории Екатеринославки. Я не помню, сколько стаканов зеленого чая выпил в её кабинете, но работать с ней было интересно. Мне вообще интересно работать с увлеченными людьми, а Светлана Алиевна была увлечена и, более того, поглощена музеем. Она, наверное, видела его во сне и не раз.

Мы стали обмениваться информацией, так как у меня тоже что-то вырисовывалось. Так появились списки первопоселенцев, раскула-

*В стране свершений меньше,
чем надежд,
И часто по рукам бьют
старые порядки,
Но время отметет всех
злых хателей, невежд,
А ты борись и не теряй надежд!*

*Жена
27 мая 1988 г.*

ченных, орденосцев и т.д. Вместе со Светланой Алиевной сверяли фамилии. (Экая досада! В списке награжденных пропустили Кострова Сергея Федоровича – главного зоотехника. Внимательная читательница заметила ошибку, позвонила, отругала). Рад, что по замыслу директора агрофирмы на площади села был установлен памятный камень в честь первопоселенцев. Во все мелочи музейного дела Светлана Алиевна вникала с дотошностью специалиста. Экспозиция, баннеры, экспонаты, фотографии, стенды, витрины – со всем этим нужно было разобраться, привести в божий вид, а точнее, систематизировать.

Помню, решили составить карту приходских деревень до 1917 года, из которых в Екатеринославку ехали люди крестить детей, венчаться, отпевать родных. Из небытия почти пятьдесят деревень, можно сказать, вытащили. Преподаватели помогали, особенно историк Валентина Георгиевна Старостина. Но все нити музейной эпопеи были в руках Светланы Алиевны. Денно и ночью пестовала она свое дитя. Потом настал день торжественного открытия, посетители оставляли в книге отзывов хорошие слова. Нет, положительно, она была довольна своей работой. Я намеренно подчеркиваю «своей». В музей она вложила часть своей души. Кстати, это черточка её характера, уж если за что-то берется, то доводит до конца. Она – генератор идей. Когда стала директором школы, никто из заместителей не умел работать на компьютере. Научила. Теперь ученики с учителями даже фильмы снимают о школьной жизни. Опять же чувствуется рука режиссера-постановщика – директора школы. Запевка у одного фильма, который видел я мельком, казалось бы, простая: бегут ребятишки по морозцу, лица покраснелись, а снега белые, белые. Не Тарковский, конечно, а сердцу мило. Сразу вспоминается детство: «Вот моя деревня, вот мой дом родной...». Для неё Екатеринославка стала родным домом. А родилась она там, где снег – большая редкость.

Своим происхождением и характером она обязана Востоку, а точнее, Узбекистану. Она любит Восток. И если бы не общепринятые правила и мода, то она, наверное, одевалась бы так, как одеваются все восточные женщины: более ярко, цветисто. Трудно представить её со множеством косичек, в шароварах, в переливающимся всеми цветами радуги халате. Все-таки должность обязывает: строгий со вкусом костюм, стильные очки, немного изысканных украшений. Всего в меру, но и в то же время столько, чтобы не затеряться в толпе, не быть похожей на всех. Это у неё от матери, которая учила дочь: «Светочка, запомни: мелочей в одежде нет!». Мама была модница. Светлана Алиевна до сих пор хранит платье, которая мама вышила, когда дочери исполнился годик. Из маминого свадебного наряда дочь сшила себе блузку...

Как-то в разговоре со мной она обронила: «Мы сегодня ответственны не перед вышестоящими инстанциями, а перед родителями учеников». Правильно, родители отдают маленького человечка в школу с надеждой, что учителя не только дадут знания, но и научат жизни, разбираться в людях. Такая «путевка в жизнь» стоит немалых усилий. Рейтинг Екатеринославской школы тут высок. Все по-серьезному. Выпускник 2003 г. Иван Горбунов написал такие слова: «Этого учителя я уважаю за... всё. За то, что она всех организует и вдохновляет, переживает все успехи и промахи своих учеников, если хвалит, так уж хвалит, если ругает – то мечет громы и молнии. Лыхенко Светлана Алиевна очень коммуникабельный, добрый и чуткий человек. Ученики доверяют ей, но не садятся на голову. Она от природы реформатор...»

Еще одно мнение: «Высокий уровень требований, предъявляемых ко всему, что происходит в школе, позволил мне на «отлично» окончить школу и получить золотую медаль. Я очень благодарен учителям, администрации школы за нелегкий труд, за умение с душой, с открытым сердцем относиться к ученикам». Гаммер Иван, выпускник 2005 г.

Она многое взяла от родителей, от тех, кто был и сегодня остается рядом. Её отец – Алимов Али Алимович, как она говорит, «сделал себя сам». Оставшись без поддержки своего отца, то есть деда Светланы, он совершил головокружительную по тем временам карьеру, оказавшись в кресле заместителя председателя облисполкома большого южного города. А начинал Али с училища связистов. И то ли по совпадению, то ли по наитию, золотая медалистка Светлана поступила на сугубо «мужской» факультет и ни где-нибудь, а в городе «инженеров» – Томске. Она даже успела поработать электромехаником. Увлекалась не на шутку бионикой – моделированием технических систем на основе биологических объектов. (Подспудно, наверное, это помо-

Грамота лучшей ученице от директора

гает ей в сегодняшней работе). Восемь лет трудилась главным инженером Омского областного управления медтехники. Она и не думала идти в педагоги. Если бы... не влюбилась в энергичного, умного и перспективного директора Екатеринославского совхоза Николая Лыхенко... Не было в Екатеринославке бионики, и медтехники сложной тоже не было. Была школа. И был у директора совхоза огромный интерес к школе, как к производственной базе, дающей кадры. Не знаю, о чём они говорили на своих встречах под звездами и луной, но в 1985 году Светлана Алиевна поступает на первый курс пединститута. Новоиспеченной студентке о ту пору было 37 лет...

И вновь воспоминания уносят в детство, откуда мы все родом. Она с отцом под тенью древнего платана. Отец рассказывает о землетрясении 1904 года в Андижане. Его тогда не было на свете, но все в городе помнили, как почтенный и богатый дедушка Алимов ставил в разрушенном городе котлы с рисом и кормил людей. В его доме хранилась родословная рода Алимовых, искусно исполненная на шёлке. Бабушка Зайнабхан читала ей Коран на древнеарабском. Так она получала уроки доброты, чувствуя свою связь с миром, который был древнее многих миров.

Её мама – Морозкина Антонина Фёдоровна ни сном, ни духом не ведала об Узбекистане. Эвакуированная в войну вместе с тысячным коллективом Воронежского завода, она присматривалась к незнакомым, но чрезвычайно гостеприимным людям, чужому быту. Когда Светлана спрашивала отца, почему он выбрал именно Морозкину Тоню, отец отвечал, что Тоня замечательно танцевала и была настолько жизнерадостной и весёлой, что не выбрать её было просто нельзя. Мама была человеком артистичным, легким. Её понимание красоты и меры перешло дочери.

Книги. В большом андижанском доме они стояли и лежали повсюду. Старые фолианты и новые издания, которые отец привозил из разных городов Союза ССР. Библиотеку всемирной литературы Светлана перечитала почти полностью. Книги сопровождают Светлану Алиевну и Николая Дмитриевича и по сей день. Они в курсе книжных новинок. Светлана Алиевна подарила мужу настольную лампу, которая ему понравилась. Домашний кабинет ждет вечерами своего хозяина, но в шесть вечера у него очередная планерка...

Наверное, это здорово, сохранять интерес, тягу к новому, непознанному среди житейского моря проблем, иногда возникающих совсем неожиданно и отсюда, откуда их меньше всего ждёшь.

Она – сильный человек. Ей пришлось испытать и радость, и горе... Ларина, Лариночка. Доченька. Казалось, совсем недавно мы все сидели за одним столом, отмечая очередной юбилей Николая Дмитриевича,

Ларина шутила, смеялась, но прошло время, и не стало дочери, болезнь источила ее организм. Сколько бессонных ночей пришлось пережить Светлане Алиевне и Николаю Дмитриевичу, сколько выплакать слез?! Они держалась, собрав свои силы. Не приведи Бог хоронить свое чадо! Никому! Никогда!

У Лыхенко большая семья. Николай Дмитриевич как-то пошутил, что такая семья у него наследственная. Светлана Алиевна объединяет эту семью всепонимающим сердцем, но иногда не может сдержать шуточных упреков в адрес мужа, безоглядно любящего детей, особенно младшую – Катеньку. Катенька уже объездила полмира, работает в солидной московской компании сутками напролет. Но, однажды, бросив все дела, спешила в Домодедово, чтобы передать со мной своим родителям подарок.

Катенька – особая гордость и любовь отца. Она и статью пошла в него: высокая, ятная, на голове – коса. Этакая русская барышня-гимназистка из зажиточной семьи, в которой ее все любят и балуют. Так и представляешь ее с румянцем во всю щеку, в шубке с муфточкой, изящно сбивающей «снег с каблучка».

В Австралии Катенька работала в супермаркете, одновременно постигая науку менеджмента, в Нью-Йорке трудилась в одной из фирм, располагающихся на Манхэттене, скучала по дому.

Там, дома, в Екатеринославке – чистый, белый снег, вкусно пахнет маминым борщом, а мамыны вышивки украшают стены милого дома. Дочери из семьи Лыхенко, как и все девчонки, любили хлопотать по дому, любили устраивать «кафешку» для родителей, придумывая различные блюда и обслуживая папу с мамой по всем правилам русского доре-

Мы с Катюшкой вдвоем...

волюционного этикета. Они – любимые дочери, умеют сочинять стихи, частушки. И для папы, и для мамы:

*И мотается наш папа,
Достаёт стройматериал,
То ли он ещё директор,
То ли уж снабженцем стал!
Маме думать всех трудней,
Как же быть ей веселей,
Здоровее и резвей.
Где же сил на все набрать,
На работе успевать,
В доме все устроить,
Катю успокоить.
Думай, мама, думай!*

Николай Дмитриевич признает, что жена поступает с дочерьми более объективно, но с собой ничего поделать не может. Сказывается украинская кровь, щедрая на ласку для детей.

Однажды, в очередной свой приезд, я предложил Светлане Алиевне организовать среди учеников начальных классов сочинение для книги на тему: «Каким я вижу свое село через 50 лет». Через несколько дней она вручила мне листки, исписанные детским почерком. «Сейчас мне 10 лет. Я очень люблю свое село, свою Родину, свой дом. Мне представляется картина своего села через 50 лет такой: в центре очень большое и очень красивое здание, обозначающее символ села. Клумбы, похожие на картинки, фонтаны и деревья вроде фигурок. Озеро будет очищено, и в нем сделают катки, отсюда можно скатываться. Магазины станут еще больше, и в них будет много товара. В школе большинство учеников будет выпускаться с золотыми медалями. Построят новые, красивые дома. Для детей будут карусели. Кормоцех, молочный цех, все будет автоматизировано и по новым технологиям. Пусть наше село живет и процветает». Таким увидела свое село ученица 4-го класса Нурмагамбетова Аина.

Ее рассказ продолжил Савкин Гриша: «Моя школа станет еще больше, светлее и интереснее. Это будет не просто школа, а школьный городок, где будут мастерские, стадион, бассейн, тренажерный зал, теплица. У каждого жителя Екатеринославки будут хорошая работа, хороший дом, сад. А самое главное, люди будут добрее, аккуратнее, внимательнее друг к другу, все будут счастливы и здоровы!».

Пусть все будут счастливы и здоровы!

ПИСЬМО

*Ночь. Луна. Опять бессонница.
Воспоминания душу бередают.
Уже успели мы состариться.
И лет прошедших не вернуть назад.*

1981 год. «Вот и встретились два одиночества. Развели у дороги костёр»... И с нами наши дети: стремившийся строить свою судьбу по своему усмотрению, добрый и порядочный Саша, вечно поперечная Марина и подвижная, готовая склониться от любого дуновения ветерка Танюша, и трепетная, никого никогда не предавшая дочь Лариночка. Трудно было твоим девочкам делить папу с чужой женщиной, трудно было моей Ларине делить маму с другими детьми. Один Саша старался быть нейтральным. Но, наше с тобой взаимное чувство никогда не позволяло усомниться в том, что мы справимся с нашими проблемами. Мы старались выстроить жизнь наших детей по нашим с тобой меркам: работа до самопожертвования, учёба только на высший балл, дом, хозяйство, внешность во всегда ухоженном состоянии. Трудно детям с такими родителями. Мне надо было соответствовать статусу «первой леди на деревне», к которой во всём всегда интерес повышенный, «доброжелатель» всегда хватает. И детям нашим от этого интереса перепадало. Надо им отдать должное – они умели этому сопротивляться.

А потом родилась Катюша, хоть ты и очень ожидал сына. Ну что поделаешь, у сильных мужчин, как правило, рождаются девочки. И теперь огонька в наш костёр добавляли пятеро детей. Было от чего ему разгораться. Когда Катюша стала говорить, на вопрос «Откуда ты взялась такая?», отвечала: «Так приглашали же!». Любимое занятие – вечером с папой «побеситься». И неизвестно, кто из вас получал наибольшее удовольствие.

Очень помогли Лариночка с Танюшей. И дома приберут, и пелёнки погладят, и в огороде наведут порядок. Доставалось им. Но не унывали. По воскресеньям устраивали нам праздничный обед. Сами лезли коронное блюдо – вареники, придумывали сценарий, организовывали на кухне кафе с каким-нибудь мудрёным названием, оформляли его. Они всегда так радовались, когда нам нравилось. К сожалению, сейчас понимаю, что за работой и заботами у нас почти не оставалось времени для того, чтобы отдохнуть с ними и пообщаться. Детям трудно понять, что у родителей на них не хватает времени потому, что ради них они так много работают.

А потом опять надо было соответствовать – теперь иметь право быть учителем в школе – поступила в институт получать второе высшее образование. И если бы не твоя поддержка и помощь твоя и Лариночки с Танюшей, на всё не хватило бы сил.

Взрослели наши дети, и не всегда их планы и поступки соответствовали нашим надеждам. Это и закономерно. Но любое крушение наших надежд оборачивалось для тебя страшной болью и переживаниями. Ты пытался казаться суровым и делал вид, что не можешь простить, потому что безгранично любил. Не за что-то, а потому что они наши дети..

Зато примирение было с точки зрения воспитания очаровательным. Ни в одном труде по педагогике такого не найдёшь. Ты готов был исполнять любое их желание, а они, как настоящие женищины, научились этим пользоваться. Создавалось впечатление, что не они у тебя, а ты у них выпрашивал прощение.

А помнишь (как ты часто задаёшь мне этот вопрос), как после того, как уложим детей спать, растопим камин, выьем по рюмочке, выясним отношения, признаемся в чувствах и опять чувствуем себя счастливыми, и опять все проблемы становятся решаемыми.

Женился Саша, вышла замуж Марина, а потом Татьяна и Ларина. И как ты утирал слёзы, когда отдавал девочек замуж, и как ревниво следил, чтобы их не обижали.

А потом родились сразу двое детей у Саши, сын у Марины, дочь у Танюши. И стало у нас четверо внуков. И всё внимание переключилось на них. Теперь было важно, чтобы у них было всё необходимое. И опять надежды, и теперь внуки самые красивые и талантливые.

А потом родилась у Лариночки Машенька. А через год Лариночки не стало...

Осталась маленькая Машулька, о которой ты не можешь говорить без умиления, млеешь, когда она стоит чуть ли у тебя не на ушах, балуешь её, не устаёшь восхищаться.

Ты всегда и во всём остаёшься настоящим мужиком – умным, надёжным, порядочным, никогда не прячущимся за чужую спину, заботливым и любящим семью, трудолюбивым, добрым и иногда суровым, задиристым и дипломатичным. Всего в тебе в избытке: если любишь, то до самозабвения, если работаешь, то «до седьмого пота». Ты не бросаешь в беде, ты готов к самопожертвованию ради близких. Ты любишь красоту и гармонию, природу, порядок, ценишь творчество. Можно спортивляться твоей требовательности, но не любить тебя нельзя.

И наш костёр горит уже 28 лет. И мы знаем, что незаметно, но регулярно, в нужную минуту поддержит этот огонь Саша; будет в него бросать всё, что попадёт под руку, чтобы костёр горел, Танюша; будет собирать голыми руками и бросать назад в костёр выпавшие угольки Катюша, ещё и зонтик от дождя поставит; приведёт своего сына Марину. И пусть к нашему костру приходят погреться всё новые члены семьи. И как можно дольше никто не уходит... И нам будет тепло.

Твоя – всегда стремившаяся соответствовать тебе – ЖЕНА.

Апрель 2009 г.

СТЕКЛЯННЫЙ САМОЛЕТИК

Николай Дмитриевич – счастливый человек. Хотя бы потому, что у него семеро братьев и две сестры. Когда его отец после смерти супруги в 1935 году покинул село Таужну и оставил на попечение своей сестры Кобец Евдокии четверых детей: Ирину, 1923 г. рождения, Макара (Михаила), 1925 г. рождения, Василия, 1928 г. рождения и Ивана, 1930 г. рождения, никто и не предполагал, что в Сибири к «таужненским» прибавятся еще пятеро: Анатолий, 1936 г., Светлана, 1938 г., Николай, 1939 г., Владимир, 1941 г. и Александр, 1944 г. рождения. Ныне в живых остались трое: Светлана, Николай и Александр.

Сестра Николая Дмитриевича – Светлана Дмитриевна живет в Полтавке. У нее скромный, но просторный и опрятный дом, ухоженный огород, чисто выметенная ограда, две собачонки, которые встретили меня залившимся лаем, свидетельствующим о том, что они не даром едят свой хлеб. В просторных сенях стояли многочисленные ящики с помидорной и цветочной рассадой, дающей право судить о том, что хозяйка, несмотря на годы и одолевающие болезни, основательно готовилась к весенним работам на огороде.

Светлана Дмитриевна проводила меня в зал, где на столе, покрытом скатертью, красовалась высокая пасха с крашеными луковой шелухой яйцами.

- Какая же у Вас пасха красивая, да пышная, – не удержался я.

- О це еще не высока, бывали у меня пасхи повыше и попышнее, – с гордостью заметила хозяйка и удалилась на кухню готовить борщ с чисто лыхенковским чувством гостеприимства, оставив меня рассматривать семейный альбом.

А потом за огненным борщом, да под самогоночку и огурчики домашнего приготовления, мы долго разговаривали за столом, и взволнованная воспоминаниями, картинками из детства Светлана Дмитриевна то и дело прикладывала платочек к уже покрасневшим глазам и, мешая украинскую мову с русской, рассказывала:

- Я ведь на родину отца в Таужну все-таки съездила. Получилось это во второй раз. В первый раз, когда мы с Колей приехали в гости к старшей нашей сестре Ирине в Одессу, у нас тогда не получилось побывать в Таужне. Ирина тоже лиха хлебнула, будь здоров. У нее в войну двое малых детей под бомбами погибли. Она пришла домой, а дома нет, одно пепелище.

В другой раз я добралась до родины отца. Это триста километров от Одессы, но дорога была така хороша, як стекло, мы за три

часа доихалы. Таужне – большое село, когда-то там было три колхоза, один из которых основал наш отец, улицы там мощены камнем. Встретили нас родная отцова сестра Евдокия и его двоюродный брат Василий. Ну, встретили, провели по памятным местам. В Таужне отца нашего помнят, есть даже улица его имени и, по-моему, школа тоже.

- О це, – говорила Евдокия, – дывитесь, был наш двор.

- Зашли во двор, правда, там уже другие люди, но встретили хорошо. Я заметила, что почти в каждом дворе села стояла печка. Думала, что варят еду, но, оказалось, гонят самогон. Я, когда тии самогон выпила, а он буряком отдае.

- Вася, – спрашиваю я, – у тебя у подвали семь мешки сахара, а вы из буряка самогон гоните!

- Та ви цо, – отвечает он, – сказались, переводить сахар на самогон!

Оказалось, что сахар они получают за тяжелый труд на «ланках» – делянках, которые закрепляются, едва девочке исполнится 14-15 лет. Каждая «ланка» – большие гектара. «Ланка» буряка, «ланка» подсолнуха, «ланка» кукурузы. Мужики ции «ланки» не обрабатывают, тики бабы. Дуня жила в доме, крытом соломой, ее звали в другой дом, под шифером, но она говорила, что будет умирать в родном доме. Дед отца був колоритной личностью. Мог пешком сходить в Киево-Печерскую лавру на поклон святыням. Сапоги на спину закинет и босиком ийшов. В связи с этим Дуня рассказала такой случай:

- Дед собравсья у Киив, зове, та каже: «Дуся, поскуби петуха, та целенького звари. А мэни тода було 12 рокив. Ну, я и целенького петуха и зварила, умисти с потрохами. А дид вже ждет, надо идти. Приношу я ему «целенького» петуха, он увидал, та як хватит возжси и мени по усей улице гнав до самого майдана.

У отца имелось два родных брата: Николай и Петр, они тоже были активистами. В тридцатых годах всех троих братьев пригласили в Москву и каждого направили на работу кого куда. Николай уехал на Дальний Восток и стал там большим командиром, Петр работал в Полтавке начальником милиции, отцу поручили заниматься переселенцами.

В Москве отец купил стеклянный самолетик. Этот самолетик я хорошо запомнила, он висел под потолком у нас в доме, чтобы пацаны его не достали. Красивый такой самолетик, сверкал огоньками, весь переливался. Отец был высокий, плечистый, Коля весь в отца. Папа меня сильно любил, бывало, возьмет меня на руки и ну, подбрасывать к потолку:

- Гляди мать, летчица будет. Светка – летчица! Ну, летчица!

В войну папа часто приносил в кармане своего кожаного пальто сушеный картофель. Необыкновенно вкусный! Мне тогда казалось, что это конфеты, и я спрашивала, где он берет такие вкусные конфеты, а он мне насыплет полную горсть «конфет» и смеется:

- Еще принесу.

На работу он ездил на велосипеде. Ходил в добротном кожаном пальто, кожаной фуражке и яловых сапогах. До сих пор помню это пальто. Когда его проводили на фронт, а провожали мы его втроем: мама, я и Коля, то мама забрала с собой папину одежду и повесила на столбе. У нас посреди избы стоял столб, и не нем висели папино пальто и фуражка. Потом, когда мама сильно заболела тифом, приехал к нам фельдшер Сиволап Савелий, собрал мамину и папину одежду и увез на «прожарку», серой обработать. Одежда вся «сбежалась», свежилась, у мамы был красивый тулупчик, а привезли одни лохмотья. От папиного пальто тоже мало чего пооставалось, в общем негодное все стало. Я сильно за это плакала. Мама заразилась тифом от Финашко. Жила в Георгиевке такая семья, у них 12 детей было, а мама ходила к больному ученику из этой семьи и после этого занемогла. Она, как сейчас помню, 48 дней лежала в Полтавской больнице. Я приехала к ней на свидание с Васей и сильно была удивлена, когда увидела маму остриженной. Она красный свой платочек сняла, машет мне рукой, а я плачу и кричу ей через окно:

- Мама, а где твои косы? Верните моей маме косы!

Главный врач больницы Иван Давыдович выбежал, взял меня на руки, успокаивает:

- Отрастут у твоей мамы косы!

У нее косы ниже колен были, она их в узел завяжет и ходит без платка. Я так по ней скучала, что когда мне сказали, что маму привезут из больницы, я села на школьную прищочку (фундамент) и... примерзла к ней. Звонок на урок, а я сижу, не могу подняться. Стоял апрель, но было холодно, фундамент за зиму промерз. Так я и сидела, пока меня не хватились. Оторвали от фундамента, отогрели, а тут и мама приехала. Мы все были рады. После того сиденья чирьи побили уси мои ноги, я полгода в школу не ходила.

Жили мы дружно, хлопцы по хозяйству все делали: и варили, и убирали, особенно Вася, он как девчонка был. В доме стояла большая печь, так мы спали на ней покатом, все помещались. В плиту был вмурован четырехведерный чугунок, который накрывался деревянным кружком. Фельдшер что-то в тот чугунок вонючего набросал для дезинфекции, но ребята все вымыли, убрали и к приезду мамы побелили в доме.

Мама в той печи выпекала зараз по 32 булки хлеба. Еще помню, когда в школе проходили утренники, то мама пекла из казенной муки булочки. Ей одной доверяли это дело, так как была она сугубо честной. Бывало, испечет 387 булочек, а нам ни одной не даст, а нам так хочется, но мама строго следила, чтобы мы, не дай Бог, чужого не взяли. Другая бы как-то выкрутилась, чтобы и своих детей угостить, а мама не хотела, совесть ей не позволяла. Ее очень уважали в деревне. Она шла по улице, и пожилые мужчины снимали шапки, кланялись и говорили:

- Здравствуй, Омеляновна!

- Напиши письмо на фронт, Омеляновна! Как ты напишешь, так солдата находят.

Я за мамой хвостиком ходила, все слышала и после того, как мы получили похоронку на отца, я маму просила:

- Мама, напиши письмо, может папу найдут?!

Она качала головой:

- Не найдут, доченька.

Нам похоронку-то принес почтальон, когда мама в школе была. Положил молча на подоконник и ушел. Толя распечатал, стал читать, а мы слушаем. Когда до нас дошло, что отца нету, заплакали в голос. Я как вспомню, как папа нас, бывало, соберет в кружок в другой комнате, чтобы маме не мешать, и рассказывает, или книжки читает, так еще громче реву:

- А кто мне самолетик покажет...

Мама к дому подходит, а мы ревом так, что на улице слышно, она думала – пожар. Папа с мамой никогда не ссорились, понимали друг друга. Когда папина сестра Евдокия из Таужны написала письмо отцу о том, что он думает делать со своими детьми, то он, получив это письмо, стал читать и заплакал. Мама спрашивает:

- Что плачешь?

Он протягивает письмо, а сам еще пуще плачет, но боится маме всю правду сказать, что у него на Украине не двое, а четверо детей остались. Первая жена нашего отца умерла, оставив его с детьми. Она в саду вишни раскорчевывала и, видать, надорвалась, да и от голдухи слаба была. Пришли, а она у вишен тех лежит.

Мама отцу и говорит:

- Собирайся, поедem за ребятишками!

- Так ты же беременная!

- Все равно поедem! Не оставлять же детей сиротами. Мама думала, что там ждут двое.

И она, уже беременная Толей, поехала с папой в Таужну. Приехали, а там вместо двоих детей – четверо. Мама виду не подала, всех собрала в дорогу. И стало нас потом девять ребятишек. Всех мама вырастила, поставила на ноги. Ей выпала нелегкая доля, с четырех лет она работала: пасла поросят, гусей, а в шесть лет ходила на папашню с дедом Платоном и умела на лошади ездить.

Помню, однажды она на себе принесла из Полтавки пуд муки и трехметровый отрез байки. Хватило бы на платье и ей, и мне, но очень уж мне понравились куколочки, которые были нарисованы на ткани, и пока мама преподавала в школе, я аккуратно вырезала всех

куколок и сложила их стопкой. Мама приходит из школы, видит мое «творчество», молча идет во двор, срезает лозу... в общем, досталось мне так, что ни лежать, ни сидеть не могла.

Теперь-то я понимаю, какой это был для нее удар. Тогда ткань выдавалась по норме женам фронтовиков. Она сильно переживала и за испорченную ткань, а, наверно, еще сильнее за меня. Я теми «куколками» еще долго играла. У нас во дворе была большая яма, так мы туда забирались, печку сделаем, хлопцы трубу выведут, и... представляем себя взрослыми. Хлопцы меня не обижали, Вася, когда стал шахтером, привез нам с мамой в подарок ткань «майя», очень тонкую и красивую с голубыми васильками. Я такой ткани больше никогда не встречала. Жаль, Вася погиб на шахте. Как сейчас помню тот черный день. Я была в пионерском лагере в Никоновке, мне там очень нравилось, и тут появляется Ваня и говорит: «Света, пойдem домой». Я почувствовала что-то недоброе, но иду, молчу, ни о чем не спрашиваю. Стали подходить к нашему дому, а Ваня сообщает:

- Васю в шахте убило.

Я заплакала, в дом не иду. Мама уже уехала на шахту. Мы – одни. Плачем.

Дождались маму. Она рассказала, как все было. Из Васиной бригады только он и погиб, когда бригада вышла отдыхать наверх, Васе зачем-то понадобилось в шахту, тут и случился обвал, его трое суток откапывали. Похоронили, маму на могилку свозили. Она там в обморок упала. Вот такая история. Вася у нас на Тихоокеанском флоте служил, он и шахтером моряцкую форму не снимал, гордился ею очень.

Мы все друг другу – настоящие братья и сестры. И долго не знали об истории с детьми из Таужны. Уже взрослыми стали, тогда узнали, а узнали, то все равно друг друга любить не перестали.

Я отучилась в сельхозтехникуме, работала лаборанткой, а потом ушла в торговлю и 22 года потрудилась там. Работала хорошо, на Доске почета была, грамотами награждали. Вот и весь мой сказ.

Расставались мы со Светланой Дмитриевной, как старые добрые знакомые. Мне казалось, что я знаю ее давно. Знаю, как искреннего, доброго человека.

«Сперва аз да буки, а там и науки»
«Спершу аз та буки, а там і науки»
Народные пословицы

ДОРОГАЯ ЛЮДМИЛА ДМИТРИЕВНА...

В своих воспоминаниях Николай Дмитриевич рассказывает о годах учебы, но особенно тепло отзывается о родной Георгиевской школе и Еремеевской. Впрочем, послушаем...

..В девятый класс я пошел в Ольгинскую среднюю школу. Нас троих поселили на квартире. Но какой-то бес во мне уже упорно поселился к той поре. Однажды к нам приехал старший брат одного из живущих в общежитии одноклассников. Приехал на хорошей лошади, и мы сочли нужным прокатиться на этой лошади в общежитие к девочкам. Поскольку я уже верховодил у этой троицы, то, завалившись в сани, естественно возжи в руки взял я.

«Какой же русский не любит быстрой езды» – это меткое выражение Н.В. Гоголя относилось и ко мне. Пустив лошадь крупной рысью, я направил ее на идущих по дороге взрослых. Дело было зимним вечером. Взрослые, а как это выяснилось позже, были учителями нашей школы, бросились в разные стороны, чтобы не попасть под копыта несущейся на них лошади. Учителя, как оказалось, во главе с завучем направлялись в женское общежитие проверить выполнение режима по жалобе девочек, который нередко нарушали олгинские ребята.

Разразился скандал, начались собрания, педсоветы, объяснения. Я пошел домой и сказал матери, что в эту школу я больше не пойду. Бедная мама! Тихо поплавав, она твердо сказала: «Иди работай в колхоз». А я и сам не собирался сидеть дома.

В колхозе меня определили возить солому. Трактор с санями, январь, крепкие морозы и моя телогрейка, да и вся остальная одежда, входили в явное противоречие с окружающей температурой. Особенно холодно было сидеть на замороженных бревнах саней, пока ехали к скирдам соломы. Единственный способ быстро согреться состоял в активной работе вилами в поле. Вся погрузка, а затем и разгрузка производились вручную. Назад было возвращаться легче, можно было спрятаться в солому.

Проработав так до весны, меня отправили прицепщиком в МТС. Работал на разных прицепных орудиях, культиваторе, плуге, сеялке. Летом на сенокосилке, граблях, скирдовке сена. Перед первым сентября следующего учебного года мать мне сказала: «Пойдешь в школу в Еремеевку, жить будешь у тети». Я не сопротивлялся. Новая школа мне понравилась сразу. Какой-то в ней был другой дух по сравнению

с Ольгинской. Понравилась классный руководитель Копылова Людмила Дмитриевна, вела она русский язык и литературу. Аккуратный внешний вид, дружественная открытая улыбка, откровенное общение подкупало. От всей ее аккуратной фигуры веяло доброжелательством. Ровная в общении, она никогда не переходила на крик, всегда находила, чем нас увлечь помимо учебы. Зная превосходно свой предмет, она не ограничивалась только этим, вела драмкружок, мы даже ставили «Скупого рыцаря», где я играл главную роль. Играл я, как теперь понимаю, бездарно, но она умела находить необидные слова, делая замечания. Ее беседы с нами были насыщены и поучительными, но никак не обидными.

А сколько раз она меня спасала от наказаний и даже от отчисления из школы, а вопрос однажды стоял и так.

Она сейчас жива, слава Богу, ведет большую общественную работу, написала хорошую книгу о ветеранах, фронтовиках, людях труда. Пишет книгу об учительских династиях. От всей души желаю ей здоровья.

Надо сказать, что в школе сложился хороший учительский коллектив: Гресь Иван Григорьевич, Василенко Петр Иванович, Алексей Митрофанович (фамилию запомнил), молодые учителя. Руководил школой Кузьминых Алексей Игнатьевич.

Две школы в моей жизни оставили глубокий след. Родная Георгиевская семилетняя и ставшая родной и близкой Еремеевская средняя, последняя, кстати, вскоре стала первой школой в области, положившей начало сотрудничеству с производством в деле профессиональной ориентации школьников, чему и я в последующей работе немало уделял внимания и даже отличился...

От редактора: с Людмилой Дмитриевной Копыловой я познакомился вначале заочно. Николай Дмитриевич о ней много рассказывал

До сих пор помню, как мать принесла домой несколько подаренных вещей. Детское теплое пальто, брюки с замочком на ширинке, шапку, кофточку. Сказала, что это американские подарки. Теплое пальтишко мы с сестрой носили, одеваясь в школу, – я с утра, сестра после обеда. Старшему брату Ивану достались брюки с ширинкой на ленточном замочке. Вся деревня сбегалась посмотреть на диковину. Брат гордо демонстрировал, расстегивая и застегивая замок.

Несколько лет я носил в школу старые подшитые отцовские валенки, которые доходили мне до паха. И тоже на двоих со старшим братом, один до обеда, второй после обеда.

Из воспоминаний
Николая Лыхенко

и всегда в превосходных степенях. При подготовке книги о Екатерinosлавке «Быль о сибирском селе» в издательстве, я совершенно случайно увидел сиротливо лежащую правку книги об истории села Воронцовка Полтавского района. Книгу эту написала Людмила Дмитриевна, но издание задержалось по причине отсутствия финансов, то есть треть нужной суммы была проплачена, а остальные... Пролистав еще не отпечатанную книгу, я отметил ее обстоятельность, насыщенность фактами, обилие фотографий, словом, чувствовалось, что автор вложила душу в свой труд.

Спустя некоторое время мы встретились в скромном доме Людмилы Дмитриевны, правда, пришлось поискать улицу, где она жила, но полтавчане охотно нам в этом помогали: «Кто-ж не знает Людмилу Дмитриевну!». Было приятно, что ее знают, помнят.

Именно такой я и представлял учительницу и классного руководителя Николая Дмитриевича: даже сейчас по прошествии стольких лет во всех движениях, жестах, в разговоре она остается учителем. Говорят, что глаза человека – это зеркало его души. Глаза Людмилы Дмитриевны хранят особенный свет знаний и не просто знаний, которыми она обладает как учитель, а тех знаний, которые даются опытом жизни, знаний пережитого. Всепрощение, всепонимание я увидел в ее глазах, иногда они проблескивали укоризной, но не по адресу конкретного человека, а укоризной ко всем ныне живущим, казалось, что она хочет сказать: «Не так живем, неправильно!». И хотелось с ней согласиться: «Неправильно! Неправедно!».

Обстановка ее домашнего кабинета говорит о многом. Прежде всего, о трудолюбии. Полки книжных шкафов уставлены литературой, папками с архивными документами, рукописями, вырезками из газет. Меж стекол старенького серванта – фотографии любимых учеников, которые ныне стали знаменитыми. О каждом она говорит с гордостью! С такой гордостью можно говорить о собственных детях, в сущности, они – ее ученики – ее дети, и за судьбу каждого она переживает, за судьбой каждого следит из полтавского далека. Больше всего в ее кабинете меня поразила скромная картина, подаренная ей учеником Василием Чепенко. Незамысловатый пейзаж на картине: дорога меж хлебов, женщина с ребенком, виднеющиеся за леском маковки церкви что-то мне напоминали. Господи! Да это же картинка из детства Николая Дмитриевича. Вот так с матерью они шли из Георгиевки в Полтавку. И была безмятежность летнего дня, безмятежность детства. Не важно, кто нарисовал картину, важно, что удалось передать настроение, которое будто зарница на летнем небе вспыхнула и погасла. Николай Дмитриевич однажды показал мне ту дорогу из своего детства...

Людмила Дмитриевна ведет большую краеведческую работу по истории школ Полтавского района и не только. При подготовке к изданию книги, посвященной 60-летию Победы «Гордимся своими земляками» трудно было обойтись без материалов Копыловой. Один из очерков этой книги она посвятила своим родителям Дмитрию Андреевичу и Софье Даниловне. С какой любовью она рассказывает о своем отце, кавалере ордена Ленина. Именем отца названа центральная улица села Краснопутиловки. Трогательны строки ее о матери – Софье Даниловне Копыловой, учителе и директоре Краснопутиловской школы Полтавского района, заслуженном учителе школы РСФСР, кавалере двух орденов «Знак Почета». В 1946 году Софья Даниловна была награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Многие годы ее избирали депутатом районного, областного Советов.

Людмила Дмитриевна рассказывает о своих родителях, а кажется, что она воздает хвалу и честь всему поколению: «Этот свет их высоких душ, достойной жизни приносит веру в торжество добра и разума, дает силы трудиться и превозмочь невзгоды, вселяет надежду, что победим зло, что не исчезнет и не погаснет сила таланта русской души. Все доброе от матери и отца останется на земле их потомкам. Так пусть же вечно живет благодарная память о них в детях, внуках и правнуках!».

Родилась она 14 июня 1931 года в селе Черноморке Полтавского района. В 1948 году поступила на литфак Омского педагогического института и в 1952 окончила его. Работала преподавателем в Еремеевской школе, завучем, а затем директором Полтавской средней школы. Заслуженный учитель школы РСФСР, Отличник народного образования.

Редкой души человек Людмила Дмитриевна. Как бриллиант особой огранки она сверкает в провинциальном сибирском селе, и лучики

Хорошо помню, как на торжественной линейке по случаю открытия нового учебного года, когда я перешел в четвертый класс, стоя в линейке с другими учениками, заметил одобрительные улыбки взгляды учителей, направленные в мою сторону, и их короткий обмен разговором с мамой.

Дома я спросил маму, о чем они говорили. Она ответила: «Им понравилась твоя чистая белая рубашка с подсиниванием, их интересовало, кто стирал ее, и я отвечала, что ты сам».

*Из воспоминаний
Николая Лыхенко*

света ее добра достигают отдаленных уголков России, где живут и работают любимые ученики.

В красной вязаной шапочке, в скромном платье, она садится каждый день за свой рабочий стол. Воздев очки и взяв ручку, начинает править очередную свою рукопись. Почерк у нее дробный, разборчивый, слегка летящий...

Из рукописи Л.Д. Копыловой.

...Дождь начался на рассвете – мелкий, колючий, холодный. Поднялась, посмотрела, отодвинув штору, в окно. И сердце во мне упало... В такую погоду пешком 17 километров?.. Велосипед?.. Он не помощник в такую грязь в дальнем пути. Другого транспорта на Еремеевку тогда еще не было...

А я должна была во что бы то ни стало явиться на работу – это было 14 августа 1952 года, первый день моей учительской судьбы! И поэтому в этот неласковый день я должна была все преодолеть. И я собралась в путь!

Взяла диплом, направление на работу, тетрадь и ручку, завернула кусочек хлеба, посидела с мамой минутку «на счастье» перед неизвестной дорогой к началу новой жизни... Мама проводила до калитки, обняла, такими добрыми глазами смотрела на меня и вдруг сказала: «Я тебя, пожалуй, провожу до Гостиловки, а там уж ты одна пойдешь!» С мамой (вечная память ее доброму, мудрому сердцу!) мы отправились отмерять километры раскисшей грунтовой дороги под шуршание неуютного дождика вдоль березового леса в ту дальнюю неизвестную мою судьбу...

Было так тревожно: вместе с дипломом ректор пединститута И.И. Орехов вручил мне направление на работу в Вольновскую среднюю школу. А приходится отправляться в Еремеевскую... Здесь уволился и уехал завуч и преподаватель русского языка и вот... я «виновата». И день выдался тяжкий и хмурый. Ну, все не так, как мечтала... И теперь надо идти.

Шли с мамой медленно, обходя большие лужи. По траве не ступишь – вся в дождевых каплях, обувь уже промокла, но мама утешала, успокаивала, рассказывала, как в молодости со страхом, в слезах покидала теплую Украину, родительский дом и ехала в неизвестную «медвежью Сибирь», куда только на каторгу ссылали людей до революции. А жизнь все поставила потом мудро, и даже счастье пришло и почет через годы труда.

Я слушала, а в сердце нарастала тревога: а кто будут мои коллеги, как примут меня ученики, по плечу ли будет мне учительская судьба???

Перед Гостиловкой остановились, попрощались, обнявшись, как перед долгой разлукой. И мама пошла к родному дому, а я – в неизвестность. Шла, оглядывалась на отдалявшегося от меня родного чело-

века, и так одиноко стало в серой мути бесконечного мелкого дождя, что слезы, смешиваясь с холодными каплями, потекли по лицу.

В Еремеевку я вошла в середине дня уставшая, промокшая, с налитшей комьями грязью на обуви. Мне показали дорогу к школе. Долго шла к ней по длинной прямой улице. Подошла к низкому саманному домику-школе. Она встретила меня глухой, необычной для школы тишиной. И стало страшно перешагнуть порог избышки, где был кабинет директора школы...

Но! Пройдет пять лет моей жизни и работы в Еремеевской школе, потом еще срок четыре года и тоже в школе, и эти пять лет я назову счастливыми в моей жизни: они прошли в прекрасном коллективе друзей-учителей, каждый урок на меня смотрели ласковые, любознательные глаза моих учеников, мне стали дороги их родители – мои соратники-воспитатели, и наконец, была интересная общественная работа в селе, в колхозе.

Разочарование и страхи первого дня Еремеевской эпохи – 14 августа 1952 года – быстро ушли, забылись. К учебному году в школу прибыли 11 молодых вузовских выпускников из Горького, Кирова, Тамбова, Омска. Мы все были полны сил и желания работать, были веселыми, доброжелательными – и вскоре очень сдружились. Нам всем повезло в том, что нас встретил слаженный педагогический коллектив, которым руководил и которому отдал 30 лет своей жизни Прохор Стефанович Кобков, приняв в 1922 году начальную Еремеевскую школу и передав ее средней выпускнику Омского пединститута, географу Кузьминых Алексею Игнатьевичу в 1952 году.

Так начиналась работа, которая навсегда осталась для меня интересной, любимой. Я с благодарностью вспоминаю каждый класс, который прошел в Еремеевской школе через мое сердце. Выпуск 1952 – 53 учебного года – 10 класс, где учились дети д/дома № 167, среди них Цекиндер Валентин, учитель, Василий Баранов – полковник.

Людмила Дмитриевна КОПЫЛОВА.
Ей многим обязан
Николай Дмитриевич

1953–54 уч. год – 10 класс, где учился старший Анатолий Дмитриевич Лыхенко (юрист), 1954–55 учебный год – 10 класс, где учились Руба Умурс (агроном), Миша Микуцкий (матрос и поэт), Павел Белоконь – учитель, Шура Родионова – медсестра, Кордон Михаил – полковник и еще много замечательных людей.

Каждый учебный год заканчивался для меня выпускным классом. А потом был выпуск 1957 года. 26 выпускников этого класса были последним моим выпуском и самым дорогим. Здесь всегда на уроках царил трудовой подъем, желание понять и знать, сделать больше, чем задано и т. д. Но главное – жила такая сердечная, дружелюбная атмосфера в классе, в послеурочных занятиях. Мы понимали друг друга с полуслова и взгляда. Помню, приходит с урока учитель математики в учительскую и почти с гневом мне: «Я не пойду больше в ваш класс на урок!» ??? «Я вызываю к доске (и называет фамилию ученика), а он не идет!» Я иду в класс, мои еще не разошлись, после звонка стоят, о чем-то тихо говорят. Вошла и прохожу по ряду между парт. Подхожу к последней. Сидит мой «математик», не вышедший отвечать. Подошла. Он наклонил голову. Вижу, сидит без ботинок, они стоят под партой. Что случилось? Все понятно: мама на свою скромную зарплату купила сыну новые ботинки. Надел, пришел в класс. Солнышко греет, в классе тепло, а ботинки жмут. Больно. Терпел, терпел «обновку», снял и поставил под парту. А тут тебе: «Иди к доске решать!» Куда? Как? Разве можно сейчас мгновенно обуться? Лучшие не пойти, не встать – хоть и двойку «подарят» в журнал.

Для меня мальчишка не остался виновным – я бы тоже так поступила; ни за что не обулась бы на виду у класса – девчонок, мальчишек.

А в учительской сказала, защищая своего взрослого «ребенка»: «Ходить надо по классу и все видеть – это наша главная работа – воспитательная».

Помнишь ли ты, дорогой юбиляр Николай Дмитриевич, в таких деталях нашу прошлую школьную жизнь?

Я помню. Помню, как на уроке по творчеству М.А. Шолохова у нас присутствует инспектор ОблОНО Протопопов. Тишина, внимание. А я волнуюсь – ведь это мой рассказ и мне за него отвечать. И вдруг – мой бедный ларингит явился! Резкая боль в горле, и я умолкаю. (Надо снять напряжение голосовых связок). Передо мной за первой партой Витя Чава мгновенно выхватывает из парты учебник литературы, скоро-скоро открывает тему «М.А. Шолохов», а потом «исподтишка» подсовывает на мой стол и пальцем по тексту водит-водит. Я поняла – он решил, что я забыла что-то в рассказе, и он «выручает», он положил мне на стол «шпаргалку»!!! Как же это забыть? Как может уйти из

сердца этот подвиг ученика, «спасающего» своего учителя. Улыбнулась, закрыла книгу и медленно, тихим голосом продолжила рассказ.

Потом в учительской инспектор спрашивает: «Я не понял, что произошло на уроке, какая заминка появилась?». Объяснила свою боль и подвиг ученика, который очень старался «спасти» учителя.

Я радовалась, что вы – Коля Лыхенко и Витя Чава – стали друзьями, окончили один институт и жизнь свою посвятили Земле и Хлебу!

Я и сейчас восхищаюсь, как благородно вы оберегали своих одноклассниц: если в селе появлялся отпускник-кавалер, то мальчишки сопровождали после фильма девочек до самого дома. В трудных ситуациях постучите мне в окошко – вызов «на помощь».

Вы были чрезвычайно трудолюбивы – я не помню, чтобы кто-либо не явился на работу или делал свое дело плохо.

Вы были активны во всей своей жизни: концерт приготовить – да! Пьесу поставить – да! Провести школьный вечер – да! Да! Да!

Правда, это было еще трудное послевоенное время, но и дети эти трудности понимали и преодолевали.

Так и шла наша жизнь, хотя разлетались мои ученики по всей стране: шли письма, телеграммы, звонки. И было две знаменательных встречи нашего класса – через 30 и через 50 лет!

И каждый из класса прожил эти годы достойно. Надо сказать сердечное спасибо родителям каждого из вас. Не всем вам выпало счастье расти и знать заботу матери и отца. То семейное счастье разрушила война. И скажу от всего сердца благодарные слова матерям, сумевшим все сделать для детей своих, всему научить, правильно указать дорогу своему ребенку в – жизнь.

Как много можно рассказать о нашей жизни, как прекрасно, что я всегда чувствую ваше внимание, поддержку, что я всегда могу гордиться дружбой со своими выпускниками даже через многие годы!

Комсомольская группа Еремеевского детдома №167. Сидят (слева направо) Кучерова Л.И., Гресь А.И., Силянтьева Т.З. Верхний ряд: 3-й – Цикиндер В., 6-й – Киркеснер Р.

В день юбилея я хочу подарить свои краткие воспоминания нашей прошлой жизни и приложить к ним несколько фотодокументов. Еремеевской школе скоро 100 лет, и пусть сохранится облик коллектива учеников и учителей, наша добрая, трудолюбивая эпоха: покинув школу, Вы делали и продолжаете делать большое государственное дело, Вы строили страну, Вы делали судьбу своих коллег лучше, интереснее, а жизнь – богаче!

Пусть грамоты, медали и ордена за Ваши трудовой и родительский подвиг всегда будут примером для младших поколений!

С праздником жизни и труда!

С юбилеем! Ваша Людмила Дмитриевна.

Пожалуй, самый яркий след в истории Еремеевской школы, оказавшей благотворное влияние на нашего героя, оставил Прохор Стефанович Кобков. Он, можно сказать, создавал эту школу в новые не легкие времена, а учительствовал и директорствовал в ней с 1922 года по 1952-й. Людмила Дмитриевна охотно поведала мне историю этой уникальной личности.

Родился 1 августа 1891 года в д. Семеновке Руденецкой волости Гомельского уезда Могилевской губернии в семье крестьянина-бедняка. В 1905 году окончил сельскую школу в с. Семеновке. В 1908 году – двухклассное училище Министерства народного образования в с. Руденецком. В 1912 году – второклассную учительскую школу в Присно Гомельского уезда. Учиться было чрезвычайно трудно: приходилось самому зарабатывать и учиться. Работать начал, переехав в Сибирь. Грамотный, с прекрасным четким почерком, он был принят счетоводом ссудосберегательного товарищества в Еремеевке Полтавской волости Омского уезда, где работал с 1 марта 1914 года по 8 августа 1915 года. С 8 августа 1915 года по 23 декабря 1917 года служил в старой армии в чине писаря, младшего офицера в городах Омске и Таганроге. Вернувшись из армии, снова работал в ссудосберегательном товариществе Еремеевки.

Очень трудным был период с июня 1918 года до ноября 1919 г., когда, как и многие мужчины Еремеевки, скрывался от службы в армии Колчака. После разгрома белой армии с 20 ноября 1919 года Прохор Стефанович работал заведующим Зайцевской начальной школы по соседству с Еремеевкой.

С 29 декабря 1919 года Прохор Стефанович – командир роты 333-го полка в РККА, а затем 253 зап. полка, и только, окончив службу в Красной Армии, с августа 1922 года он становится заведующим Еремеевской начальной школой – это станет началом его 30-летнего служения еремеевским детям.

Правда, 2 года (август 1930 – сентябрь 1932) Прохор Стефанович был назначен и работал инструктором-методистом Полтавского РОНО. Но школа жила в сердце учителя всегда, и с 15 августа 1932 года он снова в Еремеевской школе, преобразованной в неполную среднюю, а с 1 сентября 1938 года – в среднюю, которую передаст в руки Кузьминых А.И. в августе 1952 года.

А вот документ за апрель 1952 года:

«Учебно-воспитательная, административно-хозяйственная работа поставлена и проводится в школе удовлетворительно. Контроль за работой учительского коллектива осуществляет хорошо. Методическая работа в школе проводится удовлетворительно. Пользуется всеобщим уважением среди населения. Требования к себе и подчиненным. Делится педагогическим опытом с учителями. Работу коллектива анализирует подробно и отражает в текстовых полугодовых и годовых отчетах. На конец 1951-1952 учебного года в школе обучается 619 учащихся».

Судьба послала Прохору Стефановичу не только любимую работу – он был рожден Учителем!

Прохор Стефанович Кобков – сын белорусского крестьянина, оставил на земле прекрасный след своей благородной жизни. Вместе с супругой Ефросиньей Ивановной, которая была удостоена в 1949 году высокого звания «Мать-героиня», они вырастили пятерых сыновей и пятерых дочерей. Два сына – Николай и Михаил – воевали и оба погибли за свободу Родины, а Вера, Надежда, Владимир, Любовь, Валентина и Галина пошли по стопам отца – стали педагогами. Педагогический стаж династии Кобковых – 342 года!

«Никто не шагнул в будущее мимо школы». Эту фразу Людмила Дмитриевна сказала, когда мы уже попрощались.

«Кобков П.С. – директор школы и преподаватель русского языка и литературы – требователен к себе и всему коллективу учителей. Имея большой опыт работы, оказывает повседневную помощь молодым учителям. Активно участвует в общественной жизни села и всего района. Хорошо справляется с хозяйственными вопросами школы: школа всегда в порядке».

Из характеристики 1948 г., составленной зав. РОНО Зинченко И.Ф.

«На ниве потей, в клеті молишь, с голоду не помреш».

«На ниві потій, в кліті молися, з голоду не помреш».

Народные пословицы

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ОСОБОЙ ЗАКАЛКИ

Алексей Антонович Мороз о друге

Имя Н.Д. Лыхенко прочно вошло в аграрную историю Омского Прииртышья. О нем писать и говорить лаконичным языком информатики недостаточно. Прежде всего, каждой органической клеткой – это руководитель, в целом помноженный на высокий интеллект, культуру, глубокие профессиональные познания, убежденность в правоте своих позиций. И с этих позиций его трудно, если не невозможно, сбить.

Россия страдает тем, что очень мало, почти нет всех рангов руководителей, совмещающих дар управленца с высокой профессиональной культурой, интеллигентностью.

У Н.Д. Лыхенко практически одна запись в трудовой книжке. С 1963 года – с. Екатеринославка. Из них без малого 40 лет он управляет крупным сельхозпредприятием. Назвать его типичным директором нельзя. Руководителем новой формации он стал давно, избежав ярлыка «красного директора», опередив даже лучших из них, послушных, исправно выполняющих декретированные установки «сверху». Поэтому он не был жалован функционерами всех мастей, не стал героем соцтруда, скажу более – министром России. Ему мало приходилось катиться по улице на «зеленый свет», а, нарушая правила, часто идти на «красный», порой не на тормозах. Выговора, неприязнь..., а по результатам успешных итогов – нездоровая зависть, замалчивание побед, ревность. Николай Дмитриевич все это терпеливо переносил, своим убеждениям не изменял. А оппонентам у него всегда в запасе ответ из заповеди, положенной великим Пушкиным в рифму: «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца».

Все же друзей у него было больше, чем недругов, недоброжелателей. Кто-то из великих утверждал, что нет более человеческого в человеке, чем обладание независимым мышлением. Быть самостоятельным, избегать стандартов, левых или правых односторонних пристрастий в суждениях и действиях. Никто не станет отрицать, что такими качествами обладает Николай Дмитриевич Лыхенко. Это ноша, груз характера нелегкий, так как в жизни сталкиваться приходится со стеной догматизма, консерватизма, шаблонов, прочно укорененных в российском обществе.

Мой жизненный, трудовой путь не один раз пересекался с Н.Д. Лыхенко. Направили к нам в совхоз «Екатеринославский» Шербакульского района молодого главного агронома Николая Лыхенко, где я рабо-

тал начальником производственного управления сельского хозяйства (тоже молодой). Лыхенко оказался упрямым, гордым, самоуправным, неисполнительным, о которых говорят «знает себе цену». Но я любил работать с такими специалистами, с которыми можно поспорить, иногда проигрывая. Однажды я при «исполнении», не помню, по какому поводу, объявил ему выговор, сознавая, что можно обойтись без этого. И надо же! По неосведомленности это произошло 27 мая, в день его рождения. До сих пор жалею, что не отменил тогда свой приказ.

Время было непростое. Командно-плановая система, технологические шаблоны для всей страны, без учета природно-климатических особенностей, декретированные требования властных структур, ущемление самостоятельности в ведении финансового дела сковывали инициативу хозяйствования, плодили обезличку и, в конечном итоге, отчуждался интерес людей в конечных результатах труда.

Как-то мне признался Николай Дмитриевич, что были периоды, когда он оказывался в нерегулируемых ситуациях, не имел собственного выбора, был невольным пленником, исполнительной единицей того или иного лженаправления, оказывался внутри колонны, где шагают строем, выполняя команды свыше. Ощущение несвободы росло, нарастал внутренний протест.

Особенно вредила сельскохозяйственному производству уродливая структура использования пашни, в которой доминировали посевы зерновых до 63-67 процентов. Отсутствие надлежащих предшественников под пшеницу, кукурузу и др., неподъемное поголовье скота, бескормица, соломенно-силосный тип кормления скота (не превышая 10-12 центнеров кормовых единиц на условную голову), слабая техническая вооруженность полеводства и животноводства, отсутствие самосвальтной техники, механических погрузчиков и т. д. Это была и моя внутренняя боль, усиливающаяся осознанием того, что данный маразм на земле святой – плод чиновничьего человеческого фактора.

Алексей Антонович Мороз

У кого были знания, ответственность, обязательность, самоотверженность – тот открыто выражал протест, находил противовесы этому произволу, порой рискуя своей карьерой, престижем. У молодого Лыхенко накапливалась внутренняя злая энергия борьбы со всеильными «планами, уставами, равеннями в затылок».

Помню 1966 год. При назначении меня на должность начальника районного управления сельского хозяйства получил некий вексель – «плюс-минус» в планах посевных площадей, поголовья. Начал заниматься простой арифметикой – «делить». Первыми ходаками оказались екатеринославцы – главный агроном Лыхенко с директором совхоза. Они не просили, они требовали. Получив свою «порцию», забыв прикрыть за собой двери кабинета, умчались в совхоз с подписью на углу промфинплана, которая стоила дороже каких либо финансовых вливаний. Мне это понравилось, несмотря на «колючесть» Николая Дмитриевича. Признаться, отсюда появилась моя любовь к строптивому Лыхенко. Екатерinosлавцам досталась основная часть, чтобы уйти от принципа «всем сестрам по серьгам». Хотелось увидеть результат.

Позже мы с Николаем Дмитриевичем не один раз вспоминали простые арифметические действия: уменьшение зернового поля на 3-5 процентов, увеличение площади паров, кормового поля, сокращение поголовья коров не замедлило дать результат в тот же год! Это была точка отсчета восхождения культуры земледелия в хозяйстве и вместе с тем и Н.Д. Лыхенко. Дальше специализация хозяйства стала основным локомотивом движения вперед. «Лучше кормить одну корову хорошо, чем две плохо», – любил повторять Николай Дмитриевич. При этом получить здоровый приплод. Подсмеивался над забавой, которая жила в аграрных кругах: «Чтобы получить больше молока, нужно корову меньше кормить и больше доить», – относя это по адресу Никиты Хрущева.

Лиха беда начало. Лыхенко не мог смириться с тем, что в степи далекой Сибири обработка почвы не отличается от европейской! Где логика диалектического материализма? Тем более на пороге уже витал буреветник Терентий Мальцев с безотвальной обработкой почвы. Масла в огонь добавило Всесоюзное совещание в г. Целинограде (декабрь 1965 г.) с участием всех светил науки СССР, Министра сельского хозяйства страны В.В. Мацкевича, Т.С. Мальцева. Николаю Дмитриевичу посчастливилось участвовать в работе форума.

«Не пахать, не культивировать, не боронить, а только сеять и убирать», – запали в душу слова одного отчаявшегося агронома из Казахстана.

Возвратившись домой, Николай Лыхенко в первую же весну заложил двухфазный опыт различных видов обработки почвы с применением других агротехнических приемов. Это опытное поле существовало несколько лет и было наглядным свидетельством для неизбеж-

ных перемен в обработке почвы в нашей зоне. Позже, уже будучи директором совхоза, Николай Дмитриевич успешно защитил диссертацию по результатам своих исследований. Это естественно. Он не мог не иметь ученой степени.

Современные понятия инноваций в 70-80-е годы являлись кровью и плотью в деятельности директора совхоза «Екатеринославского», его специалистов. Это хозяйство было школой передового опыта. К нему ездили учиться культуре земледелия, почвозащитной системе обработки почвы, агротехнике. Там впервые в области начали возделывать кукурузу по зерновой технологии на больших площадях. Многим пришлось восторгаться, увидев «курган» – 1000 тонн консервированного зерна кукурузы. Даже лазерными лучами, сверкая по ночному полю, пытались усилить вегетацию растений.

Я, будучи главным агрономом областного управления сельского хозяйства, иногда злоупотреблял, часто организовывал семинары в этом хозяйстве, причиняя дополнительные хлопоты руководителю хозяйства, пусть простит меня Николай Дмитриевич. А вот однажды получилось забавно. Группа агрономов, руководителей приехала в совхоз изучать опыт выращивания гречихи. Вдруг директор повел не на гречишное поле, а в Дом культуры. Я не случайно назвал его с большой буквы.

Это сказка! Чувствуется, что это ни с чем не сравнимая гордость директора. Николай Дмитриевич признавался, что это хоть и продолжительная стройка, но каждая деталь заказывалась чуть ли не за семью морями, собственноручно выверена. Это действительно памятник потомкам на долгие времена, равный лучшему церковному храму. И... гречиха померкла на его фоне.

В 1990-е годы наши роли поменялись. Н.Д. Лыхенко был назначен заместителем главы Администрации Омской области, начальником областного управления сельского хозяйства и продовольствия.

Алексей Антонович МОРОЗ родился 20 декабря 1933 года. Его родина – село Ольгино Полтавского района. Он вырос в крестьянской семье. Специальность ученого-агронома получил в ОмСХИ имени С.М. Кирова, в 1963 году окончил аспирантуру в СибНИИСХозе.

После работы в колхозе, МТС, совхозе, районном производственном управлении сельского хозяйства (Шербакуль), он с 1971 года в течение 25 лет до выхода на пенсию работал главным агрономом, начальником отдела, заместителем начальника по земледелию Омского областного управления сельского хозяйства.

Принимал непосредственное участие в разработке и осуществлении ряда крупных технологических программ земледелия, позволивших значительно увеличить продуктивность пашни.

С Николаем Лыхенко связывает давняя дружба.

Мне была отведена роль заместителя по земледелию. Лыхенко взялся за дело круто, с присущей ему работоспособностью, не щадя сил своих. Не в обиду будет сказано его предшественникам, область давно нуждалась в руководителе такого ранга с сочетанием высокого профессионализма, умеренной строгости, широкого кругозора, многолетним опытом директора высокоорганизованного хозяйства, сам лично обустроенного. Непослушание у него равносильно оскорблению. Никто не смел, даже за глаза, упрекнуть его в жесткости или за простое «делай как я». А строгость была, особенно к руководителям и специалистам с обильными природными ресурсами, благоприятными условиями увлажнения (северная лесостепь и подтаежная зона), а эффективность хозяйствования невелика. Доставалось и мне за одностороннюю технологичность ведения дела. Коллеги шутили, это он, мол, любя тебя, по принципу «бей своих, чтобы чужие боялись».

Но высокая планка требовательности к себе, проблемы огромного АПК области, столкнулись с возникшими «ребусами» проводимых реформ. Проявив характер, он в 1996 году подал в отставку.

И вот... он снова в родном хозяйстве, с не им созданными проблемами. Агрофирма «Екатеринославская» продолжает развиваться. Производство зерна стабильно, урожайность не ниже 20 ц/га. Рынок заставляет искать рациональное сочетание возделываемых культур, появились нестандартные культуры – подсолнечник, кукуруза на зерно, рапс, расширились посевы гороха, ячменя. В хозяйстве создано высокопродуктивное породистое стадо коров, с надоями, превышающими 6 тысяч килограммов. Построены комбикормовый завод, перерабатывающий молочный цех с импортным оборудованием. Осуществляется крупный инновационный национальный проект по свиноводству.

Выговоры..., но в них бесподобный ДК, спортивный комплекс, обустроенное жильё, здание управления, не имеющие себе равных в области, достойная материально-техническая база и любовь людей, односельчан...

В Екатеринославке одна из лучших в области общеобразовательная школа. По результатам учебного процесса она в 2007 году удостоена президентского гранта в 1 млн. рублей. Это совместная заслуга Николая Дмитриевича и директора школы Светланы Алиевны, его супруги.

Действительно, за годы директорства Лыхенко многое сделал в хозяйстве для совершенствования земледелия, животноводства, укрепления материально-технической базы, социальной инфраструктуры. Он – нестандартная личность, известен своим подвижничеством, а потому интересен и неповторим. Не секрет, что Николаю Дмитриевичу был присущ «антипартийный уклон». За что не очень он был жалован в высших инстанциях. Тем не менее, во втором издании книги «Сибирь далекая и близкая» С.И. Манякин назвал его «прагматиком из Екатеринославки». «...Казалось бы, безумно-бездумное реформирование села, затеянное далекими от жизни людьми, способно

у любого выбить почву из-под ног. И выбило у многих. А Лыхенко не только уцелел, но и употребил новые условия на пользу дела».

Помню, как-то сказал Николай Дмитриевич: «Я сравниваю эту, так сказать, реформу с мощным взрывом метана на шахте, когда обрушивались маршрутные штреки, штольни, забои, стволы и лавы. Разобрать эти завалы очень трудно, дорого и долго».

То, что сделал в жизни Лыхенко, далось ему дорогой ценой, судьба не была к нему благосклонной, трепала, не щадила, колотила. Но он – целеустремленный и «дум высоких полн», всегда в поиске третьего неизвестного.

Труд рано или поздно вознаграждается. Николай Дмитриевич многократно титулован. Он – Заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации, Отличник народного образования СССР и РСФСР, Почетный гражданин Шербакульского района и своего родного села Георгиевка, Полтавского района, награжден орденами, многими медалями. Но, главное – ласкающие душу плоды трудов, помешанные с грядущими неосуществленными еще планами.

Екатеринославке – 100 лет. Люди отметили юбилей.

Н.Д. Лыхенко не может делать что-либо плохо. Вышла в свет книга, посвященная 100-летию села, «Быль о сибирском селе», 516 страниц. Издание уникальное, занявшее призовые места во Всероссийском конкурсе «Малая родина» и в Международном конкурсе.

В добрый путь екатеринославцы! А генеральному директору – здоровья, долголетия, благополучия в личной жизни, осуществления задуманных планов в развитии хозяйства, преодоления всяческих кризисных препятствий.

А.А. МОРОЗ,
Заслуженный агроном РСФСР,
лауреат Премии Совета министров СССР,
золотой медали имени Т.С. Мальцева.

Книга А.А. Мороза, в которой сказано немало лестных слов в адрес Н.Д. Лыхенко

«Корова на дворе, харч на столе»
«Корова на дворі, харч на столі»
Народные пословицы

ДАЕТ КОРОВА МОЛОКО...

**Доктор сельскохозяйственных наук Антонина Гулева
о годах работы с Лыхенко**

Подъезжая к ферме, Николай Дмитриевич стал свидетелем такой картины: коровы, гуляющие по загону, образовали круг, в центре которого стояли женщины и о чем-то оживленно беседовали. Коровы, казалось, внимательно слушали женщин и от любопытства вытягивали головы. Николай Дмитриевич хорошо знал беседующих. Одна из них была доктор наук, профессор Омского аграрного университета, заведующая кафедрой разведения животных Гулева Антонина Яковлевна, другая – зоотехник-селекционер, ученица Гулевой – Галина Алексеевна Пульная.

Директор с улыбкой вошел в загон и направился к центру круга:

- Я вижу у вас здесь целый митинг собрался. О чем разговор?

- Да уж митингуем, – бодро ответила Антонина Яковлевна, – а они, – она кивнула в сторону коров, – вон как слушают. Понимают!

Николай Дмитриевич всегда был рад приезду Гулевой. Ему импонировали ее энергия, уверенность, шутки, умение ладить со всеми, начиная от доярки и до руководителей самого высокого ранга, но более всего в ней нравилось то, что она была не кабинетным ученым, а самым что ни на есть практикующим. Ее знания, помноженные на организаторский талант, приносили результат. Тандем Гулева – Лыхенко обещал совершить прорыв в молочном животноводстве, которое к тому времени уже исчерпало резервы красной степной породы, обязательной на юге области, в том числе и в Екатеринославском совхозе. Слава доярок-трехтысячниц, о которых трубила официальная пропаганда, как о большом достижении, уже не грела Лыхенко. Он вознамерился довести надои до пяти–шести тысяч литров молока на корову. Но для этого нужна была другая порода и... время.

Лыхенко неравнодушен к людям науки. Может быть потому, что сам он – ученый-практик. Защитил добротную кандидатскую диссертацию по теме: «Сравнительная оценка систем основной обработки почвы и технология создания кулисного пара в степной зоне Омской области». В отличие от новоиспеченных «ученых», которые или которым «делают» защиту ради престижа, ради нескольких строчек на визитке, Николай Дмитриевич работал над диссертацией 11 лет. Ему это было интересно. Беседуя с ним, невольно поддаешься под обаяние его знаний, настолько они глубоки и проверены на личном опыте. Может

быть, поэтому он обладает необыкновенной силой убеждения. Трудно противостоять выверенным аргументам.

Казалось, самой судьбой ему была предначертана встреча и дальнейшая работа с Гулевой – профессионалом высокого класса, авторитетной ученой в области разведения животных.

В их биографиях много схожего. Оба познали крестьянский труд с ранних лет, оба тянулись к знаниям. Даже характерами похожи. Настойчивы, не терпят лжи, увлекаются новыми идеями, преданы своему делу.

Антонина Яковлевна родилась в старом Лузино, недалеко от Омска в большой семье Нужиных в 1931 году. Она на восемь лет старше Николая Дмитриевича. Ее мама – Александра Васильевна делала снаряды для фронта, отец – Яков Иванович был рабочим. Мама любила читать и привила любовь к чтению Антонине. Еще до школы Антонина вместе с бабушкой Василием Ивановичем пасла овец. Дедушка много и увлеченно рассказывал о повадках животных. Антонина с удивлением узнавала, что каждое животное обладает своим характером, что овцы пугливы, коровы любопытны, а лошади хорошо понимают человека.

Всякую крестьянскую работу Антонина воспринимала как должное, не задумываясь о том, можно ли любить или не любить работу. «Так надо», – говорили родители. «Надо работать», – говорил дедушка.

Однажды он взял ее – кроху с собой на заготовку дров. Они долго трудились в лесу. Антонина терпеливо сносила укусы комаров, царапины от сучков и, как могла, помогала деду. К вечеру они привезли целый воз дров и свалили их во дворе. Но, кто-то донес леснику, что Нужиные без разрешения заготавливали дрова. Лесник приехал к ним домой и стал выяснять, что да как. «Кто помогал?» – спросил он, нахмутив брови.

Дед, замявшись, указал на Антонину. Она стояла, не испытывая страха в мятом ситцевом платышке, с любопытством глаза на чужого дяденьку, не совсем понимая, что происходит.

**Антонина ГУЛЕВА,
студентка ОмСХИ**

Леснику стало вдруг жалко и эту девочку, и ее деда. Он махнул рукой:
- Ладно, Бог с вами! Но, если еще раз увижу, посажу!

Десятилетку Антонина окончила в Омске и в 1949 году поступила в сельскохозяйственный институт. Она сразу окунулась в науку. Лекции по зоологии читал профессор Федюшин. Читал глубоко, обстоятельно. Доцент Николай Алексеевич Плотников, который преподавал ботанику, обладал неиссякаемой энергией и всегда держал аудиторию в напряжении. Профессор Ласкин преподавал химию. Где-то рядом пересекались пути студентки Антонины Гулевой и студента Регинальда Цильке, родом из Новоскатовки, ставшего впоследствии видным ученым в области генетики, доктором Гумбольдтского университета Берлина. Антонина Яковлевна до сих пор живо помнит, как маленький росточком, но энергичный Регинальд Цильке ходил с большим портфелем.

Лыхенко поступит в институт позже, когда и Гулева, и Цильке начнут работать, но всех их вскормила одна «альма-матер». Федюшин, Ласкин, Плотников, Горшенин, ряд еще фамилий, близких сердцу выпускников института середины шестидесятых, начала семидесятых годов.

Талантливую студентку заметили скоро, и неудивительно, что профессор А.Я. Малаховский согласился стать руководителем у соискателя ученой степени Гулевой Антонины. Вскоре она успешно защитилась по теме «межпородного скрещивания в молочном скотоводстве», развив эту тему через несколько лет до уровня докторской диссертации. К тому времени добрая слава об ученом докатилась и до Екатеринославки. Николай Дмитриевич работал уже директором хозяйства. Он вспоминает:

- В начале своей деятельности директором мне удалось заполучить в совхоз хорошего грамотного зоотехника С.Ф. Кострова. Сергей Федорович был незаурядным человеком, прекрасно разбирался и в овцеводстве, и молочном скотоводстве. Зоотехнической науке я учился у этого человека, а чуть позже познакомился с директором совхоза «Чистовский» А.В. Казаковым – зоотехником по образованию и званию. Он получил позже звание «Заслуженный зоотехник РСФСР». Именно школа этих двух зоотехников оказала на меня решающее влияние в получении знаний по ведению животноводства.

Костров и Лыхенко решили кардинально пересмотреть селекционную политику в хозяйстве. Политика эта диктовалась государством в лице своих уполномоченных органов и заключалась в жестком районировании породы. Если за Екатеринославским совхозом была закреплена красная степная порода, то никто не имел права заниматься другой породой, пусть даже другая порода обещала прибавку молока. Вперед с таким районированием двигаться было нельзя. Красная степная не могла дать больше того, что в ней было заложено природой.

Каждый дополнительный килограмм молока от этой породы требовал дополнительных немалых затрат.

Николай Дмитриевич решил совершить ни много ни мало, а революцию в животноводстве отдельно взятого хозяйства. Он во всеуслышание заявил, что начинает работу по поглотительному скрещиванию красной степной с черно-пестрой породой. Знающие люди сразу поняли, что Лыхенко просто так слов на ветер не бросает, значит, он уже посоветовался со специалистами и заручился их поддержкой.

А заручился он поддержкой самой Гулевой.

Из воспоминаний Н.Д. Лыхенко:

...Путем многократных заходов удалось уговорить начальника Областного управления сельского хозяйства Коновалова Е.Г., бывшего директора совхоза «Борисовский», хорошего в то время совхоза. Евгений Георгиевич затем работал некоторое время председателем Шербакульского райисполкома. Но, как оказалось, уговорить Евгения Георгиевича – это лишь полдела. Поиски по всей стране телки черно-пестрой или даже выбракованных коров ни к чему не привели. Их просто не было, а те, что были, реализовались строго по государственным нарядам. Зашли в тупик.

И тогда нам встретилась Гулева Антонина Яковлевна, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Омского сельскохозяйственного института. Человек исключительно неординарный, с неумной энергией, доктор наук, но с прекрасным знанием ситуации и возможностей фермы. Именно она охладила наш пыл, сказав, что выпросить госнаряд на черно-пеструю телку дело дохлое, но и не надо убивать энергию, ибо есть другой выход. Выход эволюционный, но верный – поглотительное скрещивание красно-степного скота черно-пестрым, и вывела нас на один из российских банков спермы в Подмосковье...

Н.Д. ЛЫХЕНКО:

...Мы стали применять иную технологию приготовления кисломолочной продукции. Суть ее в том, что после розлива в тару, к примеру, полуготовой сметаны, мы помещаем ее в термокамеру до полного созревания. Это сохраняет не только вкус, но и полезность продукта. Такой технологии в области пока нет. Более того, не так давно мы приобрели бактофугу итальянского производства. Теперь все молоко, поступающее на наш молокозавод, будет проходить через бактофугу. Все посторонние примеси вплоть до вредных микроорганизмов уже не смогут попасть в продукцию. Это тоже ноу-хау. Если ранее срок реализации нашей молочной продукции был не более 4-х дней, то с применением бактофуги этот срок возрастает до недели, причем без потери качества...

Факт: «молочная река» приносит агрофирме почти 35% всей годовой реализации. В рублях это будет почти 50 миллионов. В месяц более 4-х миллионов, в неделю – миллион слышим, ежедневно – более 130 тысяч.

И пошло-поехало!

Вся система, определяющая что и как делать директорам хозяйств, пришла в движение. Заскрипели колеса бюрократической машины, пошла писать губерния! В кабинетах один начальник вопрошал другого:

- Ну, что ему еще надо, этому Лыхенко!
- Да он нарушает установленный порядок!
- Выговор ему, выговор!
- А может дать разрешение?
- Да вы что! Другие захотят!
- Разобраться с ним нужно!

Лыхенко спокойно парировал:

- Порядок должен определять тот, кто отвечает за дела в совхозе. Поймите, что мы можем надаивать по шесть тысяч литров.

- А зачем? У вас в хозяйстве поголовно трехтысячницы. Ордена получают!

- Дело не в орденах, уважаемые, надо двигаться вперед!

- Как хотите, делайте на свой страх и риск, но семени мы вам не дадим.

- Ну и не надо. Россия большая, сами найдем!

Тогда, возвращаясь домой после очередного визита в Омск, он с горечью размышлял, глядя на мелькающие за окном машины поля и перелески: «Не для себя же стараюсь, а работать не дают и все из-за того, что чиновники боятся нового, боятся взять ответственность на себя. Происходит это оттого, что они не завязаны на конечный результат. Получают гарантированную зарплату от государства. Зачем напрягаться?!»

Как же нетерпелось ему получить результат!

Он торопил всех и торопился сам. Антонина Яковлевна предостерегала его от поспешных шагов. Однажды он дал команду купить несколько телок черно-пестрой породы.

- Зачем? – удивилась Гулева. Мы в состоянии обойтись без покупных телок, своих надо выращивать.

Николай Дмитриевич умом ученого понимал, что селекция дело не одного дня. Тут важны настойчивость и системность в работе. При идеальном раскладе можно было «растворить» красную степную в черно-пестрой за 12 лет. А время бежало, летело, мчалось с быстротой курьерского поезда. И сроки удлинялись по разным причинам.

Антонина Яковлевна часто приезжала в Екатеринославку и сразу шла на ферму. Своим наметанным глазом ученого она сразу определяла состояние селекционной работы. Она говорила простые, понятные вещи:

- Телка будет продуктивной коровой, если покрыть ее в 18 месяцев, причем она должна весить не менее 400 килограммов.

По рогам, другим характерным признакам она определяла телочек-«старушек», то есть тех, которым перевалило за 20 месяцев, от которых, на ее взгляд, было бесполезно ждать здорового потомства. Обмануть ее было невозможно, в совхозе это и не пытались делать.

Николай Дмитриевич вызывал Гулеву на зоотехнические беседы, слушал, мотал на ус, не стесняясь, расспрашивал о том, чего не знал. Иногда он, искренне желая опробовать новшества, поддавался на такие «новшества», которые у Гулевой вызывали неприятие. Антонина Яковлевна рассказала такой случай:

- Одно время пошла мода на так называемое холодное содержание телят. «Холодный» метод основан на проведении отела в денниках и содержания телят на подсосе под коровой в течение 2 суток. С третьего дня жизни их переводят в «индивидуальные домики», расположенные вне помещения. Перед каждым домиком находится выгульная площадка. Всю зиму они содержатся на глубокой сменяемой подстилке. Выращивая телят в домиках на открытом воздухе, преследовалась цель разорвать эпизоотическую цепь заболевания – диспепсии телят! Но не учитывались такие факторы, как работа персонала ферм при выпайивании телят молоком. Попробуйте выпойить 30–40 телят, когда на улице мороз минус 20–25 с ветерком, чтобы молоко оставалось хотя бы теплым; после перевода теленка в помещение, как правило, ему вновь приходилось привыкать к новой микрофлоре, и зачастую это проходило болезненно; самый главный момент – теленок, находясь на открытом воздухе, затрачивал много энергии для обогрева собственного тела, и как результат, не было максимально ожидаемого прироста. А для будущей телочки важен стабильный прирост массы тела. В «Екате-

ВАРЦАБА Мария Ивановна (слева), бригадир и КАШИЦИНА Валентина Яковлевна, доярка. С ними Лыхенко работалось легко

ринославском» тоже пробовали этот метод, стояли такие аккуратные, красивые домики, но метод тихо сошел на нет.

Ничего хорошего и не могло быть. Телята – не мамонты, а если у них отрастала длинная шерсть, то о продуктивности будущей коровы можно было не говорить. Короткая шерсть – хорошая продуктивность.

- А как же выращивание бычков на мягкой подстилке на воздухе? – спрашиваю я.

- Выращивают те, кому не жалко кормов, – отвечает профессор.

Свою работу с Лыхенко Гулева считает большой удачей. Николай Дмитриевич придерживается такого же мнения:

...Первотелки первого поколения помесей значительно в лучшую сторону отличались добронравием, а главное, были на 20% продуктивнее матерей. Антонина Яковлевна еще много лет опекала нас, и мы сегодня, будучи племзаводом по черно-пестрому скоту, работаем по селекционному плану, составленному ею. Она, хотя и ушла сегодня от активной деятельности, но, слава Богу, жива, и я с огромной признательностью и от всей души желаю ей здоровья.

В 1991 году мы перевалили за 4000 литров надоя. Это была огромная победа. Несмотря на снижение поголовья коров в связи со специализацией по овцеводству, мы в 2,5 раза увеличили производство молока. Давно уже ушел выдвинутый на другую работу Костров С.Ф., но продуктивность и овцы, и коровы росла. Это было результатом верного выбора способов решения этих проблем.

Антонина Яковлевна сожалеет только о том, что в работе с уходом Николая Дмитриевича на повышение с 1991-го по 1995-й год образовался временный провал, и никто селекционной работой не занимался. Тогдашний директор заявил, что его эта работа не интересует, а если Антонина Яковлевна желает продолжать ею заниматься, то пусть занимается, мешать не будет.

- Но как можно заниматься племенной работой без руководителя? – спросила профессор.

И не получив ответа, перестала бывать в Екатеринославке.

Она вернулась туда вместе с Лыхенко. Николай Дмитриевич, вкусив бюрократических хлебов, покинул должность с видимым облегчением. Он с желанием окунулся в разлаженные дела хозяйства, и прерванная селекционная работа возобновилась.

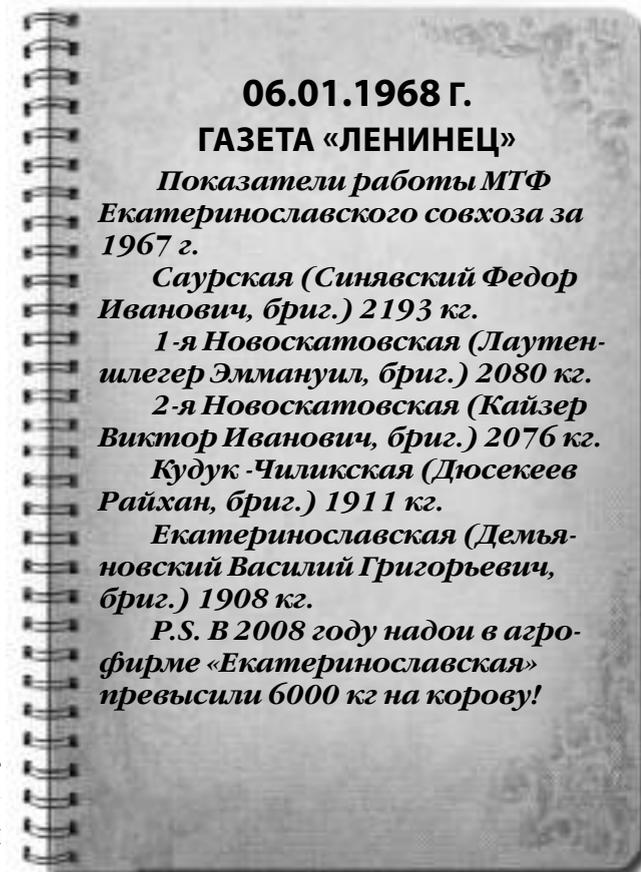
- О Лыхенко нужно говорить только в превосходных степенях, – оценивает Антонина Яковлевна своего коллегу. – У нас совсем не ценят таких как Лыхенко, он посвятил сельскому хозяйству всю свою жизнь, столько претерпел! Он так переживает за любое дело и способен при-

знавать свои ошибки. Расскажу один случай. Однажды, с главным зоотехником Костровым у них произошла размолвка. Не знаю, что послужило причиной, но Костров собрался и уехал в Казахстан. Николай Дмитриевич все взвесил, продумал и понял, что никто кроме Кострова не сможет делать работу главного зоотехника лучше. Тогда он собрался и поехал в Казахстан просить Кострова вернуться в Екатеринославку. Костров успешно работал в хозяйстве, был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Это я говорю к тому, что Лыхенко, обладая сложным характером, ради дела готов отбросить личные амбиции.

Мне было очень приятно, что на мое 70-летие он приехал с дочерью Катериной ко мне домой, чтобы поздравить. У Катеньки была большая коса, которая напомнила мне мою юность. Я в молодые годы тоже носила роскошную косу. Мы посидели, вспомнили о том, о сем. Было приятно видеть, как он души не чает в своей дочери, как они любят друг друга.

Мне повезло, что я узнала этого человека, работала с ним.

Остается добавить, что в марте 2009 года к Николаю Дмитриевичу за опытом приехали все главы муниципальных районов Омской области вместе с министром сельского хозяйства области Владимиром Раровым. Выступая перед высоким собранием, Николай Дмитриевич довел до сведения такие цифры: стадо коров составляет 600 голов с годовым удоем 6170 кг. и среднесуточными привесами 800 гр. на голову. Всего три цифры, но за ними бессонные ночи, счастливые дни плодотворной работы.

06.01.1968 г.

ГАЗЕТА «ЛЕНИНЕЦ»

**Показатели работы МТФ
Екатеринославского совхоза за
1967 г.**

**Саурская (Синявский Федор
Иванович, бриг.) 2193 кг.**

**1-я Новоскатовская (Лаутен-
шлегер Эммануил, бриг.) 2080 кг.**

**2-я Новоскатовская (Кайзер
Виктор Иванович, бриг.) 2076 кг.**

**Кудук-Чиликская (Дюсекеев
Райхан, бриг.) 1911 кг.**

**Екатеринославская (Демья-
новский Василий Григорьевич,
бриг.) 1908 кг.**

**P.S. В 2008 году надои в агро-
фирме «Екатеринославская»
превысили 6000 кг на корову!**

«Старый друг лучше новых двух»
 «Старый друг краше новых два»
 Народные пословицы

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ДРУГА

Заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации Иван Васильевич Логвиненко при первой нашей встрече мимоходом заметил, что его давний товарищ и коллега Николай Дмитриевич Лыхенко предпочитает чай кофе. «А я заядлый кофеман», – заметил он и пошел готовить кофе для себя и для меня. Кофе действительно был отменным. Так вот за чашкой кофе и потекла наша неспешная беседа.

– Я на пять месяцев моложе Николая Дмитриевича, – начал Иван Васильевич, – родился в 1939-м в деревне Никоновка Полтавского района. Тогда это был колхоз имени Кирова. Мои предки родом из Краснодарского края, мой дед Логвиненко Тимофей Иванович приехал сюда на жительство в 1910 году. Моя мама Пелагея Демидовна доводится родной сестрой Антону Демидовичу Морозу – отцу известного агронома и товарища Николая Дмитриевича Алексея Антоновича Мороза, это к слову, чтобы сказать, как все в нашей жизни переплетено.

С Николаем учились вместе один год в Ольгино, в восьмом классе. Он учился очень хорошо, а характером был своеобразный, своего мнения всегда придерживался. В классе было 25 человек из семи ближайших деревень: Никоновки, Барвенковки, Георгиевки, Никополя, Андрюшевки, Щегловки и Крыма. В школу ходили пешком, тогда 6–10 километров было не расстояние. Николай дружил с Кумпаном Николаем. Их у нас в классе звали Пат и Паташон. (Актеры комедийного кино: Шенстрём (1881–1942 гг.) Харальд Мадсен (1890–1949 гг.). Прим. ред.). Один был высокий – Лыхенко, второй низкий. Шутить два друга шутили, но не хулиганили. Николай Дмитриевич уже тогда серьезным был. Из учителей хорошо помню Малахову Евгению Евграфовну. Она только что приехала к нам после института и преподавала математику. Тимченко Варвару Прокопьевну – преподавателя географии. Очень она была уважаема среди учителей и учеников. Завуч Иванец Павел Иосифович был строгим и даже жестким по характеру. Его побаивались.

В 1957 году я поступил в ветеринарный институт, а Николай Дмитриевич в сельскохозяйственный. Сказать, что наши пути здесь пересекались, не могу, правда, встречались то на студенческих вечерах, то еще где-либо, но у каждого была своя учеба, свой курс, и много времени уходило на занятия. В 1962 году меня направили на работу глав-

ным ветврачом в совхоз «Соловьевский», а Николая Дмитриевича – главным агрономом в совхоз «Екатеринославский». О своих первых впечатлениях он хорошо рассказал в книге «Быль о сибирском селе». Поэтому повторяться не буду. Кстати, в Екатеринославке я был до Николая Дмитриевича еще в 1959 году, когда нас, студентов третьего курса, послали туда на уборку. Жили мы в саманном клубе, и впечатления у меня тогда от села остались далеко не лучшие. Сейчас, конечно, если сравнивать с теми годами, там очень многое поменялось в лучшую сторону, благодаря неустанной деятельности моего коллеги Николая Дмитриевича.

В 1968 году я был утвержден главным ветеринарным врачом Полтавского района и проработал в этой должности до 1972 года. Попутно окончил экономфак сельхозинститута в 1969 году. Николай Дмитриевич тоже не стоял на месте, а приобретал знания и опыт работы. Было видно, как он хочет многое поменять, сделать лучше, эффективнее. Я с интересом следил за его карьерой и был искренне рад, когда Николая Дмитриевича назначили в 1970 году директором Екатеринославского совхоза. Рассмотрели в нем необходимые для этого поста качества.

В 1972 году меня перевели в город на должность главного ветеринарного врача областного управления сельского хозяйства, а через два года назначили заместителем начальника управления Коновалова Евгения Георгиевича, судьба которого тесно связана с Шербакульским районом. (Е.Г. Коновалов родился в 1930 г. Работал главным агрономом, директором зерносовхоза «Борисовский», в 1969 г. – председатель Шербакульского РИКа, в 1971 г. он начальник Омского областного управления сельского хозяйства, с 1982 по 1990 год – заместитель председателя Омского облисполкома. Прим. ред).

С Николаем Дмитриевичем тогда мы сразу нашли общий язык. Чем он мне импони ровал? Он не принимал поспешных решений. Все обсчитает, хорошенько подумает, а потом, если уже принял решение, от него не отступает, добивается выполнения.

Иван Васильевич ЛОГВИНЕНКО

С 1968 года 31 хозяйство области стало специализироваться на овцеводстве. Отрасль эта сложная, требующая постоянного внимания. Все-таки 800 тысяч овец – не шутка! Что было характерно? Боролись за головы, за гектары. Помню, однажды я из Полтавки заехал к Николаю Дмитриевичу, разговорились. Он ко мне с предложением:

- Зачем мне по плану 25 тысяч овец?

- Так на то он и план, чтобы его выполнять, – отвечаю я.

- А давайте, – говорит он, – снизим мне план до 22-х тысяч, но по настригу шерсти мы дадим как с 25-ти тысяч. Идет?

- Но Вы же представляете, на что идете?

- Конечно! Работать будем! Даю слово, что настриг шерсти доведем до двух килограммов в мытом волокне.

И показывает мне свои выкладки. Он уже подготовился, подключил Алма-Атинский институт по кормам, сделал расчеты.

- Хорошо, – отвечаю я, – доложу начальству.

Приехал в управление, рассказал все Евгению Георгиевичу, тот оживился:

- Давайте поддержим Лыхенко!

Но не тут-то было! Тогда существовал большой трест «Овцепром», которым руководил Глыбочко Михаил Яковлевич. В тресте запротестовали:

- Это что вы там Лыхенко позволяете? А ну, как другие захотят?

Пришлось побороться, поголовье овец Лыхенко разрешили снизить, но с условием, чтобы план по настригу шерсти был выполнен.

Екатеринославцы успешно справились с планом и заняли тогда по настригу шерсти первое место по тресту. Очень много сделал для этого главный зоотехник совхоза Костров Сергей Федорович, который впоследствии будет награжден орденом Трудового Красного Знамени и станет главным зоотехником треста, а потом уедет в Москву вначале на должность заместителя начальника Росовцепрома, а затем и начальника. Что и говорить, Николай Дмитриевич умеет подбирать кадры.

Во многих смыслах Лыхенко – новатор, возмутитель спокойствия, «неудобный» человек, в хорошем смысле. В областном управлении долго пересказывали случай, когда к Лыхенко приехал первый секретарь райкома партии, чтобы узнать, как идут дела на уборке, а он отправил его к главному агроному. Тогда это было немислимо грубым нарушением неписаных правил партийного этикета.

У нас в молочном животноводстве тогда существовало строгое породное районирование по скоту. В основном доминировала красно-степная порода. Лыхенко предложил применить поглотительное скрещивание красно-степной породы черно-пестрой. Снова шум:

- Что там опять затевает этот Лыхенко? Против всех канонов идет! Нарушает районирование.

Но Николай Дмитриевич слушает да делает. Нашел прекрасного специалиста – заведующую кафедрой разведения сельхозинститута Голеву Антонину Яковлевну, и вплотную они занялись селекционной работой.

Тогда ведь до абсурда доходило. Никто не разрешил бы выдать семя черно-пестрой породы для таких экспериментов, но Николай Дмитриевич добился. А что значит улучшить породу? Без изменения кормового клина все улучшения не дадут эффекта, следовательно, надо думать о качественных кормах.

Николай Дмитриевич отказывается кормить поголовье силосом, переходит на кормление сенажом. С точки зрения рациональной это было правильно, так как питательная ценность силоса 0,18 кормовых единиц, а у зерносенажа 0,35 – 0,42. У него по кормам можно диссертацию писать. В этом деле он большой дока. И вновь наверху шум:

- Как посмел изменить структуру посевов?

А так. Время показало, что он прав. Похожая селекционная работа проводилась параллельно и в Изюмовском совхозе, но там ее не подкрепили кормовой базой, как это сделал Лыхенко, и в результате получили 2200 – 2300 килограммов молока на корову, а у Лыхенко – 3600 килограммов. Рывок произошел.

Он на этом не остановился, продолжал селекционную работу, и сегодня у них надои до 7000 килограммов доходят. Вот что значит, последовательность и настырность в работе.

Сталось так, что Николай Дмитриевич оказался у меня в начальниках. Назначили его начальником областного управления сельского хозяйства и вице-губернатором. Из всех моих начальников, а я работал при семерых, я выделяю его и Коновалова. Сложно было с Лыхенко, но интересно. Отмечу еще и такой факт, за годы, что с ним работал, ни одного матерного слова от него не слышал. Почему он вернулся в Екатеринославку? Сложный вопрос. Не умел он подлаживаться. Я ему как-то сказал:

- Долго у нас не проработаете.

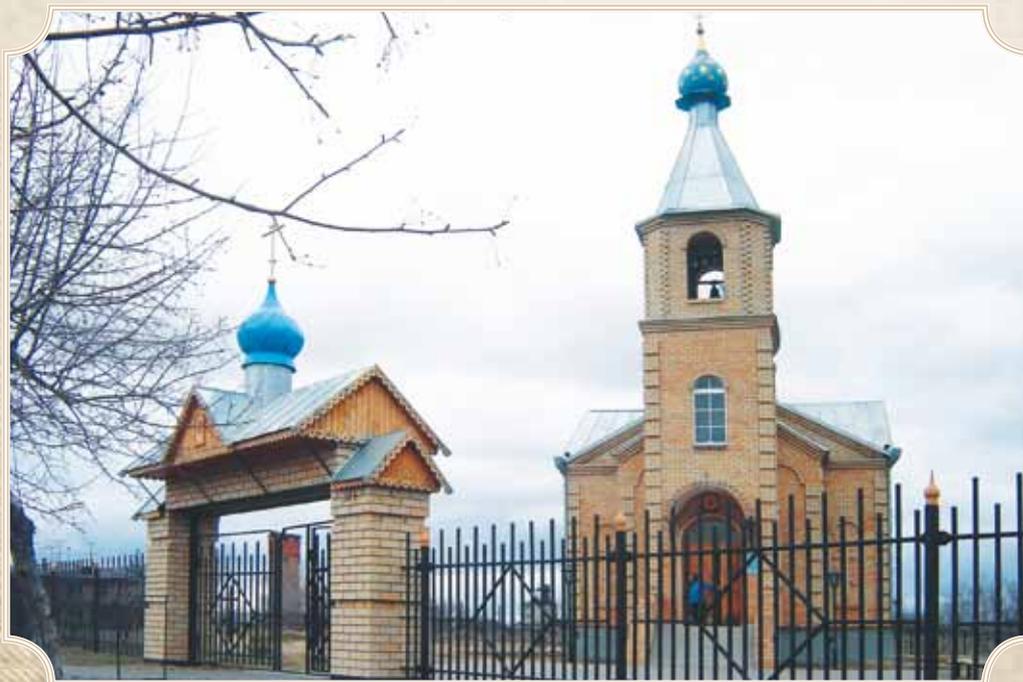
- Почему?

- Задней скорости нет, прёте, как бульдозер, надо бы сдать назад, ан, нет.

Он предпочитает не увиливать от решения сложных вопросов, может быть потому и жива до сих пор агрофирма «Екатеринославская». Я живу в центре Омска, и в наш магазин завозят продукцию из агрофирмы. Покупатели разбирают ее быстро, как говорится, «на ура».

Н.Д. Лыхенко на рождественской службе в Свято-Успенской церкви

В Свято-Успенском храме крупица труда Н.Д. ЛЫХЕНКО

Отец Артемий крестил Николая Дмитриевича

Супруги ЛЫХЕНКО – Светлана Алиевна и Николай Дмитриевич

Отец Светланы Алиевны –
АЛИМОВ Али Абду-Алимович

Мама – МОРОЗКИНА
Антонина Фёдоровна

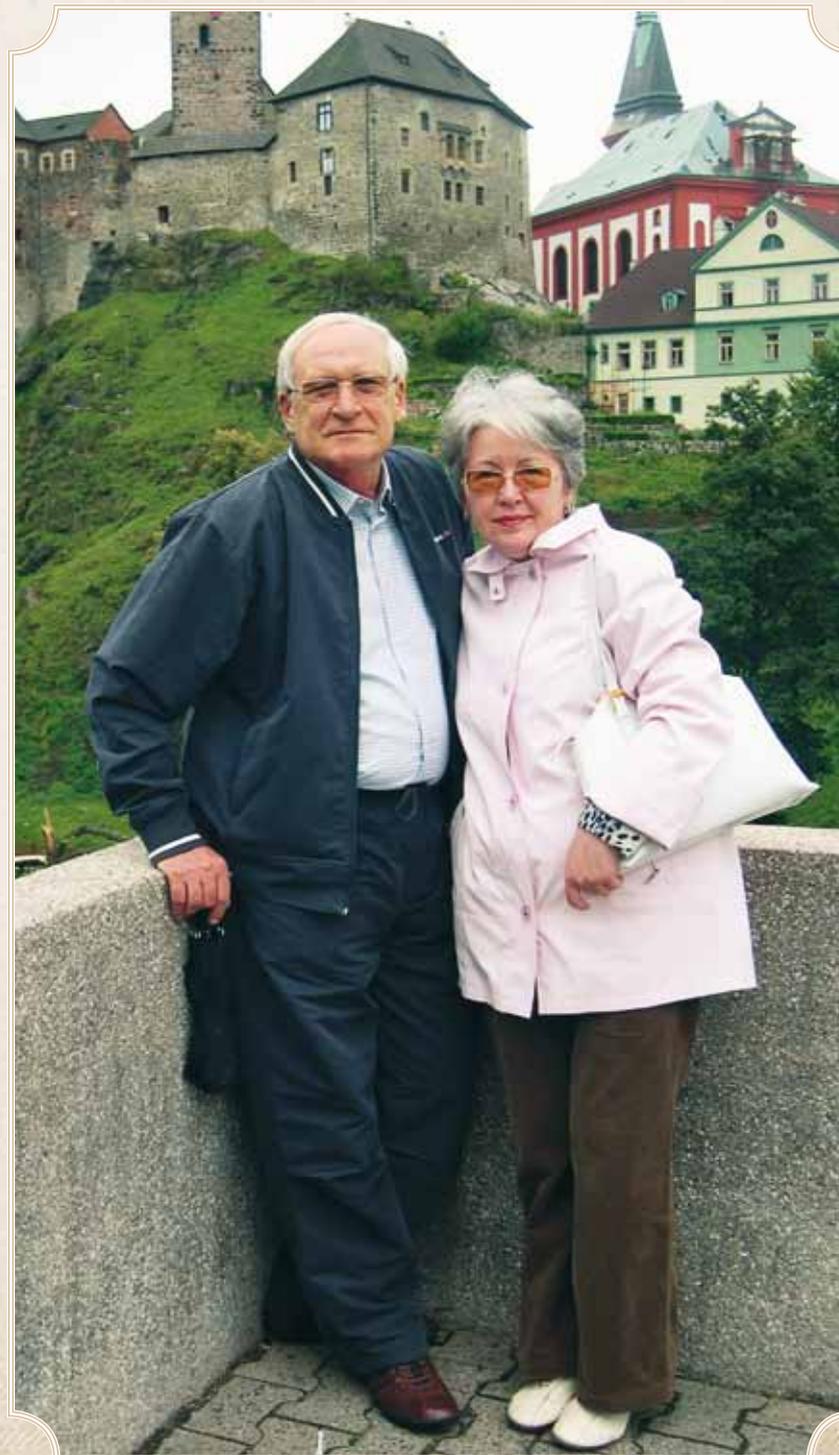
В Самарканде

*Светлана Алиевна
ЛЫХЕНКО – директор
Екатеринославской
средней школы.
Школа – победитель
различных конкурсов
и номинант
Президентского гранта*

Вышито руками Светланы Алиевны

Светлана Алиевна и Николай Дмитриевич в Чехии

Коллектив учителей Еремеевской школы. 12 марта 1955 г.

Слева направо:

1-й ряд. Математик, бывший летчик Кучеров Сергей Иосифович, директор школы Кузьминых Алексей Игнатьевич, трудовик Мищенко Даниил Лаврентьевич, завхоз Танский Иван Петрович, Диденко.

2-й ряд. Секретарь Диденко, учитель начальных классов, воспитатель детдома Мищенко Любовь Иосифовна, историк Гресь Вера Ильинична, преподаватель иностранного языка Аксенова Валентина Александровна, математик и географ Шаповал Дмитрий Филиппович, физик и бывший летчик Василенко Петр Николаевич.

3-й ряд. Физрук Веселова Нина Александровна, преподаватель русского языка и литературы Коньшина Анна Иосифовна, преподаватель русского языка и литературы Копылова Людмила Дмитриевна, лаборантка Балачий Татьяна Павловна, математик Пуртинов Матвей Михайлович

Самый лучший хор! (слева направо) В. Домлювская, В. Шестак, Л. Копылова, Д. Мищенко, А. Штодина, В. Захарова, Е. Штовал

Физик Василенко П. (слева) и директор Еремеевской школы Кузьминых А. любили сразиться в бильярд

У партизанской землянки. В.И. Гресь (1-я) и И.Г. Гресь (4-й). Брянская обл., 1978 г.

Одноклассник Н.Д. Лыхенко – Петр Галата. 10-й класс. 06.05.57 г.

Одноклассники А. Кривко (слева) и П. Галата

Одноклассница Валечка Баранова с сыном Костей и внуками Павлом и Кармелин. Москва, 1995 г. Валечкин сын – оперный певец

С.А.А. Морозом на встрече с руководителями немецкой фирмы «ХЕХСТ» господами Г. Шуен и В. Вернером . (А.А. Мороз крайний слева). 1992 год

Открытие новой летней доильной площадки, июнь 2008 г.

*«Передайте Николаю Дмитриевичу, что я его обожаю», –
ваша Гулева Антонина*

*Иван Логвиненко:
«Если Николай что-то решил, то с пути не свернет».*

*«Хлеба ни куска, так и в тереме тоска;
а хлеба край, так и под елью рай».
«Хліби ні шматка, так і в теремі туга;
а хліби край, так і під ялиною рай».
Народные пословицы*

ТРУДНЫЙ ХЛЕБ

Ничто не предвещало встречи Сергея Иосифовича Манякина и Николая Дмитриевича Лыхенко. Первый родился на Ставрополье в 1923 году на 16 лет раньше Лыхенко, второй – коренной сибиряк и учился ходить в то время, когда Манякин уже воевал на Крымском фронте. Но судьба так распорядилась, что они встретились, и уже после той первой встречи их навсегда связала совместная работа на ниве сельского хозяйства, нуждающегося в переменах, а более всего в людях, которые эти перемены привнесут.

Первый секретарь Омского обкома партии Сергей Иосифович Манякин был в области, что называется, и Бог, и царь, и воинский начальник. Уважали его и побаивались начальники и работяги. Было за что. Отличался он принципиальностью, требовательностью, простотой в общении и тем достоинством, которое характерно для человека, прошедшего войну. Выбившись с «низов» на самый верх, он не кичился своим положением. Ему претила барственность Романова – первого секретаря Ленинградского обкома партии, он на дух не принимал делячества Медунова – первого секретаря Краснодарского обкома. Может потому и засиделся он на ответственной работе в Сибири, что смотрелся белой вороной среди титулованных членов ЦК? Был он властью обласкан и отмечен, но награды получал не зря: звание Героя Социалистического Труда, пять орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, орден Трудового Красного Знамени. Не каждый первый мог похвастать таким списком!

За годы работы в области, а Манякин отдал Сибири 26 своих лучших лет, он знал наперечет весь директорский корпус. Без ведома первого никто не мог быть назначен директором совхоза. Такому обстоятельству предшествовали свои причины: высокая текучесть кадров, их малообразованность и, можно сказать, некая косность, мешающая работе. Забегая вперед, скажу, что Манякин каким-то чутьем находил молодых, инициативных и даже ершистых руководителей, иногда неудобных для местного начальства. Статистика по кадрам руководителей удручала: «За полтора года в хозяйствах области сменилось 74 руководителя. Среди председателей колхозов только 5 процентов имели высшее сельскохозяйственное образование. За три года в село было направлено 2212 специалистов. Уволилось – 1822. Арифметика нехитрая: потери соста-

вили 82 процента», – так писал в своей книге «Сибирь далекая и близкая» С.И. Манякин. Он много ездил по районам области, особенно любил бывать на юге области, видимо наши южные просторы напоминали ему о родном Ставрополье. И где бы он ни бывал, с кем бы он ни встречался, он повсюду вглядывался в лица людей, в уме вычисляя перспективы того или иного руководителя или специалиста среднего звена.

Так однажды он «вычислил» Лыхенко. Их пути-дороги пересеклись в Екатеринославке в то время, когда Николай Дмитриевич только-только начинал работать главным агрономом хозяйства.

Надо сказать, что на первых порах своего руководства областью Манякин мог нагряться в тот или иной район совсем неожиданно, без предварительной подготовки ретивых чиновников удобной для всех показухи. Позже к приезду первого готовились тщательно, дабы исключить всякие неожиданности. Райком вместе с райисполкомом «стояли на ушах», инструкторы сбивались с ног, но потом какой-нибудь инструктор орготдела райкома партии мог похвастать перед друзьями, что с ним лично поздоровался Сергей Иосифович. Друзья в таком случае рекомендовали не мыть руки долгое время, дабы сохранить ауру рукопожатия легендарного человека.

Весной середины шестидесятых Сергей Иосифович направился по южным районам области. В Шербакульском райкоме его ждал первый секретарь Иван Петрович Дроздов. Дроздов имел за плечами большой опыт партийной и советской работы, он и на фронте был политработником, после войны офицер-орденоносец прошел все ступени райкомовской работы, восемь лет, до 1972 года трудился на посту первого секретаря Шербакульского райкома партии. Дроздов, несмотря на то, что он был старше, и Лыхенко после первого знакомства прониклись симпатией друг к другу. Впоследствии Николай Дмитриевич не раз

*С.И. Манякин и Н.Д. Лыхенко.
Екатеринославка, 1999 год*

выскажет слова благодарности в адрес этого человека и почерпнет от него умение работать с людьми. Дроздов за свои организаторские труды на исходе карьеры был отмечен орденом Ленина, и как утешительным призом был наделен мандатом делегата XXIV съезда КПСС.

Поскольку он не вписывался в обкомовскую обойму, его потихоньку перевели с должности первого секретаря в Совпартшколу. Обкомовские чиновники обнаружили, что портреты Дроздова стали часто появляться в районной газете, и даже публиковались портреты его супруги – учительницы начальных классов. Пошли разговоры о том, что он «устал», «болезненно реагирует на замечания», – словом, готовили место для новой креатуры. Надо заметить, что Дроздов в работе с руководителями предпочитал не директивный стиль, а доверительный. Ему импонировали инициативные, интеллектуальные специалисты. Неудивительно, что он быстро нашёл общий язык с Лыхенко, разглядев в нем перспективного руководителя. Но это все впереди, а сейчас...

Иван Петрович вышел самолично встретить всесильного хозяина области, располагавшей семью миллионами гектаров сельхозугодий. Манякин сухо поздоровался. Дроздов вкратце доложил обстановку. Рапорт не впечатлил. Манякин долго в кабинете не засиделся и, выпив стакан воды, отправился в путь в сопровождении Ивана Петровича. Его беспокоило положение дел в Екатеринославском совхозе после недавнего наводнения. Надо заметить, что Екатеринославка расположена в низине, аккуратно в центре русла древней реки. Вода, копившаяся в Казахстане, обладая древней памятью, устремлялась по этому руслу, сметая все на своем пути. В памяти екатеринославцев осталось сильнейшее наводнение 1941 года накануне войны. В последующие годы тоже бывали наводнения, но не столь разрушительные.

Сергей Иосифович уважительно относился к первому директору этого хозяйства фронтовику Петру Ивановичу Голику, но душой он понимал, что время «петр ивановичей» прошло. Нужны были напористые, энергичные, предприимчивые люди.

Мысли секретаря обкома прервал возглас водителя, который, чертыхнувшись, остановил машину. Дальше ехать было нельзя, так как наводнение забило грязью всю дорогу, но больше всего Манякина поразило не это: то там, то здесь виднелись застрявшие в грязи трактора.

- Сколько тракторов угробили! – в сердцах бросил то ли в пустоту, то ли по адресу Ивана Петровича, Манякин.

Иван Петрович промолчал, но сам прекрасно понимал, что накануне посевной вывод техники из строя в иные годы мог расцениваться как диверсия.

- Вот сейчас у главного агронома и спросим! – Дроздов обрадовался возможности разрядить обстановку.

Молодой человек симпатичной наружности, в кирзовых сапогах и плаще шел навстречу Манякину и Дроздову.

- Наш главный агроном – Лыхенко Николай, – представил агронома Иван Петрович, забыв на мгновение отчество молодого человека, или решив, что отчество в данном случае совершенно излишне.

- Что ж ты, главный агроном, такое позволяешь? – Манякин строго взглянул на Лыхенко, тем не менее, сберегая гнев для директора.

- А где директор?

- Так он на обеде, – ответил агроном и... улыбнулся, но всего лишь на миг, потому как улыбаться в такой ситуации больше положенного было неуместно.

Удивительно, но раздражение первого стало таять, как снег на весеннем солнышке. Его обрадовало появление в этой глуши свежего одухотворенного лица, явно пытливого и отчасти дерзкого, о чем красноречиво говорили сжатые губы и искорки в глазах. Ироничный, даже снисходительный взгляд агронома на окружающую картину как бы говорил, что ничего страшного не произошло, надо только засучить рукава и все можно поправить. Чувствовалось, что этот главный агроном хорошо владеет ситуацией, грамотен и совсем не боится первого секретаря обкома. Словом, знает себе цену. Манякин переспросил:

- Лыхенко, говоришь?

- Лыхенко.

- А по батюшке?

- Дмитриевич.

- Отец бы тебя за такие дела по головке не погладил.

- Нет у меня отца, погиб на фронте.

В весеннем, звонком воздухе повисло молчание.

Навстречу всей честной компании уже торопился директор, предчувствуя грозу и всем своим видом выражая покорность и согласие с любыми мерами наказания.

Манякин высказал ему все, что думал о «рациональном» хозяйствовании.

Директор выслушал нагоняй молча, молчал и агроном. Он воспринимал первого секретаря обкома партии, как некую высшую мудрую сущность, которая умеет не только по-отечески приласкать, но и пожуричь тоже умеет. Наитием Лыхенко понял, что он не только сработается с первым секретарем обкома, но и станет ему надежным помощником в его делах. Через сорок с лишним лет Николай Дмитриевич напишет о Манякине такие строки:

- В разгар сева состоялось первое знакомство приехавшего к нам первого секретаря обкома партии Омской области С.И. Манякина. Позже я убеждался многократно, насколько Сергей Иосифович был человеком дела, любил и знал село. Он очень много сделал для развития области и сельского хозяйства особенно. Крупный организатор, большой эрудит, опиравшийся в своей работе на данные науки, для развития которой он тоже очень много сделал, он поощрял мысль, поддерживал инициативу, доверял и защищал руководителей предприятий от нападок проверяющих. Поиск постепенно, год от года все сильнее проникал в работу, но культ сдавался тяжело. Тогда в 1964 году Манякин, покритиковав нас за неуверенные доклады, пообещал помочь, и мы сразу получили шесть единиц тракторов и грузовиков. Хотелось ответить делом на такую помощь. Забегая вперед, скажу, что с памятного 1964 года приезды С.И. Манякина были регулярными, он строго спрашивал, но всегда полностью выслушивал проблемы, с ним можно было спорить. Он всегда был честен и откровенен, теперь, по прошествии времени, думаю, что нередко откровенность его граничила с критикой высшего курса по некоторым проблемам. Став позже директором, я всегда с тревогой и ожиданием ждал такого приезда, черпал во встречах силу для дальнейшей работы. Этот человек навсегда останется в моей памяти.

Фамилию агронома Манякин запомнил, предугадывая день, когда он круто изменит судьбу двадцатипятилетнего человека. Он будет пристально следить за «Екатеринославским», будет вникать в цифры сводок, сравнивать, анализировать, подмечать подвижки.

В 1970 году время Петра Ивановича Голика на посту директора закончилось. Он из ближнего круга старших друзей Николая Дмитриевича, один из тех, кто многому научил Лыхенко. Было бы несправедливо не сказать об этом человеке с богатой биографией, за плечами которого остались 85 лет.

Родился Голик в 1923 году в селе Павловка Калачинского района. Родители обычные крестьяне – середняки. Приехали они на жительство в Сибирь из Полтавской губернии. Среди детей Петр был старшим. Воевал. Я записал рассказ Петра Ивановича о своей судьбе:

- На фронте я был зачислен в химроту, и наше подразделение направили в Сталинград, там я провоевал до 1943 года в должности помощника комзвода и в звании старшего сержанта. Мы занимались тем, что готовили горючую смесь для борьбы с танками и обучали рядовых. После Сталинграда я попал на 3-й Украинский фронт в должности химинструктора батальона. В том же 1943 году меня приняли в ряды КПСС. Бойцы фронта форсировали Днепр, освобождали Днеп-

ропетровск, Днепродзержинск, всю южную Украину, Белград, значительную часть Сербии, Венгрии, Вену. (Кто бы мог подумать, что будущий первый директор Екатеринославского совхоза окажется в составе фронта, освобождавшего территории, на которых раньше располагались губернии Российской империи, откуда приехали переселенцы в Екатеринославку и другие села юга Омской области!? История любит подобные совпадения!). Под Кировоградом меня ранило осколком, и я был направлен на базу МВС. После войны работал военруком в школе, поступил в пединститут на биологический факультет. В 1947 году меня пригласили в райком партии на должность заведующего военным отделом райкома.

Должность была хлопотная, ведь шла демобилизация, приезжали с фронтов солдаты, многие были ранены, нужно было помогать. В райкоме я задержался дольше, чем где-либо. Меня избрали третьим секретарем, потом вторым. По тем временам это были довольно высокие должности, дававшие определенные привилегии, но и спрос был очень жесткий, работать приходилось много, организовывая сельскохозяйственное производство. Многие из совхозов создавались почти что на голом месте. В 1952 году в моей жизни произошло два важных события: я окончил педагогический институт (с биофака перевелся на исторический факультет) и написал заявление о том, чтобы меня «направили на укрепление сельскохозяйственной партийной организации». К этому времени меня избрали на должность зонального секретаря. За мной была закреплена обширная южная зона Омской области. Начиналось освоение целинных и залежных земель. Целину я поднимал в Кормиловском районе в зоне действия Кировской МТС. В 1957 году я получил задание обкома организовать новый совхоз «Екатеринославский» в Шербакульском районе. Воля партии была

Целину поднимали и в Екатеринославском. Последствия были позже

тогда законом. Опыт работы в сельском хозяйстве у меня имелся, и я приступил к делу. Тогда очень многое, если не все, зависело от первого секретаря райкома партии. Моя встреча с первым Шербакульского РК КПСС Товкушей Степаном Григорьевичем (С.Г. Товкуша – первый секретарь Шербакульского райкома партии с 1952 года по 1963 год.

Прим. ред.) сразу показала, что наши отношения будут непростыми. Мои выводы подтвердились в дальнейшем. Товкуша оказался типичным ограниченным партийным функционером. Как говорится: «Ни попить, ни погулять, ни поговорить». Не выпивоха, но консерватор, по-моему, тянул на бригадира, не большие, но апломба было хоть отбавляй! За глаза его называли «Довбня», надоедал мелочной опекой сильно. Как-то на день Победы приехал в Новоскатовское отделение нового совхоза и сразу с претензиями к управляющему Брайдту Георгию Георгиевичу:

- Почему не сеешь?!

Брайдт – опытный руководитель, отвечает:

- Холодно, земля не прогрелась, семена загубим.

Товкуша не слушает, в крик, теперь уже на меня:

- Пока тебя не было, здесь на это время уже засевали три тысячи, а сейчас только пятьсот. Как это понимать?

- А так понимать, что год на год не приходится.

- Так ты еще разговаривать!

Словом, ничего хорошего, испортил я отношения с первым секретарем. Работать пришлось день и ночь. До декабря 1957 года жил в Екатеринославке без семьи у бабушки Сухиняк Елены Васильевны. На первом этапе моя работа заключалась в том, чтобы сагитировать членов колхозов перейти в совхоз, то есть вопрос был предрешен, но требовалось провести собрания, принять решения, передать имущество и т.д. Собрания должны были пройти в 13 населенных пунктах: Шахате, Малдахане, Кудук-Чилике, Балте (Песчаное), Машене, Семенке, Новоскатовке, Логовском 1 и 2, Екатеринославке, Саурске, Кишиневке, Крушановке, всех сразу не вспомнишь. Совхоз организовывался своеобразный: казахские аулы, немецкие поселения, у всех свой уклад, свои традиции, но люди голосовали охотно за то, чтобы перейти в совхоз, в колхозах-то одни долги да трудодни. Нужно заметить, что период 1957–1958 гг. был знаковым для сельского хозяйства: в 1957 году на базе МТС и 277 колхозов было образовано 32 новых совхоза, в основном в южной и южной лесостепной зонах, как отметил А.А. Мороз: «...впоследствии ставшие образцовыми хозяйствами. Среди них – совхозы «Екатеринославский», «Ольгинский», «Желанный», «Семяновский», «Краснодарский», «Изюмовский» и другие. Кроме того, 42 старых сов-

хоза были укрупнены за счет присоединения к ним соседних колхозов». В феврале 1958 года было принято Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС». По этому постановлению техника и имущество МТС должны были быть переданы «тому, кто обрабатывает землю». В 1958 году в области ликвидировали 55 МТС. Екатеринославская МТС не стала исключением, она стала основой будущего совхоза наряду с колхозами имени Розы Люксембург, «Красная Звезда», имени Молотова, имени Абая. И только два крупных села: Екатеринославка и Новоскатовка, остальные – мелкие. Во всех населенных пунктах сохранился крупный рогатый скот, имелись овцы, разводили птицу, даже кроликов разводили, содержали пасаку.

Годы становления совхоза – труднейшие. Вначале передо мной предстала невеселая картина: деревни разбросаны по степи, большинство населения проживало в землянках, убогие животноводческие помещения, никакой механизации, в Тепловке и Крушановке доходило до того, что корм овцам задавали через крыши кошаф, так как их заносило по крыши.

Но главная проблема – недостаток кадров, не хватало механизаторов, доярок, специалистов. Привлечение переселенцев, домохозяек не решало проблемы. Трудности усугублялись тем, что в земледелии много недостатков на уровне управления. Сверху спускали декреты то о внедрении пропашной системы, то о запрете паров и многолетних трав. Удельный вес зерновых культур достигал 60–65% и как результат – бескормица и низкая продуктивность всех видов скота. Как говорит народная мудрость: «Хлеб по хлебу сеять – ни молотить, ни вейть». Когда я возражал против директив, Товкуша мне говорил: «Знаем мы твою кулацкую натуру», видно хорошо запомнил, что родом я из середняков, которых во время раскулачивания не жалели. 1962, 1963, 1965-й годы

Совхоз Екатеринославский не всегда хвалили. Бывало и критиковали в объединенной газете «Сельская новь»

оказались крайне засушливыми. Мы были вынуждены заготавливать корма в Большеуковском, Крутинском, Саргатском районах, но какие это были корма?! Кочки! Солому заготавливали даже в Курганской и Сталинградской областях. На месте доводили задания каждому двору заготавливать веточный корм в ущерб лесу. С 1962 по 1965-й годы более тысячи голов КРС выгоняли на выпасы в Казахстан.

Развитию хозяйства очень мешала ветровая эрозия, в результате которой погибали сотни гектар зерновых, а урожайность не поднималась выше 3-5 ц. с гектара. В 1964 году произошло наводнение, которое причинило значительный ущерб хозяйству. Сегодня я думаю о том, что же было причиной неудач не только в нашем хозяйстве, но и во всей отрасли по стране, и прихожу к выводу, что наверху не было доброй команды, которая реально бы вникала в проблемы сельского хозяйства, царили доктринерство, бюрократизм, один лозунг «Догнать и перегнать!» чего стоил. Что касается моего отношения к Сталину, то лукавить не буду, он много сделал для страны, только репрессии были ни к чему.

Первая посевная вновь образованного совхоза, а проходила она одновременно с решением важных организационных вопросов, показала, что люди не готовы к работе по-новому. С Казахстаном происходил активный обмен ворованным зерном, только одни воровали мешками, а другие машинами. Тут надо было наводить порядок, это нравилось не всем.

Вот в таких условиях начинал свою деятельность Николай Дмитриевич Лыхенко. На первых порах он мне показался немного высокомерным, рабочие даже пожаловались: «Чё это агроном наши не здороваются?». Помню, даже беседу с ним провёл, а потом он втянулся. Трудно и ему было, так как он пришел в такое сложное хозяйство сразу на должность главного агронома-организатора в растениеводстве. Следует отметить, что за четыре года перед его приходом у нас сменилось четыре главных агронома, а Николай Дмитриевич проработал в этой должности почти девять лет, одновременно являясь моим заместителем по производству. Со всеми этими обязанностями он успешно справился. Знание дела, инициатива, настойчивость, трудолюбие, принципиальность, поиск и внедрение нового – вот его отличительные черты. Для меня Николай Дмитриевич был не только специалистом, но и моим соседом по улице. Если я его чему-то научил, что-то передал из своего опыта, то значит, наша совместная работа принесла плоды.

Конечно, без передовиков, добросовестных специалистов, хороших людей у нас ничего бы не вышло. Добрым словом вспоминаю главного агронома Чугунова Петра Артемьевича, который поработал у нас недолго, но оставил хороший след. Мой отец, работая в аппарате област-

ного управления сельского хозяйства, порекомендовал мне взять на работу главным зоотехником Гирда Наталью Тихоновну. Толковая, хороший организатор. Главного инженера Тюриня Ивана Петровича отыскали в Любинском районе, правда, ему не повезло, так как у нас произошло ЧП: брат Петра Кошмана – водителя моей служебной машины, погиб на производстве, и главного пришлось убрать.

Прораб Фишер Иван Яковлевич не прыгал с места на место, оказался очень надежным человеком, дело свое хорошо знал. Главный ветврач Сандалкин Иван Васильевич был меланхоличным, ему о надежде телят, а он: «Вы хотите, чтобы не было надежда?». Большая работа выпала на долю главного бухгалтера Феня Василия Ивановича, он еще с МТС начинал. Секретарями парткома работали Семенов Иван Максимович, Лизаркин Виктор Алексеевич. Они пользовались авторитетом.

Из бригадиров запомнил Белокобыленко Андрея Степановича, Миллера Эдуарда Кондратьевича – хорошие производственники. Очень толковый был заведующий МТМ – Зинкин Петр Григорьевич. Он подбирал хорошие кадры: Солошенко Степан работал в МТМ вместе со своим сыном Солошенко Николаем, отличался на работе токарь Рожнов Павел Лукич. Люди огорчали и радовали, но больше радовали: хорошие показатели были у доярки третьего отделения (Шахат) Асаиновой Анкеи, она не только в хозяйстве лидировала, но и в районном соревновании. Доярку Кашищину Валу хорошо помню, вся в конопушках, работала отлично. Много сделали для развития производства: Брайды Е.Е., Малинов П.П., Нурмагамбетов Г., Вильгельм Е.П. Всех не назову, поэтому прошу извинить.

А Лыхенко работал как вол, постигал науку о земле. Передо мной не стоял вопрос о том, кого рекомендовать на пост директора, мне на замену. Николай Дмитриевич к 1970 году сформировался как руководитель, которому были по плечу новые задачи.

Николай Дмитриевич прислушивался к советам Петра Голика

Почти всех, кого перечислил Петр Иванович, хорошо знает и Николай Дмитриевич. Не один пуд соли был съеден за годы работы.

Николай Дмитриевич до сих пор благодарен Голику за науку становления:

- ...С директором совхоза Голиком Петром Ивановичем установились хорошие, доверительные отношения. Петр Иванович, будучи педагогом по образованию, к тому времени прошел уже не только большую жизненную школу, включая фронт, но имел и немалую сельскохозяйственную практику. Когда нас свела судьба, он уже пять лет руководил совхозом. Он часто спрашивал о моем мнении по разным приемам технологии зерновых, кормовых культур, требовал проявления инициативы, был противником шаблонных решений. Мы вместе радовались даже маленьким удачным решениям. Он был терпелив, осаждал мою горячность, нередко брал ответственность на себя. Считаю, что в моем становлении и развитии личности руководителя этот человек сыграл самую главную роль. Всегда буду признателен ему за это.

Летом 1970 года Лыхенко пригласили на собеседование в обком партии. Привыкший одеваться безукоризненно, он на этот раз особенно тщательно подбирал гардероб, хотя по большому счету выбирать было особо не из чего, но отутюженный, хорошо сидевший на нем костюм, белая рубашка и достаточно модный по тем временам галстук, и очки в роговой оправе выдавали в нем эдакого интеллектуала от сохи.

Памятуя о том, что Манякин лично напутствует едва ли не каждого назначенца на директорский пост, Николай Дмитриевич волновался, но, видимо, не сомневаясь в Лыхенко, а может по каким другим причинам, Манякин не стал приглашать назначенца к себе, а доверил собеседование секретарю обкома А.М. Ковальчуку, курировавшему в ту пору сельское хозяйство области.

Это была не первая встреча Лыхенко с Ковальчуком. Два года назад Ковальчук сватал его на должность председателя колхоза «40 лет Октября», в соседнее с Екатеринославкой село Кутузовку, но Лыхенко... отказался. Невиданное дело! Ему предлагают хорошую, хлебную в прямом и переносном смысле работу, а он посмел отказаться! За такие вещи положено наказывать. Дабы остудить пыл молодого строптивца, Ковальчук натравил на него проверяющих из КНК (Комитет народного контроля). Народным этот комитет назывался ради словца, на самом деле это была государственная структура, штатные работники которой получали зарплату из бюджета, хотя к проверкам привлекались и нештатные работники. Я и сам не раз участвовал в таких проверках как журналист. Особенно народные контролеры преуспевали в про-

верках по поиску припрятанного дефицита работниками торговли. Немудрено, что «контролеры» взяли под козырек и нашли у Лыхенко, как главного агронома, массу недостатков, которые потянули на два его оклада денежного начета в пользу родного государства. Впоследствии с «народными» контролерами Лыхенко придется столкнуться уже по-серьезному. Крепко они тогда взялись за него, но минуточку терпения, мы еще дойдем до этого эпизода.

Отказавшись в первый раз от председательства, Лыхенко отказался и во второй раз. Теперь от директорства в отстающем совхозе «Максимовский». По всем неписанным правилам того времени ему не светил карьерный рост, но дефицит умных специалистов, на которых делал ставку Манякин, вынуждал его подчиненных уговаривать таких как Лыхенко.

Секретарь встретил молодого кандидата (31 год!) радушно, как будто бы и ничего между ними не было:

- А ты с характером! Думал я, что испугаешься, побежишь просить защиты. Молодец, не сдрейфил! Дождался все-таки своей Екатеринославки. Принимай хозяйство.

Они поговорили о предстоящих трудностях уборки и расстались, уменьшив градус неприязненных отношений.

С 15 июня 1970 года Николай Дмитриевич приступил к новым для себя обязанностям. Тот год заслуживает отдельного повествования. А сейчас не буду прерывать линию Манякин – Лыхенко. Первый секретарь обкома в те годы затевал большую перестройку сельскохозяйственного производства. По мнению авторитетного специалиста, Заслуженного агронома Российской Федерации Алексея Антоновича Мороза, к началу семидесятых перелома в улучшении земледелия не наступило:

- Большинство хозяйств так и не вышло на существенные объемы прогрессивных технологий. Более миллиона гектаров яровых было

...Мама настаивала, чтобы я шел в восьмой класс в Полтавку, но я решил иначе. Сдал документы в Омское речное училище на отделение судовых механиков. Сдача экзаменов шла хорошо, но на последнем – по математике устно, экзаменатор в чине капитан-лейтенанта сделал мне замечание при доказательстве теоремы, а строптивый характер начинал проявляться уже тогда. Я заспорил, настаивая на правильности моей трактовки. Ошарашенный экзаменатор, привыкший к строгой субординации, сказал: «Это тебе не школа, где ты привык, очевидно, спорить с учителями», вкатил мне тройку и вытравил из аудитории.
Из воспоминаний Н.Д. Лыхенко

посеяно по так называемой луцевке и весновспаике. Практически по всем предшественникам сев зерновых проводился еще дисковыми сеялками, которые не обеспечивали качественного сева по стерневым фонам. Только начинала внедряться плоскорезная и безотвальная зябь. В семеноводстве десятилетиями не велась сортомена, слабо применялись органические и минеральные удобрения, не хватало инициативы со стороны руководителей и агрономов.

А вот как характеризовал тот период Лыхенко:

..В земледелии совхоза уже господствовал севооборот с паровым полем. И, хотя выдерживать строгое чередование было трудно, а иногда и невозможно, – давление так называемых контрольных цифр было все еще основополагающим, но применение пара в сочетании с гербицидами позволило значительно снизить засоренность полей. Командование сроками сева значительно уменьшилось, появлялась возможность отстаивать свое мнение, повысилась техническая вооруженность предприятия, начали поступать более мощные тракторы, противоэрозионные сельхозмашины пошли в порядке планового снабжения, появилась современная зерноуборочная техника, что позволило сделать многое из задуманного. Гораздо хуже было в животноводстве. Начавшаяся специализация по овцеводству велась главным образом путем передачи поголовья овцеферм из других предприятий района и области. В массе своей это была низкопродуктивная овца. Овцеводческая ферма совхоза тоже была не намного лучше. Кроме того, четко просматривалось желание вышестоящих государственных и партийных органов провести овцеводческую специализацию, но количество коров оставить в предприятии прежним. Молочная продуктивность коров по-прежнему была низкой, на уровне не выше 2300-2400 л. на корову в год, среднесуточные привесы не превышали 250-300 граммов. Продуктивность овцеводства была очень низкой. И если к тому времени совхоз из планомерно-убыточного стал рентабельным в целом, то овцеводство изрядно тянуло всю экономику назад.

Остро ощущался недостаток рабочей силы грамотных руководителей и специалистов. Практически отсутствовали объекты социальной сферы, хотя в конце шестидесятых годов кое-что было построено. Строительство жилья велось, но этого было мало. Не хватало множества производственных помещений, совершенно отсутствовали дороги с твердым покрытием, не закончена была электрификация и много другого, что именуется производственной базой. Ведение производства по-прежнему было связано с множеством рисков из-за слабости материально-технической базы, а не только из-за неблагоприятных природно-климатических условий юга Сибири. Очень хотелось сделать хороший производственный рывок.

Лыхенко повезло, что рядом с ним в то время находился Алексей Антонович Мороз. Ему вообще везло на людей. Антонович, как его называли друзья, с 1966 по 1971-й годы работал начальником Шербакульского управления сельского хозяйства. Почти ровесники с Лыхенко, Мороз старше на 6 лет, они были схожи по характеру и как здравомыслящие люди понимали друг друга с полуслова во всем, что касалось земледелия, впрочем, никто лучше Николая Дмитриевича не скажет о своём друге:

- Человек неординарный, ярый противник шаблонов в агротехнике, поклонник севооборота с паровым полем, смелый на заключения независимого от того, понравится это кому-то или нет, он за сравнительно короткий срок снискал уважение в районе. Именно при нем появилось и паровое поле. Он был большим сторонником почвозащитной системы земледелия и активным проводником её. Судьба потом ещё раз свела с ним на работе в управлении сельского хозяйства области, и мы работали в хорошем контакте. Мы до сих пор поддерживаем с Алексеем Антоновичем добрые, уважительные отношения, хотя он уже давно на пенсии, но и сейчас, несмотря на пошатнувшееся здоровье, он много работает, написал ряд хороших книг, в числе которых яркий, интересный автобиографический очерк, книгу об истории земледелия Прииртышья. Род его происходит от первопоселенцев юга Сибири. Я рад, что судьба не раз сводила меня с этим человеком.

Уборка 1972 года на полях «Екатеринославского» выдалась на редкость сложной. Казалось, что природа решила испытать человека на прочность, на выдержку. Этот год вошел в анналы земледелия Омского Прииртышья как аномальный. С мая по октябрь стояли холода, продолжительность вегетации зерновых увеличилась на 20–25 дней, осенью пошли дожди, начались ранние заморозки, хлеб на значительных площадях полёг. К тому же был он «соломистым» и морозобойным. Когда Лыхенко брал в руки хлебный колос и видел предательские морщинки на зерне, он понимал, что времени спасти хлеб почти не остается. На полях развернулась настоящая битва за урожай. Достаточно сказать, что в область из Ставропольского края, Тамбовской, Брянской, Ростовской областей были направлены тысячи единиц техники, тысячи комбайнеров и трактористов, 15 тысяч студентов и учащихся области дневали и ночевали на уборке. Сколько романов закручивалось в те дни, сколько свадеб игралось после! Несмотря на такую силищу, к октябрю было обмолочено всего 67 процентов хлебов, а урожай уродился хороший, жалко было оставлять в зиму такой добрый хлеб.

С раннего утра Николай Дмитриевич выезжал на место расположения «партизан». Так назывались мобилизованные на уборку воины запаса. Ходили эти молодые и здоровые мужики вечно расхристанные, непросыхавшие после пьянок. Заставить их работать в ночную смену было немыслимо, так как с наступлением темноты они давали «по газам» и разъезжались по окрестным селам, где их ждали юные и не очень юные особы женского пола. Прибыв на место ночевки водил, Лыхенко застал такую картину: молоденький лейтенант, видать, недавно окончивший училище, пытался построить «партизан». Он уже несколько раз скомандовал: «Становись!», но после бурной ночи «партизаны» и не думали выполнять приказ своего командира. Из серой массы раздалось:

- Тебе надо, ты и становись!

Лыхенко решил вмешаться:

- Ребята, мужики! Там комбайнеры стоят с полными бункерами. Ну, давайте по-человечески. Скажите, вас плохо кормят?

В ответ – молчание.

- Вам не меняют постельное белье?

Вновь молчание.

- Давайте так, уберем хлеб, я вам сабантуй с банькой организую.

Серая масса задумалась. Молодой директор не стал распекать. В других хозяйствах «партизан» могли костерить и «по матушке», и «по батюшке», а этот...

- Ладно, мужики, хватит, айда строиться. – Это был голос самого старшего из «партизан».

Получив наряды, водилы разъехались по полям. Директор и лейтенант облегченно вздохнули, не зная, что вечером один из «партизан» попадет в аварию, правда, без жертв. Жертвой окажется многострадальный ЗИЛ с разбитым передком.

Объезжая поля, директор думал о цене затрат. Государство не считалось с затратами, не случайно лозунг уборочной кампании донельзя точно отражал всю экономическую подкладку: «Дашь хлеб любой ценой!». Размышляя о работе водителей со стороны, Николай Дмитриевич даже составил классификацию этих бедолаг. Лучше всех работали мужики из Омска, как правило, это были кадровые рабочие крупных заводов. Они понимали задачи и были заинтересованы в скорейшем завершении уборки, да и представители заводских парткомов не дремали, были рядом. Неплохо трудились водители из других областей, из тех, в которых жатва уже закончилась, но, зная себе цену, они приезжали в Сибирь за длинным рублем и сами назначали сумму, за которую были согласны «пахать». Конечно, их труд влетал в копеечку хозяйству, но о транспорте голова не болела. На последнем месте стояли «партизаны». От них то ли мороки было больше, то ли

пользы. Трудно было совладать с этой разношерстной братией, думающей над тем, как улучшить демографическую ситуацию в совхозе.

Директорские думы неожиданно были прерваны появлением черной «Волги», которая ехала аккуратно навстречу директорской машине.

- Не сидится начальству, – подумал Николай Дмитриевич с некоей долей раздражения за будущее потерянное время. Но, рассмотрев пассажира «Волги», он понял, что раздражение никак неуместно, его быстро сменило напряжение до моточков в ушах, которое может быть в том случае, когда к директору жалует сам первый секретарь обкома партии.

Манякин легко вышел из машины, и после рукопожатия с места, как говорится, в карьер:

- Что хлеб не убираете? Тоже, как Филипп Никитич?! (Демченко Филипп Никитич был яркой личностью в среде директорского корпуса. Более 20-ти лет проработал директором совхоза «Изюмовский», который возглавил в 1958 году. Демченко многое сделал для того, чтобы это хозяйство стало экономически крепким, с развитой инфраструктурой. В совхоз «Изюмовский» он приехал из районного центра, где работал главным инженером «Сельхозтехники». Фронтовик. В октябре 1945 года вернулся домой с орденом Красной Звезды и боевыми медалями. Стал работать заведующим гаражом, как и до войны, затем главным инженером. К тому времени Филипп Никитич экстерном закончил сельхозтехникум и институт механизации и электрификации сельского хозяйства).

Уборка 1972 года в «Изюмовском», как и повсюду, шла неважно, и Манякин был явно не в духе, но Лыхенко тоже был «на взводе» и язвительно заметил:

- А что Филипп Никитич поизносился, его уже можно жевать?

Манякин не ожидал вопроса на вопрос и даже замешкался, но быстро взял себя в руки и, тронув Лыхенко за плечо, произнес:

Было это на Гуцульщине. Вышла из берегов река и затопила окрестности. Два крестьянина, спасаясь, влезли на большое дерево. Под ними поток воды прет. Вдруг видят – шляпа их кума Петра плывёт по течению. Переместилась эдак метров на 50 и против течения пошла.

Ну, мужики обалдели от удивленного и давай размышлять:

- Мабуть нечиста!

- А вжез!

- А давай ломакою!

- Давай!

Баббааах! Из под шляпы появляется кум Петро. Мужики:

- Ты что, наводнение ж?!

- Наводнение, наводнение, а пахати ж то треба!

Анекдот

- Николай, почему ты считаешь, что мы умеем только спрашивать? Мы умеем и заботиться.

Как бы оправдываясь, он навскидку назвал пяток фамилий руководителей, которым обком помог устроиться в городе после пенсии, предоставив жилье. В большинстве случаев это были обыкновенные «хрущевки», но тогда они казались хоромами. К тому же бывшие руководители жили в них не одни, а, как правило, с родственниками. В тесных квартирах доживали свои дни и бывший первый директор «Екатеринославского» Петр Иванович Голик и бывший главный агроном этого же совхоза Петр Артемьевич Чугунов. Николай Дмитриевич помогал и тому, и другому: то мясца подкинет, то еще чего-нибудь, особенно эта помощь пригодилась в перестроечные годы.

Однажды, узнав, что я собираюсь встретиться с Голиком, Николай Дмитриевич передал ему две трехлитровые банки меда. Он не забывал и первого секретаря райкома Георгия Павловича Щеглакова, который жил в более просторной квартире, имел приличную пенсию, но от продуктовых посылок не отказывался. А ведь когда-то их мир не брал..., но «если бы молодость знала, если бы старость могла».

- Сергей Иосифович, извините, я не хотел Вас обидеть.

На том инцидент был исчерпан, но манякинскую защиту Лыхенко пришлось испытать, и эта защита не подвела.

Уборку «Екатеринославский» закончил почти что без потерь и с рекордным для тех лет урожаем: до 20 центнеров с гектара. Свое обещание устроить сабантуй, но не только для водителей, а для всех, кто работал на уборке, Лыхенко выполнил. Отмытые в совхозной баньке после трудов, комбайнеры и водители в чистенькой одежде праздновали победу. Вместе с ними за победу на полях жатвы выпил и директор.

Водила – украинец из Горьковской области не преминул заметить:

- О це гарно, хлопнул директор!

В 1972 году Омская область получила урожай по 16,7 центнера с гектара, выше, чем по России, на 4,2 центнера. Вес омского каравая в РСФСР составил 6 процентов, а раньше удельный вес не поднимался выше 4-х процентов. Шербакульский район сдал 108 тысяч тонн зерна. Ручейки этого зерна текли в закрома Родины, беря начало в совхозах и колхозах большой страны.

Осенью, когда на стерню падал снег и не таял, когда вымытое дождями небо отражалось в льдистой поверхности озер, Николай Дмитриевич собрался погулять. У него редко выпадали свободные минуты, но телефонный звонок резко и требовательно позвал к рабочему столу, звонили из райкома партии:

- В такой-то день быть на собрании областного партийного актива. Приезжает Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев!

Визит Брежнева наделал много шума. Студенты исхитрялись даже влезать на деревья, чтобы хотя бы одним глазком увидеть генсека.

Лыхенко запомнил, как тогда еще бодрый Леонид Ильич шел мимо рядов кресел, и актив стоя приветствовал его.

Брежнев поздравил омичей с победой, пожелал новых трудовых свершений.

Указом Президиума Верховного Совета СССР в декабре 1972 года за успехи, достигнутые в увеличении производства и продажи зерна государству, орденом Ленина был награжден Александр Михайлович Антоненко – комбайнер совхоза «Екатеринославский»; орденом Трудового Красного Знамени награждены: Джум Петр Евгеньевич – шофер совхоза, Егоров Николай Егорович – комбайнер совхоза, Жусупов Маймет – тракторист, Лыхенко Николай Дмитриевич – директор совхоза, Прошкевич Леонид Егорович – тракторист, Руди Кондрат Филиппович – тракторист; орденом «Знак Почета»: Буравлев Николай Николаевич – тракторист, Дорошенко Иван Моисеевич – комбайнер, Жазыбаев Тасбулат – тракторист, Жунусов Шайнур – комбайнер, Смелый Василий Васильевич – тракторист, Хасенов Усербай – тракторист, медалью «За трудовую доблесть» Гейнц Готлиб Готлибович – комбайнер, медалью «За трудовое отличие»: Гергердт Виктор Андреевич – тракторист, Фишер Яков Яковлевич – машинист. Все из «Екатеринославского», все из когорты Лыхенко.

Но не только награды получал директор. Были и завистники, они не понимали и не могли понять логики Лыхенко. С началом широкого строительства в совхозе в Москву, в Комитет народного контроля пришла анонимка. Директора обвиняли в злоупотреблении служебным положением, в извлечении выгод для себя, более всего неизвестный (или неизвестная?) автор упирал на роскошь, с которой строился но-

Генеральный секретарь ЦК КПСС
Л.И. Брежнев в Омске

вый детсад. То Лыхенко искал для него мрамор, то особую шерстяную ткань изумрудного цвета, то яркий пластик, то резчика по дереву.

Замечу, что в те годы такого изобилия отделочных материалов, как нынче, и в помине не было. Чтобы построить что-нибудь путное, руководителям приходилось проявлять чудеса изворотливости, тем более, когда речь шла о строительстве так называемым хозспособом. В самой идее такого строительства (почти левого) была заложена несправедливость. Хозяйства за счет своих средств возводили объекты, но государственные фонды стройматериалов в плановой экономике социализма уже были распределены по другим запланированным объектам. Ждать детского садика в плановом порядке для «Екатеринославского» означало одно, что такого детсада, какой задумал директор, не видать никогда. Лыхенко хотелось сделать дом для детей рабочих совхоза наособинку, чтобы и мебель под заказ, и сушка для обуви, и игровые площадки со зверятами из цельного дерева радовали глаз. И материалы надо было достать, добыть. Впору вспомнить поговорку «Хлеба доставай дома, а оброк на стороне».

Совхоз был вынужден держать экспедиторов-добытчиков по всем направлениям своей деятельности. Естественно, экспедиторы ехали по городам и весям не с пустыми руками. А еще нужно было кормить строителей, как правило, они приезжали из теплых краев России на заработки и в запросах не стеснялись. Куда относить затраты? Сметы на строительство разбухали на глазах. В эти сметы зачастую закладывались суммы отступного для того или иного руководителя хозяйства, и размер отступного зависел только от аппетита директора. Как правило, отступная сумма передавалась руководителю с глаза на глаз. Это было общепринятой практикой, о которой знали все от низов и до верха. Так что члены московской комиссии по проверке деятельности Лыхенко ни минуты не сомневались в обоснованности анонимного письма. Требовалось лишь доказать факты, опросить людей, а там, в зависимости от тяжести проступка, можно было решать, что делать с директором. Вариантов было несколько: освобождение от должности, либо то же самое, но с передачей дела в прокуратуру.

Сам Николай Дмитриевич, вспоминая о тех неприятных днях, говорит, что на него смотрели как на потенциального преступника, как на жертву. Московская комиссия просто не могла уехать ни с чем. Перетряхнули всю документацию, поговорили с людьми, собрали факты, и оказалось, что личной корысти в действиях директора не было. Вариант с прокуратурой отпадал. Однако, нарушения (а они были) могли поставить крест на карьере Лыхенко. Прощаясь с ним, руководитель комиссии спросил:

- Зачем Вам все это нужно?

- Что все? – попросил уточнить директор.

- Ну, эти стройки, хлопоты, жили бы как другие, спокойно, и анонимок бы на Вас никто не писал.

- Вы на самом деле считаете, что ТАК надо жить? – переспросил директор.

Товарищ из Москвы ничего не ответил, только кисло улыбнулся:

- Дело не закончено, я доложу руководству.

Комиссия отбыла в Москву, вскоре директора потребовали в столицу на заседание КНК. Вызов не сулил ничего хорошего. Поскольку Манякин был в курсе всей этой истории, он решил опередить события и собрал заседание бюро обкома. На том памятном для Лыхенко заседании ему объявили выговор. Манякин позже объяснил этот факт:

- Чего греха таить, сделали это сами, чтобы в Москве строже не подошли. Спрашиваю его на бюро: «Ну, что теперь строить будешь?». Вскинул голову, чувствую, сейчас скажет: «Хватит. Обжегся. Впредь буду умнее».

Но Лыхенко не сказал. По выражению его лица было и так понятно, что строить он будет, что ТАК жить он никогда не станет, что он будет бороться с системой, нивелирующей яркие идеи, смелые шаги. Способов борьбы у него было немного, вопреки системе надо было давать не просто хорошие результаты, а отличные, надо было выделяться во всем: в образе жизни, в одежде, в методах управления сложным производством, во многом другом, что, в конечном счете, делает Лыхенко таким, какой он есть.

Так кто же все-таки написал ту анонимку? Есть версия, что это сделала женщина, влюбленная в молодого и перспективного директора. Неразделенная любовь толкнула ее на столь экзотический поступок. Как говорится: «От любви до ненависти один шаг».

Такая вот любовь-морковь.

В детсад приезжали делегации, а Лыхенко хотели наказать за строительство

Проблема не в показателях, а в тех, кто этими показателями пользуется, в их экономической грамотности и компетентности.

А.М. Матлин, экономист.

БАРАНИНА С ЧЕРНОСЛИВОМ

Вечером, как обычно, Николай Дмитриевич зашел в свой домашний кабинет. Он давно мечтал об уютном кабинете дома, и, когда представилась возможность оборудовать комнату на втором этаже своего особняка под кабинет, он занимался этим с удовольствием. Приобрел добротную мебель из натурального дерева: книжные шкафы, письменный стол, кресло и диван, обитые зеленой кожей. Светлана Алиевна со вкусом подобрала гардины и портьеры, на шкафах нашли свой уют фигуры лошадей, подаренные хозяину кабинета в различные времена и по разным торжественным и не очень торжественным поводам, нашлось место и для макета средневекового судна с парусами, а бронзовые скульптурные фигуры, резные тарелки и прочие милые сердцу сувениры дополняли уют. На диване живописно выделялись три подушки-думочки с наволочками, вышитыми яркими цветными узорами. Подушки сии были преподнесены в дар от чистого сердца одной екатеринославской рукодельницей на юбилей Лыхенко.

За стеклом книжных шкафов стояли многочисленные фотографии близких и дорогих его сердцу людей, среди которых выделялись наособинку две: жены и дочери Катерины. Более всего Николай Дмитриевич дорожил фотографиями своих родителей, бабушки и деда с прадедом. Эти фотографии он разместил слева над столом, справа, в углу, между столом и окном, выходящим на школу, стоял угловой узкий шкаф, изготовленный по специальному заказу. В этот шкаф-киот, Николай Дмитриевич ставил иконы, распятия, подаренные по разным случаям, либо купленные вместе со Светланой Алиевной в многочисленных поездках. Последнее такое приобретение – посеребренное распятие, они со Светланой Алиевной привезли из приморского израильского города Хайфы. На самом вершине шкафа стояла большая «писаная» икона Николая Чудотворца, подаренная Николаю Дмитриевичу благочинным Свято-Успенского прихода отцом Артемием, за его труды по созданию храма в Шербакуле.

В кабинете царил рабочий беспорядок, ведомый только хозяину. Тяжелые фотоальбомы лежали на деревянном кресле. Картины, собранные из других комнат во время ремонта, были составлены в углу.

Среди кабинета, как ледокол среди моря, гордо возвышался чудо-агрегат: беговая дорожка с компьютером, который показывал и километры, и сожженные калории, и много чего другого. На этом тренажере Николай Дмитриевич занимался каждое утро до первого пота, потом принимал душ, завтракал и спешил на работу.

К вечеру он настолько выматывался, что мысль о продолжении работы за столом в домашнем кабинете казалась ему невыносимой. Он заходил в кабинет, осматривал свои владения, удостоверился, что все на месте, в том самом рабочем беспорядке, и удалялся, чтобы после ужина посмотреть информационную программу по НТВ, либо свой любимый канал «Дискавери».

Иногда он все же садился в кресло, обитое зеленой кожей, откидывался на спинку и уносился мыслями в советское прошлое, которое он мог беспощадно критиковать, но не мог не любить... В том прошлом осталось многое, дорогое сердцу...

Середина и конец 80-х годов для Лыхенко оказались знаковыми. Но, прежде, чем предоставить слово моему герою, вернемся в недавнюю историю, в год 1982-й, и даже 1979-й, хотя с высоты сегодняшних лет отсчитать назад более четверти века, в которые уместились несколько переходных эпох, уже много. Прежде всего, эти годы продолжали накапливать «критическую массу проблем» социализма, которые для обывателя выражались в дефиците, «блате» и прочих ныне частично забытых явлениях. Но в экономике зрели глубинные процессы, пока незаметные глазу, однако, в конечном счете, объективно и субъективно определившие горбачевскую перестройку и развал СССР...

Как прирожденный экономист и аналитик, Николай Дмитриевич чувствовал, что что-то неладное творится в народном хозяйстве. Однажды он в откровенном разговоре высказал первому секретарю обкома пар-

*В домашнем кабинете.
Дайте расслабиться!*

тии Сергею Иосифовичу Манякину свое видение экономики, особенно, в части диспропорций между союзными республиками. На что Сергей Иосифович не без юмора заметил: «Старший брат больше всех работает и раньше всех умрет». Слова секретаря оказались пророческими, только «старший брат» – СССР потянул за собой и всех остальных.

Особое значение для села имели решения майского (1982 года) Пленума ЦК КПСС, принявшего развернутую Продовольственную программу, которая фактически предусматривала не только удвоение производства основных продуктов питания, но и развитие всей инфраструктуры села, перерабатывающих отраслей агропрома. Достаточно сказать, что Продовольственной программой предусматривалось в течение семи лет поставить на село 3 миллиона 780 тысяч тракторов, один миллион 170 тысяч комбайнов и много другой техники на сумму 67–70 миллиардов рублей.

Для пищевых отраслей промышленности, государственной торговли и потребительской кооперации планировалось поставить технологическое оборудование на сумму 15–17 миллиардов рублей, предусматривалось построить на селе около 200 миллионов квадратных метров жилья. Всё это было претворено в жизнь. Шло реальное сближение города и деревни. В этот период на селе работали свыше 2,5 миллиона квалифицированных механизаторов, около 600 тысяч специалистов с высшим и средним образованием. Агропромышленный комплекс давал около 20 процентов объема валового продукта. Село полностью обеспечивало продовольственную безопасность державы. В стране работало около 18 тысяч совхозов и 30 тысяч колхозов, которые являлись основными производителями сельскохозяйственной продукции.

По потреблению продуктов питания страна вышла на пятое-шестое место в мире, фактически достигнув по основным видам продовольствия медицинской нормы. В частности, к 1990 году годовое душевое потребление мяса и мясопродуктов в стране составило 75 килограммов, рыбы и рыбопродуктов — 20 килограммов, молока и молокопродуктов — 390 килограммов, яиц — 260 штук и так далее, но по-прежнему ощущался дефицит продовольствия, в магазинах было два «сорта» колбасы: вареная и копченая, по-прежнему руководителям сельскохозяйственного производства планы спускались «сверху», а самостоятельность ограничивалась, но о тех годах Николай Дмитриевич вспоминает не без налета ностальгии. Почему? Послушаем его:

- В 1985 году я получил Постановление Омского Облисполкома по дальнейшему развитию овцеводства. Там предусматривался дальнейший рост поголовья овец, в т.ч. и по нашему предприятию. Надо

сказать, что к этому времени шерстная продуктивность овец превышала 2 килограмма мытого волокна на входную овцу. Овцеводство стало рентабельным, – о чем мы давно мечтали. Но содержание поголовья в 28 тысяч голов летом было сопряжено с огромными трудностями. Естественных угодий для выпаса овец почти не было, все пастбища были культурные (сеяные травы на пашне). Этим площадей катастрофически не хватало. Овцу пасли там, где пастбища не хватало, – в березовых колках, где голодная овца съедала не только траву, но и весь молодняк-подрост. Ветви взрослых деревьев, насколько овца могла достать, тоже были объедены. В лесу на корточки и присесть нельзя было: просматривался насквозь! Дело шло к тому, что лес в перспективе был обречен на верную гибель.

Я неоднократно поднимал этот вопрос в разных инстанциях, но на меня смотрели, как на чужного. Кроме того, в сухие годы мы заготавливали на зиму овце молодые березовые ветки (вроде банных веников), которые зимой хорошо ел молодняк.

Кроме увеличения поголовья овец, увеличивался и план продажи шерсти, и, естественно, никто не позволял снижать площадь, занятую зерновыми, уменьшать план продажи зерна, мяса и молока. Раздумывая над этим, я понимал, что если это выполнять, то шерстная продуктивность снизится, и овца опять будет нерентабельной. Если этому препятствовать, значит срезать на корм зерновые на еще большей площади. Это, в свою очередь, вело к еще большему искусственному занижению урожайности зерновых и к образованию солидного уголовного дела. «Стоп! – сказал я. – Без борьбы не сдадимся. Слишком много труда мы все вложили в предприятие, чтобы вывести его на этот уровень, и теперь катиться назад нельзя». И пошел я с обоснованиями по инстанциям. В районе никто и слышать не хотел мои аргументы.

**Овцы едва не «съели»
Екатеринославку**

«Ты, парень, с кем спорить собираешься, ты уже всем надоел». В областном управлении и тресте овцеводческих совхозов, куда мы входили, хотя и посочувствовали, но спорить с Облисполкомом никто не отважился, да и данные-то Облисполкому здесь же и готовили. Поэтому сочувствие было явно фарисейским.

Подался я в Москву, к министру сельского хозяйства РСФСР. Подумав о том, что и министр, скорее всего, меня отфутболит, по первому и главному вопросу приготовил я к нему письма с просьбами выделить дополнительно тракторы, прицепы, погрузочную технику и т.п. Выслушав меня по первому вопросу, министр вздохнул и сказал: «Ты к кому пришел, ты что, не понимаешь, что я такой же заложник, как и ты. Иди-ка ты к своему секретарю обкома КПСС». Затем министр с видимым облегчением подписал все мои остальные просьбы. Круг замкнулся. Свое письмо на имя первого секретаря обкома я сформулировал примерно так: пусть государственные органы управления сельским хозяйством установят совхозу цифры продажи продукции государству на пять лет. На этом диктат государства заканчивается. Каким поголовьем овец, коров и другого скота совхоз будет выполнять эти планы, решит само предприятие. Так же и по хлебу. План продажи в разрезе культур, пожалуйста, но структуру использования пашни предприятие сформирует самостоятельно. Передав письмо помощнику первого секретаря А.И. Мартынову, я с нетерпением ждал звонка. Предложение понравилось С.И. Манякину. «Первый раз, – сказал он, – вижу директора, который просит не планы продажи уменьшить, а готов принять любые в обмен на свободу хозяйствования». В марте 1986 года вышло решение Секретариата Омского обкома КПСС, разрешающее такой эксперимент. Зная о том, что решение будет положительным, мы уже продумали всю пятилетку.

Мы не увеличили поголовье овец, даже немного уменьшили его, но шерстная продуктивность овец превысила 2,6 килограмма мытого волокна на входящую овцу. В СССР было три хозяйства с такими настигами: совхоз «Екатеринославский», получивший титул племсовхоза, овцеплемзавод «Марьяновский» нашей же области и один из колхозов Ставрополя. Первая тройка хозяйств СССР – это было престижно. За время специализации совхоза производство шерсти было увеличено в 11 раз.

Производство молока за период специализации, несмотря на снижение поголовья коров, было увеличено в 2,5 раза – исключительно за счет увеличения продуктивности скота. Это был подход развитых стран. В 2 раза увеличилось производство мяса. Екатеринославская молочная ферма, доившая на корову более 5 тысяч литров в год, полу-

чила статус племенной по черно-пестрому скоту. Недоброжелателей и завистников было немало, чего это вдруг совхозу такие привилегии. Я предпочитал не ввязываться в доказательства. Что бы я ни сказал, я бы не смог передать, сколько волнений, энергии вложил в это я лично. Пережитое давило на сердце, оно стало пошаливать.

Но всю эту пятилетку с 1986 по 1990 год я работал с особым подъемом и воодушевлением, осознавал и ответственность. Понимал, если провалимся, найдется кому потоптаться на моем имени, растопчут и предприятие. Никогда не забуду голос одного из партийных боссов: «Если бы дела у Вас не шли, духу бы Вашего здесь давно не было. Вы не наш человек». Не преувеличил ни на одно слово. Помню буква в букву. Опасаться было чего.

Удовлетворение черпал в делах. Мы из года в год всю пятилетку до мелочей, пунктуально выполняли все наши обязательства перед государством. Чувствовалась и поддержка всего коллектива. Я испытывал огромное удовольствие по окончании этой пятилетки. Это был полет разума. Кроме титула племсовхоза по овцеводству, мы получили титул «Хозяйство высокой культуры земледелия». Почти все годы этой пятилетки мы занимали первое место в степной зоне области по урожайности. В этой пятилетке мы утвердили и ввели хозрасчет, как главный фактор мотивации к труду, снизу доверху. Теперь мы отшибали всех контролеров, ссылаясь на вышеуказанное решение секретариата Омского обкома КПСС. Ссылки действовали нормально.

Мы не только с успехом выполнили все планы, но сверхплановое мясо продавали Нефтекомбинату и заводу синтетического каучука в г. Омске. В качестве расчетов в договорах фигурировала валюта. Валюту нам начисляли и за поставки семян рапса сверх уровня прошлой пятилетки по постановлению Совета Министров СССР..

Самое святое в кабинете – портреты предков

Все это вместе взятое позволило С.И. Манякину в своем выступлении на XXVII съезде КПСС (25.02 – 06.03.1986 г.) сказать:

...К лучшему меняется обстановка в сельском хозяйстве. В значительной мере это связано с реализацией решений майского (1982 г.) Пленума Центрального Комитета партии. Омский агропромышленный комплекс произвел продукции на 1,5 миллиарда рублей или на 11 процентов больше, чем в десятой пятилетке. А ведь первые три года, как известно, в Сибири были засушливыми. Производство основных продуктов сельского хозяйства на душу населения в прошлом году составило: мяса (в убойном весе) – 106 килограммов, молока – 663 килограмма, овощей – 74 килограмма. Продовольствие поставляется в 76 областей, краев и республик. К сожалению, в сельском хозяйстве по зонам страны и на сегодня еще нет нормативного планирования и снабжения, как нет и ежегодно действующего механизма регулирования цен.

На съезде идет дискуссия по вопросам управления народным хозяйством. Позвольте и мне высказать личное мнение. На территории нашей области более 7 тысяч предприятий и организаций. Управляет ими свыше ста министерств и ведомств. К сожалению, многие министры не бывают на местах, не знают обстановки.

Более 10 лет не были в области руководители Минпромстроя СССР, Минхимпрома, Минлесбумпрома СССР, Минтекстильпрома РСФСР и другие.

Ведомственная неразбериха хорошо видна на примере Омского завода пластмасс. С размещением этого предприятия у нас планировалось создать единый нефтехимический комплекс. Но осуществить это за 16 лет так и не удалось. Мощности его на сегодня не загружены. Стабильного коллектива нет. На социальные нужды выделено всего лишь 8 процентов капвложений, в очереди на жилье стоит каждый третий работающий. Невольно напрашивается вопрос, нужно ли существующее обилие министерств и ведомств, предприятия многих из которых не дотягивают по объемам производства даже до 10 миллиардов рублей. Это не только колоссальное распыление сил и средств, но и благодатная почва для рутинной и бюрократизма. История не простит министерствам (кабы только министерствам! Прим. ред.) допущенного отставания в темпах экономического развития страны.

Горбачев М.С.: «Сергей Иосифович, история-то не простит, а мы вот прощаем».

Манякин С.И.: «Я долго думал, как сказать, но сослался на историю».

Горбачев М.С.: «15 лет наблюдаем». (Аплодисменты.)

Манякин С.И.: «Наводит, товарищи, на размышление также и то, что непомерно разбухла не только система отраслевого управления, но и территориального».

Не могу не сказать и о перекосе такого рода: обеспеченность сибиряков по ряду принципиальных позиций на душу населения ниже среднего уровня Российской Федерации. Вообще-то правильнее было бы употребить в выступлении по этому поводу более сильные выражения, но на съезде, видимо, этого нельзя делать.

Пора положить, товарищи, конец облегченному варианту освоения Сибири. Заставить понять всех и вся, что суровый этот край нужно не осваивать, а обживать. Обживать основательно, обживать умно, обживать предусмотрительно. (Аплодисменты.) И учитывать при этом все факторы, в частности и то, что Сибирь заметно помолодела. Так, средний возраст омичей (область) – 31 год. Разве имеем мы право не считаться с этим, товарищи!» (Аплодисменты.)

Полагаю, что под некоторыми пассажами речи первого секретаря обкома партии Николай Дмитриевич подписался бы обеими руками. Для тех лет манякинская речь была не просто смелой, но и наполненной смыслом в отличие от многих пустых речей, переполненных дифирамбами в адрес ЦК. Много, очень много было в той речи от мыслей Лыхенко, которые он проверил на практике.

Увы, много правильных слов говорилось с высоких трибун, но не все правильные речи воплощались в дело. Деревня становилась полигоном для новых испытаний и реформ. 22 ноября 1985 г. под руководством В.С. Мураховского (**Мураховский Всеволод Серафимович, род. 20.10.1926 в селе Голубовка Кременского района Луганской области. Украинец. Член Коммунистической партии с 1946 г. Образование**

Свидетельство Н.Д. Лыхенко – Почетного гражданина Шербакульского района. 1999 г.

высшее, окончил в 1954 г. Ставропольский государственный педагогический институт по специальности преподаватель истории. В 1944–1950 гг. служил в Советской Армии, участник Великой Отечественной войны. С ноября 1985 г. – первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Государственного агропромышленного комитета СССР. С июля 1989 г. – персональный пенсионер союзного значения). был образован Госагропром СССР – этот управленческий монстр из пяти министерств и одного Госкомитета, что как нельзя кстати показывает сущность дальнейших «экспериментов» на этом поприще. Чего секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству не понимал, так это того, что подобное объединение функций в одних руках приведет к перегрузке работой любого, даже самого опытного человека, который уже не сможет достаточно оперативно решать вопросы. Госаппарат сверху донизу трясла кадровая и организационная чехарда, он был занят не своими привычными обязанностями, а больше думал, как уцелеть в этот период.

Именно в этот период товарищ Мураховский приехал в Екатерinosлавку вместе с Манякиным. Всеволод Серафимович не был ретроградом. В чем-то его взгляды на сельское хозяйство тех времен перекликались с взглядами мыслящих хозяйственников. На XXVII съезде КПСС он пространно говорил то, что не могло не волновать таких людей как Лыхенко:

- Оценивая критически положение дел в сельском хозяйстве, следует сказать, что в некоторых областях и республиках имеющийся производственный потенциал используется недостаточно эффективно. Несмотря на значительное увеличение капитальных вложений, поставок техники и минеральных удобрений, многие области Нечерноземья России, Западной Сибири, Украины и Казахстана в прошлой пятилетке сократили производство продукции земледелия, не дали существенного прироста продукции животноводства.

Причины, сдерживающие развитие, во многом носят субъективный характер. В ряде мест допускается бесхозяйственность, принижена требовательность к кадрам, не дается должного отпора изжившимся настроениям, методы организации и стимулирования труда не отвечают требованиям жизни...

Сейчас завершено организационное формирование агропромышленного комплекса как единого целого. Возможности созданы большие. Важно теперь реализовать их в каждом районе, области, крае и республике. Органы АПК с первых дней своей деятельности сосредотачивают внимание на ускорении интеграции колхозов и совхозов с предприятиями перерабатывающей промышленности, ликвидации

ведомственной разобщенности и диспропорций в развитии отраслей, нацеливают все звенья производства на высокие конечные результаты.

Перестройка идет нелегко. По-прежнему кое-где в управлении сельскохозяйственным производством допускают администрирование, мелочную опеку руководителей и специалистов хозяйств. Новые организационные формы управления требуют и новых экономических подходов, при которых колхозы и совхозы были бы заинтересованы производить больше продукции, получать больше доходов и вести свою хозяйственную деятельность на принципах самокооперации.

Правильно отмечали в своих выступлениях делегаты съезда, что существующая практика планирования от достигнутого уровня изжила себя. Она не служит мобилизации внутренних ресурсов. ...Усилия органов АПК с первых дней сосредоточены на том, чтобы повсеместно внедрить бригадный подряд, а где это диктуется конкретными условиями – семейный и личный подряд. Госагропром СССР ставит задачу – в ближайшие два года перевести в основном все колхозы и совхозы на полный хозрасчет, который должен стать главным звеном противозатратного механизма... Выступающие делегаты справедливо отмечали, что продолжает оставаться острым вопрос повышения технического уровня и надежности сельскохозяйственной техники. Трудоемкость технического обслуживания отдельных марок тракторов в 2-3 раза выше зарубежных образцов. Повышение надежности всех видов сельскохозяйственной техники только до нормативных сроков снизило бы затраты хозяйств примерно на 2 миллиарда рублей в год, высвободило около 300 тысяч рабочих...

Книги, книги, книги. Они заполняют домашний кабинет от пола и до потолка

И с этими выводами не мог не согласиться Николай Дмитриевич. Но, в отличие от директора пусть передового, но все же далекого от московских улиц хозяйства, Мураховскому такие слова давались легко. Чиновники России, особенно высшего уровня, показали не раз, как они умеют подстраиваться под ветры времен. Спустя много лет Всеволод Серафимович член Консультативного совета при ЦК КПРФ говорил уже другие речи:

- Я хочу задать такой вопрос – себе и вам. Почему же сегодня униженная и социально обездоленная часть нашего народа, крестьянство, терпит и молчит... Почему? Я думаю, дело в том, что очень сильно повлияло поведение Аграрной партии, которая предала интересы крестьян. Сильно и влияние административного давления на крестьян. Наверное, не надо сбрасывать со счетов и то, что в последние годы влияние Компартии в деревне ослабло, в силу определенных причин. Не надо забывать и о том, что само по себе крестьянство тоже инертно. Селяне привыкли терпеть. Исходят иногда из принципа «Моя хата – с краю». Надеются, что кто-то другой будет бороться за их лучшую долю...

Исторический опыт показывает, что крестьянству свойствен дух коллективизма, соборности. Оно с ностальгией вспоминает о недавнем прошлом советской деревни. Оно понимает, как много потеряно. И, конечно же, понимает, что только возвращение Советской власти, социалистического строя может вывести деревню из того прорыва, из того кризиса, в котором она оказалась...

Вот такого непростого человека, пребывающего в должности председателя Госагропрома СССР, встречал перед уборочной страдой конца восьмидесятых Николай Дмитриевич Лыхенко. Манякин знал, куда везти чиновника столь высокого ранга, вокруг которого вились министры помельче.

Мураховский и его свита прошли по селу. Сергей Иосифович Манякин выступал в нехарактерной для него роли экскурсовода, расхваливал село, совхоз и Лыхенко так, что Николай Дмитриевич, зная характер первого, воспринимал похвалу, как аванс на будущее. По всему чувствовалось, что Мураховскому понравилась Екатеринославка и ее люди, понравился ему и директор хозяйства. Он воочию увидел в отдаленном уголке России, почти что на границе с Казахстаном динамично развивающееся хозяйство, в котором думают не только о производстве, но и о людях. Всеволод Серафимович, работавший в благодатном Ставрополе, понимал, чтобы добиться таких показателей, каких добились в Екатеринославке в жестких условиях сибирского климата, нужно много и долго трудиться. С каждой минутой руководитель Госагропрома страны

становился все благодушнее. Он, видимо, желая показать свое расположение и благодушие, спросил Николая Дмитриевича:

- Сколько комбайнов нужно для работы в хозяйстве?

Николай Дмитриевич, недолго думая, ответил:

- Таких, какие выпускают сегодня, не надо ни одного!

Мураховский и Манякин, не ожидая столь дерзкого ответа, даже приостановили движение. Преодолев секундную заминку, они двинулись вперед и за ними вся свита.

- Неужели ни одного? – все еще сомневаясь в правильности ответа Лыхенко, спросил Мураховский. – А что не нравится?

- Видите ли, – начал Николай Дмитриевич, – наши комбайны ненадежные. Для того, чтобы нормально провести уборку, мне нужен целый КА-Маз запчастей. Кроме того, они обладают низкой производительностью. Там, где справился бы один зарубежный, наших надо несколько.

- М-да, – многозначительно произнес глава Агропрома.

Чувствуя, что дискуссия приобретает нежелательный характер, и зная острый язык Николая Дмитриевича, Манякин решил, что пора переключить внимание высокого гостя на очередное новшество, которое стали применять в совхозе: с некоторых пор здесь стали облучать посевы зерновых лазерными лучами.

Мураховский живо заинтересовался новшеством, и Николай Дмитриевич стал рассказывать:

- Идею облучать посевы лазером подал наш главный агроном Давыд Давыдович Эйснер, он начал ею заниматься, будучи главным агрономом в колхозе «40 лет Октября». Каким-то образом Давыд Давыдович познакомился с физиком из Казахстана, который решил применить лазер в сельском хозяйстве. Мы приобрели лазерную установку, поставили ее на машину и ночью облучали посевы...

...В предприятии существовала типичная для всех многозвенная система управления: директор – главные специалисты – управляющие отделениями и начальники цехов, специалисты отделений и бригады.

Первые годы я не задумывался о порочности такой многозвенной структуры. Мы были воспитаны так, что всё продиктованное государством является незыблемым и сомнению не подлежит.

Мысли о необходимости разрушения этой неэффективной системы управления зрели во мне годами и окончательно оформились, когда я стал уже директором предприятия.

Из воспоминаний НД. Лыхенко

Далее Николай Дмитриевич перешел на сугубо научный язык: – В фазы вегетации растений, присущие данной культуре, их облучают однократно в каждую из этих фаз в ночное время суток лазерным лучом, сканирующим одновременно в двух взаимно перпендикулярных плоскостях, с помощью аналогичной лазерной установки, работающей в автоматическом режиме с заданным для данной культуры регламентом облучения, например, импульсное облучение растений лазером в течение всего периода их вегетации импульсами с длинами волн 750-3400 нм, 550-750 нм, 400-450 нм. Для чего лазерную установку перемещают по периметру поля с растениями или по технологическим колеям, обеспечивая облучение растений. Способ позволяет повысить урожай и снизить затраты... Недостаток способа – его высокочувствительность, громоздкость, т.к. облучение производится в течение всего периода вегетации: и днем, и ночью, что относительно сложно.

Надо заметить, что ночные лазерные «шоу» на екатеринославских полях для непосвященных людей были необычным явлением. Лазерный луч, касаясь хлебного колоса, отсвечивал розоватым светом. Вереница огоньков передвигалась по полю в определенном порядке. Екатеринбургцы начинали подумывать об инопланетянах.

- И что, лазер дал эффект? – спросил председатель Госагропрома.

- Можно сказать, что эффект был, пшеница созревала дружнее, – ответил Николай Дмитриевич, – но, – продолжал он, – чтобы убедиться полностью в полезности применения лазера на полях, нужно заниматься длительное время. Я даже советовал главному агроному защитить диссертацию по этой теме, но Давыд Давыдович не стал, охладел. А зря.

И на самом деле зря. Способ обработки можно было запатентовать. В 2003 году общество с ограниченной ответственностью Научно-производственная фирма «Биолазер» из Краснодара (Изобретатели: Журба П.С. (RU); Журба Т.П. (RU); Журба Е.П.) получило патент на изобретение: «СПОСОБ ПРОМЫШЛЕННОГО ВОЗДЕЛЫВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЛАЗЕРНОГО ОБЛУЧЕНИЯ». Знали бы краснодарцы, что 13 лет назад этот способ применялся у Лыхенко в хозяйстве!

Лазер не только помогал Николаю Дмитриевичу в ускорении созревания растений, но и для здоровья оказал неоценимую услугу. Как-то у него сильно заболела ступня, появилась мокнувшая рана, областные врачи разводили руками и не могли поставить точный диагноз, положение становилось совсем невыносимым. Тогда, уже отчаявшись, Николай Дмитриевич обратился к шербакульскому хирургу Арнольду Штреку. Арнольд Яковлевич Штрек – талантливый врач, был дружен с Лыхенко,

обладал уникальным опытом проведения сложных операций, еще молодым хирургом он успешно прооперировал парня из Борисовки, которому в мозг попала 12-ти сантиметровая латунная трубка. Осмотрев Лыхенко, Штрек без колебаний поставил диагноз: аллергия.

- Я полагаю, что будем лечить лазером, не только же посевы им облучать, – с улыбкой предложил Арнольд Яковлевич.

Николай Дмитриевич, доверяя врачу, согласился.

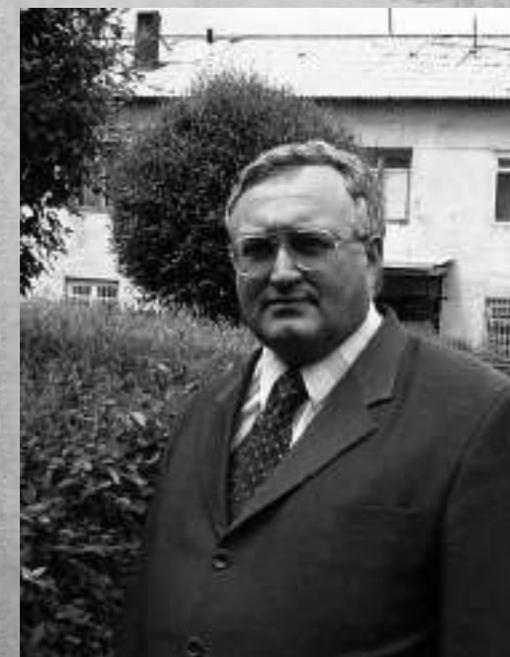
Через несколько сеансов облучения лазером рана на ступне стала подсыхать, затягиваться и, спустя месяц, зажила полностью.

Всеволод Серафимович Мураховский высоко оценил работу Лыхенко. Манякин точно знал, куда следует везти высоких московских гостей. Николай Дмитриевич с присущим сибирским гостеприимством накормил делегацию в столовой совхоза. Заведующая столовой – Галина приготовила любимое блюдо первого секретаря обкома: баранину с черносливом. Мягкая, упревшая, ароматная баранина понравилась и москвичам.

- Приезжайте к нам еще, – говорил Николай Дмитриевич, прощая гостей.

- А баранина будет? – спрашивали слегка захмелевшие москвичи.

- Всенепременно! – отвечал Лыхенко.

А.Я. Штрек – врач, товарищ, хороший человек. С Лыхенко его связывает многолетняя дружба

*«Сходка – голдовня: дым коромыслом, пар столбом,
а ни тепла, ни сугреву».*
*«Збір – голдовня: дим коромислом, пара стовпом,
а ні тепло, ні сугреву».*

Народные пословицы

КАК ЛЫХЕНКО В ПОЛИТИКУ ХОДИЛ

Листаю свои архивные записи, газетные подшивки. Особенно интересным выдался 1990-й год. Даже не верится, что с того времени минуло 18 лет, а воспоминания свежи, как будто все это происходило только вчера...

Последнее десятилетие уходящего 20 века в России ознаменовалось народными волнениями, митингами, переворотами, введением талонов на продукты питания. Все эти события сопровождалось человеческими жертвами и социальной нестабильностью.

На рынке тем временем наблюдается расцвет нелегального бизнеса. «Теневая экономика» шла на подъем. По некоторым подсчетам, объем советского нелегального бизнеса достиг 20% стоимости валового национального продукта СССР.

Краткая хронология событий: **4 февраля 1990 г.** – 200-тысячный митинг в Москве в поддержку перестройки. **25 февраля 1990 г.** – новые массовые демонстрации в Москве и других городах в поддержку перестройки. **24 февраля 1990 года** в Шербакуле прошел первый митинг общественности «За власть Советов, демократию и гласность». Я помню реакцию на этот митинг со стороны первого секретаря Шербакульского райкома партии Г.П. Щеглакова, которому досталось на этом митинге. Георгий Павлович процедил: «Крикуны!». Никаких выводов из того, что говорилось на митинге, партийное бюро не сделало, да и не собиралось делать. Кто бы говорил с «крикунами»?! Власть самоуверенно полагала, что люди «прокричатся» и успокоятся, но этого не произошло. Немудрено, что осенью следующего года здание райкома партии было отдано детям, когда после августовского путча 1991 года Ельцин запретил своим указом от 6 ноября 1991 года деятельность КПСС и КП РСФСР.

1990-й ознаменовался массовым выходом членов КПСС из партии. В политическом отчете РК КПСС на XXVIII районной отчетно-выборной конференции прозвучали такие данные: из Екатеринославской парторганизации вышло 34 человека, из Борисовской – 22, девять членов Шербакульского райкома партии тоже расстались с партбилетами. На мой вопрос о том, когда он вышел из партии, Николай Дмитриевич ответил коротко:

- А я не выходил и партбилет не рвал, он у меня до сих пор хранится где-то в архиве.

Сказал это человек, у которого накопилось много вопросов к политике партии, который не переносил партийную косность, который не терпел ретроградов, прикрывающихся партбилетами. Просто, Лыхенко чужда показная демонстративность, которой бравировали перед телекамерами те, кто еще недавно рвал на груди рубаху «за партию». Надо помнить и то, что его отец – Дмитрий Александрович был коммунистом и погиб коммунистом в Великую Отечественную. К тому же Николаю Дмитриевичу было чуждо политиканство, а вот к политике он проявлял интерес.

На волне народного подъема в эйфории гласности шла подготовка к выборам в Верховный Совет России, которые были назначены на 4 марта 1990 года. Сторонники либеральных преобразований, к числу которых в то время принадлежал и Николай Дмитриевич, боролись за места в Верховном Совете.

Шел второй год моей работы редактором газеты «Ленинец». Я сопровождал Николая Дмитриевича в его поездках на встречи с избирателями, и поездки с ним давали много нового для понимания жизни. Я узнавал Николая Дмитриевича все больше, но не только как директора совхоза, а как политика.

Николай Дмитриевич был выдвинут рядом коллективов Шербакульского района кандидатом в депутаты Верховного Совета. Достоянная кандидатура! Лыхенко обладал не только безукоризненной репутацией, но и заслуженным авторитетом и в районе, и в области. Предложение выдвинуть его кандидатуру в Верховный Совет шло от «низов», потому что обкомовские чиновники, случись выборам проходить раньше, ни за что бы не допустили Лыхенко к выдвижению. Нелюбим он был в коридорах власти с красными дорожками. Николай Дмитриевич воспринял предложение идти на выборы, как вполне естественное. Трибуна Верховного Совета для него означала многое. Он знал, с чем пойдет и что скажет.

Программа Николая Дмитриевича именовалась так: «Приоритету развития села альтернативы нет». Трудно поверить в то, что она была

После 4 марта 1990 года случились следующие события, определившие в дальнейшем судьбу страны и многих из нас:

6 марта 1990 г. – принят закон о собственности. Введение института частной собственности.

12-15 марта 1990 г. – третий Съезд народных депутатов. Утверждены поправки к Конституции. Введение многопартийной системы и учреждение поста Президента СССР.

Из Конституции изъята статья № 6 «О руководящей роли партии».

14 марта 1990 г. – М.С. Горбачев избран президентом СССР на Третьем Съезде народных депутатов. Председателем Президиума Верховного Совета СССР становится А.И. Лукьянов.

1 мая 1990 г. – Горбачев освистан многотысячной толпой после официальной первомайской демонстрации.

озвучена 18 лет назад, настолько актуальны ее отдельные положения и сейчас. В феврале 1990 года Николай Дмитриевич говорил о пересмотре статьи 6-й Конституции СССР, закрепляющей «руководящую» и «направляющую» роль КПСС, а в марте этого же года III-й съезд народных депутатов (12 – 15 марта 1990 г.) отменил эту статью. Тогда он вел речь о приоритетах села, сегодня один из национальных проектов называется «Развитие АПК», но, увы, он лишь малая часть того, о чем говорил Лыхенко в девяностые.

Конечно, некоторые положения программы сегодня кажутся наивными, но даже Николай Дмитриевич с его проницательностью не мог предвидеть, насколько подорожает электроэнергия. Как настоящий политик он грамотно высветил вопросы реформирования Советов...

Я вижу его на трибуне: высокого, прямо стоящего, он говорит, будто вколачивает гвозди:

– Не встретившись с избирателями, нельзя узнать их нужды. Но я вряд ли погрешу против истины, ибо в беседах с первыми секретарями районных комитетов КПСС в большинстве случаев выявились одни и те же причины, мешающие нормальной жизнедеятельности: проблемы обустроенности малых сел, строительства дорог, объектов культуры, просвещения, здравоохранения, жилья, водоснабжения, газификации, материально-технического обеспечения колхозов и совхозов и другие. «Лечить» эти проблемы надо не в каждом районе в отдельности, а в республике в целом. И очень жаль, что руководство партии и государства определяет приоритеты развития страны и сегодня только на словах. И хотя признается необходимость приоритетного развития села, долгое время под этим понимались не нужды людей, а нужды сельскохозяйственного производства.

Селу нужны бюджетные ассигнования, но вкладывать их надо в самое ценное, что у нас сегодня есть, – в человека. Значит, прежде всего, обустроить его жизнь. Не делать этого сейчас – значит, обрекать страну на голод. Приоритету развития села альтернативы нет.

Надо пересмотреть проекты, резко улучшить комфортность жилья. Благоустройство должно быть автономным, дом – усадебным. В качестве источника тепла в районах, лишенных газификации, думаю, вполне можно было пойти на электроотопление, сделав стоимость одного киловатт-часа 0,5 копейки, и использование нетрадиционных источников энергии, в частности, термальных вод.

Вопросы приобретения оборудования для переработки сельхозпродукции на местах, очевидно, лучше всего решать сейчас за счет зарубежных технологий и оборудования. Валюту для этого можно получить внутри страны. Такая возможность теперь появилась. Конечно, сделать это одному хозяйству весьма сложно, но, устроив межхозяйственное предприятие, можно достигнуть желаемого результата.

Ну, а что касается проблем материально-технического обеспечения сельскохозяйственного производства, то только у нас в стране может быть такой «порядок», нигде больше его нет. Это вторая проблема.

Думаю, что к таким мерам следовало бы отнести действия, направленные на разработку новой Конституции России и ее принятие. В целях полной ликвидации возможностей возврата к режиму единоличной власти, устранения существующего в стране двоевластия надо пересмотреть статью 6 Конституции РСФСР, четко разграничить системы законодательной и исполнительной власти.

Необходимо совершенно преобразовать функции местных Советов, в частности, сельских. Сессия сельского Совета должна иметь право законодательной инициативы, не входящей в противоречие с существующими законами. Сельский Совет должен являться единственным распорядителем своих природных ресурсов, предоставлять их по договорам в индивидуальное или коллективное пользование и получать за это платежи в количестве, определенном законодательством, осуществлять контроль за использованием ресурсов строго по назначению.

Сельский Совет должен являться единственным владельцем государственного жилищного фонда, объектов культуры, просвещения и воспитания, здравоохранения, торговли (кроме кооперативной), физкультуры и спорта и организовывать их работу, должен иметь в своей структуре подразделения, обеспечивающие реальное выполнение своих функций указанными организациями. Правом контроля за деятельностью Советов должны пользоваться только органы конституционного надзора.

Осенью прошлого года мои избиратели из аула Карагаши во время нашей встречи поставили немало вопросов улучшения бытовых нужд. И когда мы с председателем колхоза договорились об удовлет-

Впервые перед мавзолеем демонстранты пронесли лозунги, которые повергли в шок стоящих на трибуне членов Политбюро: «Долой КПСС!», «Политбюро – в отставку!», «Горбачевизм не пройдет!»

В первые минуты Горбачев продолжал приветственно улыбаться, но затем покинул трибуну вместе с членами Политбюро. Их провожали криками «Позор!». В этом же месяце председателем Верховного Совета России был избран лидер демократов Б.Н. Ельцин. С этого момента уход Горбачева с политической арены оставался лишь вопросом времени.

29 мая 1990 г. – Ельцин избран председателем Верховного Совета РСФСР.

12 июня 1990 г. – Закон о печати. Отмена цензуры.

12 июня 1990 г. – Первый Съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете Российской Федерации. «За» проголосовало 907 депутатов. Против – 13.

ворении практически всех запросов, возник последний: «Пусть нам организуют молочную ферму». На мой вопрос «А зачем?» – ответили: «У нас женщины не обеспечены работой».

Все тщательно обсудив и взвесив, я встал на сторону председателя. Предложив занять женщин производством изделий народного промысла, обещав помочь в снабжении сырьем, я в ответ услышал: «А вы не депутат, вы хозяйственник. Депутат обязан защищать интересы избирателей». Тицетны были мои попытки убедить людей в том, что депутат не может и не должен игнорировать интересы всего общества.

Думаю, что депутат должен быть, прежде всего, законодателем. Знающие дело законодатели способны обеспечить полнокровную жизнь общества. Использование депутатских полномочий по принципу «У кого что болит, тот о том и говорит» – удел общества, обреченного на прозябание. Мой ответ не касается тех случаев, когда идет речь о защите интересов избирателей по вопросам, не имеющим крупной значимости для всего общества. На то депутат и слуга своих избирателей, чтобы прийти им на помощь.

Я понимаю, что сделать подобное заявление хватит мужества не у каждого кандидата в депутаты, легко потерять голоса. Но я не хочу дешевой популярности.

Он говорил это искренне, с достоинством, как может говорить человек, выстрадавший то, о чем говорил. Неравнодушные хлопали ему, равнодушные молчали, противники кривили губы и скептически усмехались.

Его оппонентом был секретарь обкома КПСС Николай Васильевич Журавлев. В то время Николай Васильевич казался мне образцом демократа внутри КПСС: умел принимать нестандартные решения, разбирался в политике, был прост в общении, но, как оказалось, я ошибался. Вся «демократичность» Николая Васильевича не больше, чем дань времени, на самом деле это был обычный партийный чиновник высокого ранга, придерживающийся ортодоксальных взглядов на реформирование партии. Он прошел неплохую школу комсомола, более пяти лет работал первым секретарем Москаленского райкома партии, затем за короткий срок прошел ступени заведующего отделом пропаганды и агитации, секретаря и второго секретаря обкома партии. Вот что пишет о нем работник орготдела обкома КПСС Борисов Я.И. в своей книге «Листая летопись времен»: «Николай Васильевич оказался одним из немногих партработников, кто в сумбурную и предательскую горбачевскую пору открыто проявлял личную стойкость и мужество, до последнего отстаивая позиции коммунистической партии... Ему больше всех доставалось от оппонентов... говоря образно, Журавлев и сейчас не меняет политическую конфигурацию – ходит с прямой спиной».

Вот такой человек противостоял Лыхенко. Сильный, искушенный в политике. Это была дуэль двух личностей, по-разному видевших пути

развития России на переломе эпох. Компромисса между ними быть не могло. Ну не уживаются либерализм и консерватизм на русской земле.

Ту, первую встречу, первую словесную дуэль Лыхенко – Журавлев я запомнил.

Этой встречи ждали, к ней готовились. Два сильных соперника, два кандидата в народные депутаты РСФСР. Николай Журавлев – второй секретарь обкома КПСС и Николай Лыхенко – директор совхоза «Екатеринославский» прибыли в Шербакульский районный Дом культуры к 17 часам 16 февраля 1990 года. Зал к этому часу был полон, редко какое место оказалось незанятым.

Открыл встречу председатель окружной избирательной комиссии Михаил Ничипуренко. Перед тем, как выступить доверенным лицам, председатель окружной избирательной комиссии сказал:

- 8 января 1990 года окружная комиссия зарегистрировала кандидатами в народные депутаты РСФСР по Москаленскому территориальному избирательному округу товарищей Журавлева и Лыхенко. Товарищу Тюлькову (*гл. редактор Омского радио, прим. ред.*) комиссия отказала в регистрации.

Немного времени ушло на утверждение повестки дня, регламента, и вот слово предоставлено доверенному лицу Н.Д. Лыхенко – Б.И. Лошаченко. Борис Иванович – потомок казаков, основавших Борисовку, пользовался громадным уважением среди шербакульцев. Он рассказал участникам встречи о жизни и деятельности кандидата и призвал избирателей отдать голоса за Н.Д. Лыхенко.

Затем Г.Н. Алешина (моя коллега по цеху, к сожалению, окончила свой земной путь нелепо и трагично под гнетом «зеленого змия») – доверенное лицо Н.В. Журавлева, познакомила шербакульцев с биографией кандидата и обратилась с призывом к избирателям отдать голоса за Н.В. Журавлева.

2-13 июля 1990 г. – Последний, XVIII съезд ЦК КПСС. Горбачев переизбран Генеральным секретарем. Разработан новый Устав партии. Политбюро лишается большей части полномочий. Б.Н. Ельцин объявляет о выходе из КПСС.

Его примеру вскоре последуют мэры Москвы и Ленинграда – Попов и Собчак.

15 июля 1990 г. – В Москве проходит манифестация под лозунгами «Долой КПСС!».

30 августа 1990 г. – На заседании Совета Федерации разворачивается не давшая никаких результатов дискуссия по программе академика Шаталина «500 дней».

12 сентября 1990 г. – В Москве парафирован договор об объединении Германии.

Октябрь 1990 г. – Обострение товарного дефицита. Введение талонов на товары (сахар, водку, сигареты) в Москве и ряде других городов.

Выступления доверенных лиц были выслушаны с вниманием, несмотря на барахливший микрофон, и встречены аплодисментами. Затем на трибуну поднялся Н.В. Журавлев.

- *Уважаемые товарищи*, – обратился он к залу, – *мое положение сегодня намного облегчает то, что программы кандидатов в народные депутаты были напечатаны в вашей районной газете. На встречах в вашем районе я рассказывал более подробно о своей программе, и сегодня в нее включены многие новые положения, благодаря вашим предложениям, советам, замечаниям. Как можно коротко назвать мою программу? Я бы назвал ее так: помочь России, помочь области, помочь омичам. Почему надо помочь области? Положение нашей области таково. Сегодня Омская область продукции выдает в республиканский и союзный фонды на 1 млрд. рублей больше, чем получает для омичей товаров. Омская область занимает сегодня в республике 5-е место по выпуску промышленной продукции и входит в десятку областей России по выпуску сельскохозяйственной продукции, а то, что она получает, значительно ниже. Мы занимаем 20-е место в республике по товарообороту, 38-е место по обеспечению жильем и 62-е место по асфальтовым дорогам. Почему такая несправедливость? Народным депутатам России и, если случится, мне необходимо поставить этот вопрос очень четко с позиций парламентских. Мы не просим под красивые глазки омичей. Мы просим и требует под наш вклад!*

Заканчивая свое выступление, кандидат подчеркнул:

- *Я твердо верю в Ленина, несмотря на то, что его памятники оскверняются, я твердо верю в Октябрьскую революцию, несмотря на то, что нам сегодня подбрасывают идеи, что нам бы следовало остановиться на этапе февральской буржуазно-демократической революции. Я твердо верю в нашу партию, несмотря на то, что сегодня столь много о ней говорится нелестного. Я твердо верю в наше социалистическое будущее, хотя нам сегодня подбрасывают идеи о шведском социализме и т. д. Мы слишком большой путь прошли по пути социализма, чтобы поворачивать назад к капитализму.*

- *Земляки! Уважаемые товарищи*, – начал свое выступление Н.Д. Лыхенко, – *позвольте прежде всего выразить слова глубокой благодарности коллективам, выдвинувшим меня кандидатом в народные депутаты России.*

Назвав поименно все коллективы, Николай Дмитриевич выразил слова особой признательности совету ветеранов, «ибо туда входят люди, устами которых говорит мудрость, нежели эмоции».

- *Считанные дни*, – продолжал он, – *остались до пятилетнего юбилея начала перестройки. Бытовавшая вначале точка зрения на немедленное и автоматическое решение всех политических проблем сменилась в ряде случаев разочарованием и потерей веры в перестройку у значительной части нашего общества.*

На этом фоне сегодня стараются сыграть разные силы. Это те, которые испытывают ностальгию по явно наметившейся тенденции утраты монополии на безраздельную власть. Есть и те, кто боится потерять закулисную власть теневой экономики.

Кризис в стране усугубляется. Особой опасности подвергается экономическая реформа. На фоне все увеличивающихся закупок продовольствия за рубежом политика государства по отношению к селу, к сожалению, не изменилась. Человек села с его огромными проблемами социального обустройства по-прежнему остался за бортом наших политиков.

Предлагаю: объявить самым главным направлением в развитии России немедленное развитие сел и поселков, для чего выделить бюджетные деньги на сельское обустройство. Поставить в угоду этой программе все ресурсы. Далее, выработать механизм развития новых экономических отношений и постепенного строго добровольного превращения колхозов и совхозов в союзы арендаторов. В плане моральном ставлю вопрос о реабилитации российского крестьянства...

Тогда, вряд ли кто из сидящих в зале знал, что Николай Дмитриевич потомок репрессированных крестьян. Репрессиям подверглись семьи его деда и прадеда. Сам он этот факт не афишировал, а говорить вслух о темных сторонах российской истории было не принято, время не пришло. Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» будет принят только два года спустя, в 1992-м. Первый том Книги памяти жертв политических репрессий Омской области выйдет из печати в 2000, а Книга памяти раскулаченных еще только готовится к изданию.

После того как выступили кандидаты, на них обрушился шквал вопросов.

Вопрос: (к Журавлеву Н.В.)

...Ваше отношение к социальной справедливости, т. е. к определенным льготам, привилегиям, которыми пользуется руководящий

1 октября 1990 г. – Закон о свободе совести и вероисповедания.

7 ноября 1990 г. – Во время торжеств на Красной площади Ленинградец А. Шмонов пытается застрелить Горбачева из обрезка. Покушение пресечено службой охраны.

12 декабря 1990 г. – США предоставляет СССР кредит в 1 млрд. долларов для закупки продовольствия. В это же время Германия и другие западные страны направляют в СССР гуманитарную помощь и дают крупные кредиты.

Декабрь 1990 г. – «Парад суверенитетов» советских республик (Литва, Эстония, Латвия, РСФСР, Украина, Белоруссия, Туркмения, Армения, Таджикистан, Казахстан).

партийный, государственный аппарат, есть ли у Вас какие-то привилегии, льготы?

Н.В. Журавлев: *Какие? Я могу перечислить. Вопрос, конечно, сложный, вы знаете, как он решается в масштабе всей страны, комиссия по льготам Верховного Совета сегодня работает. О льготах. У меня есть служебная машина, никакими спецраспределителями и спецмагазинами я не пользуюсь, как и все остальные работники партийного аппарата. (Шум в зале). Да, товарищи, я разъярю вашу реакцию. Сегодня многие продолжают считать, что как было, так и осталось. Да, было, но этого больше нет, могу вам это откровенно и честно сказать. У меня нет государственной дачи, я взял участок сам для себя. Дачи переданы здравоохранению. И больница, о которой шел разговор, стала сегодня обыкновенной, рядовой поликлиникой.*

Конечно, Николай Васильевич немного лукавил. Помнится, работая в редакции газеты «За урожай» Оконешниковского района, я, возмущенный, не зная правил, обратился к тогдашнему председателю Оконешниковского райисполкома Александру Андреевичу Дорошенко с вопросом, почему райкомовский буфет снабжается лучше райисполкомовского? Александр Андреевич – человек честный, прямой, лишь понимающе усмехнулся. А ларчик открывался просто: в райисполкомовский буфет заглядывал каждый, а в райкомовский пускали только «своих», и снабжался он не в пример лучше: копченая колбаска, индийский кофе, шоколадные конфеты, сгущенка – все было на прилавке, который как Цербер охраняла буфетчица с мощной грудью.

Вопрос: (к Н.Д. Лыхенко). Верно ли, что на встречах в Полтавке вы выразили готовность отречься от КПСС? *(Вопрос был заранее подготовлен именно в такой тональности, чтобы вызвать смех в зале).*

Н.Д. Лыхенко: *На встречах в Полтавке, получив вопрос близкий к тому, что был задан сейчас, я сказал, что я за проявление в стране обстановки, позволяющей реально говорить о создании многопартийности, и в связи с этим хотел бы оставить право за каждым советским человеком, в том числе и за собой, состоять в любой из партий.*

Вопрос: Ваше личное отношение к выезду советских немцев в ФПГ. Какой материальный ущерб несет от этого, в частности, совхоз «Екатеринославский»?

Н.Д. Лыхенко: *Считаю, что в целом стране и совхозу в результате такой политики наносится экономический ущерб. К сожалению, я не имею конкретных данных.*

Вопрос: (к обоим кандидатам). Ваше отношение к повышению заработной платы работникам аппарата партии, советских органов и профсоюзов.

Н.В. Журавлев: *Это сделано совершенно не вовремя, крайне не вовремя. Сегодня при явно негативном отношении к аппарату – это еще одно дополнительное основание для критики аппарата.*

Что касается повышения зарплаты партийному аппарату, советскому и другим, то я считаю, что сделать это было необходимо. Почему? Потому что долгие годы партийные работники не получали той зарплаты, которую получали другие категории, она была ниже, чем у других категорий руководящих звеньев. Это привело к тому, что в партийный аппарат стали приходить люди в соответствии с тем, как оплачивался их труд.

Н.Д. Лыхенко: *Мне остается добавить к тому, о чем хорошо и убедительно говорил Николай Васильевич, что в другой раз это было бы принято обществом. Сейчас это обществом не принимается.*

Вопрос: (к Н.Д. Лыхенко). Скажите, строительство дворцов на центральной усадьбе – это только желание увековечить свое имя или забота о людях?

Н.Д. Лыхенко: *Я хотел бы поправить – дворца. Я не заказывал мемориальную доску на фасад здания и не собираюсь этого делать. (Речь о Дворце культуры в Екатеринославке, прим. ред.), (смех, аплодисменты).*

Далее, товарищ спрашивает, почему на этом фоне не отремонтировано отопление в Шахатском клубе. Отвечаю: непременно отремонтируем!

Время шло, а вопросы не убывали, и все же кандидаты постарались дать ответы на все вопросы. Наконец, собрание высказалось за то, чтобы больше не «мучить» кандидатов.

Потом были встречи в Марьяновке. Одна из них, в Доме культуры, мне запомнилась явно враждебным отношением к Лыхенко. Зал был заранее «подогрет» провокационными вопросами, рассчитанными на то, чтобы выбить Николая Дмитриевича из колеи, но не на того напали! Он отвечал спокойно, грамотно, с достоинством.

Итоги голосования удивили всех, кандидаты набрали голосов почти поровну, немного вперед вырвался Н.В. Журавлев, но ни Лыхенко, ни Журавлеву не хватило голосов для того, чтобы оказаться в Верховном Совете РСФСР.

Мне кажется, что с того времени Николай Дмитриевич понял, что политики в чистом виде не осталось, а ее место занимает политиканство. Политиканством он не занимался и не собирался им заниматься ни при каких обстоятельствах.

Несмотря на столь кипучую политическую жизнь страны, Николай Дмитриевич больше в политику не ходил. Да и новые власти не шибко желали видеть Лыхенко в рядах политиков, а жаль, при соответствующей поддержке Николай Дмитриевич мог быть неплохим депутатом, к примеру, Госдумы. Ему есть что сказать о проблемах сельского хозяйства и путях их решения.

«Язык языку ответ дает, а голова смекает».
«Мова мові відповідь дає, а голова метикує».
 Народные пословицы

ПЕРВАЯ СКРИПКА

Телефонограмма была краткой: «Приглашаетесь на съезд агрономов Омской области, который состоится 18 января 1991 г. ... и указано место проведения съезда. Через некоторое время раздался телефонный звонок, и один из организаторов съезда попросил Николая Дмитриевича выступить перед агрономами. Он согласился. Нужно было готовить выступление. К подготовке публичных выступлений он относился тщательно, выверяя каждую строчку. Ему легко работало в кабинете, но не у себя дома, а в административном здании хозяйства, которое язык не поворачивался назвать «конторой», поскольку здание было, как и подобает ему быть для такого масштаба хозяйства, не лишены роскоши, отделанное мрамором и армянским ракушечником, с просторными кабинетами и большими окнами. В проекте этого здания он, сам того не желая, воплотил другое: школу своего детства, в которой тоже были большие комнаты и окна.

В воскресенье, по хрусткому свежему снежку, выпавшему за ночь, он, выпив чашку любимого зеленого чаю, отправился на работу.

Напрасно супруга Светлана Алиевна убеждала не ходить в выходной день. Он был упрям во всем, что касалось священного слова «работа».

Включив настольную лампу в кабинете, он сел в кресло и положил перед собой чистый лист бумаги. Тяжелее всего давались первые строки. Надо было сделать серьезную заявку о чем-то программном, значимом... Пожалуй, вот так:

Получив приглашение принять участие в работе съезда, я ставил себе задачу избежать общего поражения синдромом политического фразерства, набившим сегодня не только оскомину, но и активно разрушающим наш и без того небогатый экономический потенциал. Однако, чем больше я раздумывал над вопросом, почему же научно-технический прогресс так часто и так далеко обходит нас, почему до конца не проявляются знания агронома или другого технолога сельскохозяйственного производства, а также насмотревшись, послушавшись и испытав на собственной шкуре за почти 30-летний период работы всякого, я понял, что совсем уйти от политики и здесь не придется.

Он на секунду задумался. Да, вот она – главная мысль, надо подчеркнуть: *...почва, пахля – самое ценное, что есть на нашей планете, всегда были яблоком раздора. Как с момента создания примитивного земледелия, так и до наших дней. Сам землепашец является продуктом творения своего времени. Приобретя себе, таким образом, индульгенцию на право некоторой связи с политикой, я прежде всего хо-*

тел бы посмотреть на истекший период советского использования нашими с точки зрения наличия объективных возможностей применения достижений научно-технического прогресса.

Были ли такие моменты в этой отнюдь не славной, а скорее трагической истории? Да, такие годы были: от замены продразверстки продналогом и до начала коллективизации, т. е. с 1921 по 1928 год. Уйдя от штыка продотрядника, истосковавшиеся по мирному труду крестьянские руки, помноженные на природный ум и на многовековую интуицию, сделали свое дело. Несколько лет мы превосходили довоенный уровень 1913 года, а по некоторым показателям этот уровень был побит только освоением целины.

Он встал. Похрустел пальцами. Подошел к окну, отодвинул штору: уваленная снегом площадь лежала полем. На мгновение перед ним промелькнули лица деда и прадеда – сибирских крестьян, пострадавших от репрессий. Его никогда не покидал вопрос: «За что?». Этот вопрос он сотни раз задавал самому себе и отказывался находить рациональное объяснение чудовищному произволу.

На белый лист ровными рядами ложились строки:

...Весь дальнейший путь развития сельского хозяйства – это переход от трагедии насильственной коллективизации к трагикомедии Продовольственной программы, осуществление которой закончилось массовым нищенствованием по всему миру в поисках продовольствия. Такой финал и должен был произойти.

Но сколько бы мы сейчас ни искали виновных, какие бы громы и молнии ни метали на их головы, положение будет только ухудшаться, ибо успех не в новых приступах крайностей, а в четком знании возможностей исправления ситуации.

В стране сегодня нет недостатка в программах возрождения сельских возможностей, но все они основаны главным образом на осуществлении крайне противоположных явлений, к чему не готова ни

...Но настоящее потрясение я испытал в Омске. Несмотря на то, что я перечитал к тому времени немало книг, а читать я любил, и теоретически я знал разницу между городом и деревней, но увиденное оказало на меня настолько сильное впечатление, что я долго не мог прийти в себя. Асфальт, трамваи, автобусы, кинотеатры, магазины, скверы, городской сад, парк, красивые чугунные решетки, электроэнергия, здания, архитектура – доступность всего этого буквально раздавила меня, я почувствовал себя униженным.

Это настолько прочно засело во мне, что многие годы спустя я спрашивал у себя, почему из этого ничего нет в деревне, почему и чем хуже сельские жители, за что они лишены всех этих благ?

Из воспоминаний НД. Лыхенко

материальная база сельского хозяйства, ни бюджет страны, ни самое главное – психология земледельца. В то же время мало что предлагается и предпринимается по эффективному использованию созданного. Достаточно знать сегодня психологию земледельцев в массе, чтобы понять, что период трансформации совхозов и даже колхозов в союзы фермерских хозяйств будет длителен и далеко не так прост, как это кажется с первого взгляда. Однако самым важным при этом будет не трансформация вообще, а одновременный рост производства сельскохозяйственной продукции, что является непременным условием противовеса зреющему социальному взрыву в обществе.

Таким образом, говоря об улучшении использования земли, сегодня вопрос мог бы быть сведен к минимуму – вопросу поисков эффективного использования созданных производственных структур. Этому я бы и хотел посвятить свое выступление.

Он вспомнил первую пору работы главным агрономом в совхозе. Шел 1962-й год, пролетели семидесятые, наступили восьмидесятые. На что уходила его неумная энергия теперь уже в качестве директора?

...Самым большим моим разочарованием после прихода на производство было не состояние материальной базы сельского хозяйства, не психология земледельца, она тогда была лучше, и даже не крайняя запущенность земельных угодий: в силу своего сельского происхождения я был готов ко всему этому. Самое угнетающее воздействие оказал и оказывает до сих пор запрет на осуществление классического построения производственной модели предприятия, в основе которого лежала бы научно-обоснованная возможность максимально эффективного использования пашни в тесном соединении с заинтересованностью работающих на ней. Мысль о необходимости подчинения всего остального в угоду природно-климатическим возможностям пашни кажется мне настолько очевидной, что, пройдя с доказательствами необходимости этого районные, областные и республиканские ведомственные инстанции и получив не только «отлуп», но и надежду на ее осуществление, побывав у трех последовательно сменявших друг друга министров сельского хозяйства России и не получив поддержки, получил зато лишнее подтверждение, что дело не только в не очень высокой профессиональной подготовке высоких руководителей, а в системе, воспитавшей не столько профессиональных борцов, сколько ведомственных солдат...

Да, несладко ему приходилось все эти годы. Поди-ка, повоюй с дураками от плановой экономики! Ветряные мельницы госаппарата успешно перемалывали в муку всех несогласных...

...Вся шестидесятилетняя история использования пашни со времен НЭПа и творческих возможностей агронома на ней была связана и связана по сей день указаниями структуры и объемов продажи государству продукции, производимой на пашине. Многие возразят, говоря, что обста-

новка с волюнтаризмом в производстве сельхозпродукции изменилась коренным образом. Дескать, теперь никто не определяет площади, сроки, способы сева и другие показатели производства технологи. Да, это так. Мы, слава Богу, ушли от дичайшего произвола в сельском хозяйстве, сравнимого по страшной силе разгрома, уничтожения и вырождения земледельца, надругательства над природой, равного разве что второму татаро-монгольскому нашествию, а то, пожалуй, и похуже. Но мы так и не пришли к здравому смыслу, застряли на половине пути.

Надо, чтобы каждый колхоз и совхоз самостоятельно мог построить классическую производственную модель. Под ней я понимаю самую высокоэффективную экономическую модель, основанную, прежде всего, на естественно-природных возможностях, на полном их использовании за счет гармоничного единства возможностей природы и действий земледельца. Для этого необходимо, чтобы само предприятие определяло структуру производства, объемы производимой продукции и объемы реализации.

Сегодня, хотя и не созданы полностью объективные предпосылки для построения классической производственной модели, но законодатели над ней работают, и мы, наконец, подошли и к продналогу. Хочется надеяться, что наступают времена, когда структура использования пашни будет формироваться не в Москве и не в Омске, и даже не в кабинете директора, а в голове арендатора пашни. И говоря именно об этом, мне хотелось бы поделиться некоторым опытом.

В душе он не очень-то любил, когда в хозяйство приезжали делегации за опытом, но осознание того, что едут к нему, приятно щекотало самолюбие, придавало сил для последующей борьбы и рывков к самостоятельности, к тому же природное украинское хлебосольство обязывало. Для особо важных делегаций и гостей он приказал оборудовать отдельное помещение в столовой. На одной из стен этой комнаты была картина из его детства: лошади в ночном, ребятишки у костра,

А делегации все едут и едут

звездное небо... Красивая мебель, красивая посуда – он знал, какое это имеет большое значение для тех, кого встречали. Делегации приезжали отовсюду, даже из-за рубежа, надо было организовывать встречи на высшем уровне. С утра давались распоряжения по забою скота и парная говядина, либо свинина поступала к повару в точно намеченное время. Изюминкой его хлебосольного стола были: то баранина с черносливом, то особо мелкие пельмени, которых можно было зачерпнуть ложкой штук пять и сразу отправить в рот, то украинские домашние колбаски, обжаренные в масле до нежной хрустящей корочки.

Он прошел в комнату отдыха рядом с кабинетом, заваленную сувенирами, подарками, которым не нашлось места дома. Поставил чай, вернулся за рабочий стол и вновь принялся за работу...

...В начале 1986 года решением секретариата Омского обкома КПСС нашему предприятию предоставлена возможность в рамках установленного на общих основаниях госзаказа самим, насколько это возможно при госзаказе, формировать структуру использования пашни, структуру животноводства и размеры его поголовья. С выходом в свет Закона СССР «О государственном предприятии» с 1988 года были коренным образом пересмотрены вопросы управления производством и экономические отношения. Все производство в предприятии было переведено на арендные отношения со сделным авансированием и выплатой итогов по расчетным ценам и покупкой совхозом у арендаторов продукции, произведенной сверх договора, по государственным закупочным ценам. В управлении предприятием была упразднена структура отделений и сокращено более 20 человек управленческого персонала, образовано около 50 хозрасчетных подразделений, заключивших договор с руководителем предприятия на производство различных видов сельскохозяйственной продукции.

Господи, как это все было непросто. На бумаге – просто, а сколько ему пришлось пережить неприятных минут, сколько было непонимания! Природа тоже проверяла на прочность...

...Из пяти последних лет в степной зоне области, где расположен совхоз, четыре были неблагоприятны для земледелия и сельского хозяйства в целом. В этих условиях производство зерна в массе снизилось, но благодаря творческому подходу к вопросам структуры использования пашни производства в целом экономика предприятия значительно улучшилась. Среднегодовая прибыль в сравнении 11-й и 12-й пятилеток увеличилась в 2,5 раза и достигла в 1990 году 5,6 млн. рублей, рентабельность выросла в 1,8 раза. Возросло производство кормов, улучшилось их качество и структура, увеличилось среднегодовое производство всех видов продукции животноводства, в т. ч. молока – на 23 процента, баранины – на 20 процентов. Освоено производство твердой пшеницы, продажа которой в 1990 году превысила 1600 тонн. В 6 раз увеличилась продажа масличных, часть

которых в 1990 году продана за валюту на внутреннем рынке страны. Продается за валюту на внутреннем рынке часть продукции животноводства.

Тут он решил не скромничать, а показать агрономам области главную фишку.

...Эффект разорвавшейся бомбы произвел факт освоения арендаторами пашни технологии производства гречихи. В 1990 году на площади 850 га урожайность ее составила 17 центнеров с гектара. Продано государству 1100 тонн зерна гречихи, что составило областной план. Агропромышленный комитет Омской области и Минсельхозпрод России до сих пор пребывают от этого факта в шоковом состоянии, думают, как же отметить совхоз за это. По последним слухам, якобы, хотят премировать автогрейдером. Спасибо! Нам это подходит. Передвижные пчеловильоны, которыми было собрано в прошедшем году 13 тонн меда, и которыми мы будем собирать в ближайшие два года минимум 50 тонн, надо возить по ухоженным полевым дорогам.

Одним из самых главных наших достижений последних двух лет я считаю факт освоения производства кукурузы на зерно на основе применения технологии и семян зарубежных гибридов фирмы «Пионер», воспроизводимых на Украине агрофирмой «Заря». Эти гибриды обладают рядом преимуществ по сравнению с отечественными: сочетают в себе способности короткого вегетационного периода с высокой урожайностью, что позволяет возделывать их в степной зоне Сибири с урожайностью 50-60 центнеров с гектара и более. И не только в аннотации, а в системе практического ведения производства на достаточно большой площади. Они лучшие приспособлены для машинной уборки, т. к. початки созревают одновременно и расположены на растениях на одном уровне, сохраняют зеленый стебель при зрелых зернах. В 1990 году в совхозе было произведено 300 тонн гранул из кукурузных початков, убранных с влаж-

Первый секретарь райкома партии Г.П.Щеглаков вручает переходящее Красное знамя Н.Д. Лыхенко

ностью зерна 25 процентов. Урожайность в пересчете на зерно стандартной влажности составила 43 центнера с гектара.

Значение этого факта трудно переоценить. Простые расчеты показывают, что замена зернофуражных культур кукурузой, с переработкой початка на корма, способна высвободить из этих площадей до двух третей пашни, которую можно направить либо на увеличение валовых сборов кормов и на этой основе значительно увеличить производство продукции животноводства, либо под зерновые культуры, обеспечив увеличение производства хлебных или крупяных культур. Вопрос в том, чтобы на территории России в благоприятных зонах создать несколько совместных предприятий с фирмой «Пионер» для крупного производства семян на основе импортируемых исходных форм гибридов типа «Скандия».

Работники животноводства знают как сильные, так и слабые стороны кукурузного зерна при использовании его на корм скоту. Для высокоэффективного использования большого количества углеводов кукурузы необходим белок. С этого года мы начнем освоение технологии производства сои на зерно и рассчитываем на помощь СибНИИСХоза.

Успешное решение этих вопросов способно оказать революционное воздействие на приrost производства продукции животноводства. Сегодняшнему уровню производства продукции совхоз обязан непрерывному апробированию и внедрению научных достижений. Достаточно сказать, что в 1990 году оплата договорных разработок с различными институтами составила 102 тыс. рублей.

А кому это будет интересно? – подумал он. Располагая обширными знаниями, он лишь у немногих людей наблюдал желание пообщаться с ним не поверхностно, а по-настоящему. С такими собеседниками ему было интересно. На бумагу продолжали ложиться ровные строки.

...В настоящее время сельскохозяйственные предприятия оказались в условиях экономического самовывживания, и последствия этого в целом оказались плачевны. Снизились капитальные вложения в производство и социальную сферу. В этих условиях архимедовым рычагом, способным преодолеть эту крайне отрицательную тенденцию, несомненно, является активное использование научных разработок и, как следствие этого, поднятие экономики на новую ступень. Пришло время не только жаловаться на отсутствие должного внимания к нам, но и доказать, что мы способны позаботиться о себе и сами.

В июле прошлого года исполком Омского областного Совета было принято решение № 203 «О проведении эксперимента по освоению нового хозяйственного механизма в совхозе «Екатеринославский». В августе был издан одноименный приказ агропромышленного комитета. В основу этих документов положен замысел предоставления предприятию широких полномочий самостоятельности, вплоть до отсутствия госзаказа. Работа сложная, тем паче в условиях всеобщей нестабиль-

ности. Мы пошли на эту просьбу в надежде еще более укрепить экономику совхоза, а самое главное – иметь возможность свободного маневра в использовании нашей основной ценности – пашни. Мы хотим подойти к планированию структуры использования пашни каждым хозяйственным коллективом на основе предлагаемых расчетных или государственных закупочных цен.

В прошедшем году мы распространили в коллективах акции на 100 тыс. рублей с неограниченным дивидендом на приrost рентабельности и минимумом в 5 процентов. Рассчитываем на крупное, в несколько раз, увеличение акционерных денежных средств в текущем году. Планируем привлечь в предприятие все сберегательные вклады населения. Целью этих мероприятий является образование живой неразрывной связи каждого работающего с предприятием не идеологическими подпорками – люди устали от них, а материальной пуповиной, что естественно, а значит, просто и понятно. В текущем году занимаемся совершенствованием договорных отношений производственных хозяйственных подразделений с администрацией, между подразделениями.

Он посмотрел на часы и понял, что перебрал лимит времени, негласно установленный его супругой для работы в выходной день. Но, все, что он хотел сказать, он изложил на бумаге, оставалось закончить.

...Конечной целью всех наших замыслов является постепенное превращение совхоза в союз коллективных предпринимателей, работающих на системе договорных отношений с активным участием личных денежных средств. Нам представляется, что это одна из немногих возможностей создания новых производственных сельскохозяйственных структур, которая будет способна работать на более высокой по эффективности ступени и, постепенно совершенствуясь из года в год, наращивать производство сельскохозяйственной продукции.

Его выступление слушали так, как слушают первую скрипку большого оркестра.

Венгерская делегация в гостях у Лыхенко... в сопровождении Г.П. Щеглакова

«В Москве все найдешь, кроме родного отца да матери».
«Москва ржі не молотит, а лучшие деревенского едят».
«У Москві все знайдеш, окрім рідного батька та матері».
«Москва іржі не молотить, а краще сільського їдять».
 Народные пословицы

ПОСЛУШАЙТЕ...

Один день в гостях у Президента СССР

Что значит один день в жизни человека, района, страны, континента, планеты, вселенной? В жизни человека может быть и ничего, но с возрастанием величин нарастают и события. В один из дней, когда мы ни о чем не подозреваем, во вселенной может вспыхнуть сверхновая звезда, и колоссальное количество энергии рассеется в космосе, на каком-то из материков планеты может произойти природная катастрофа и измениться ландшафт, в странах мира произойдут сотни и тысячи маленьких и больших событий, оказывающих влияние на народы, населяющие их. Выходит, каждый день для нас значит многое, дни же, складываясь в недели, месяцы и годы, и есть – история.

1991 год начался во вторник. Обычный вторник для директора совхоза Николая Лыхенко. Он не был ясновидящим и не мог знать, что преподнесет новый год. А между тем судьба готовила ему сюрприз в конце года. Какой? Немного терпения.

Екатеринославцы глухо поговаривали о какой-то денежной реформе, связанной с обменом денег, не ожидая ничего хорошего от министра финансов страны господина Павлова, за короткую стрижку прозванного «ежиком». Общий фон событий был таков:

10 января — Президент СССР М.С. Горбачёв обратился к Верховному Совету Литвы с требованием восстановить на территории республики действие Конституции СССР и Конституции Литовской ССР.

13 января — попытка государственного переворота в Литве. Создан «Комитет национального спасения», провозгласивший себя единственной законной властью в Литве.

14 января — в час ночи отряд спецназа и группа «Альфа» взяли штурмом телебашню в Вильнюсе. Население оказало массовое противодействие захвату. В результате операции погибло 14 человек.

20 января — рижский ОМОН захватил здание МВД республики. В ходе перестрелки в центре Риги погибло 4 человека.

22 января — Кабинетом Министров СССР принято постановление «О прекращении приёма к платежу денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года и порядке их обмена и ограничении выдачи наличных денег со вкладов граждан».

В феврале Шербакульское отделение Госстата сообщило об итогах социально-экономического развития района за 1990 год. В разделе «Аг-

ропромышленный комплекс» фигурировал в качестве положительного примера совхоз «Екатеринославский». Впервые в совхозе 80 гектаров кукурузы было убрано на зерно. Урожайность составила 41 ц с гектара. А успех совхоза по выращиванию гречихи позволил продать ее государству в количестве 1101 тонну или 3 годовых плана района! Доля совхоза в выполнении районом плана продажи масличных культур составила 67%.

17 марта — состоялся Всесоюзный референдум о сохранении Союза ССР. Шербакульцы сказали Союзу «Да».

20 марта в Шербакульский район пришли 16 посылок из Германии с гуманитарной помощью, которая была распределена среди неимущих.

Николай Дмитриевич с тревогой следил за событиями, особенно беспокоил резкий скачок цен, он понимал, что реформы в очередной раз скажутся на населении, но он также понимал неизбежность реформ.

В один из февральских дней 1991 года он получил приглашение в Москву на встречу с М.С. Горбачевым. Появилась возможность напрямую сказать первому лицу государства все, что наболело в душе, сказать, как живет деревня, содрогаясь под ударами реформ, и не просто сказать, но и предложить свое видение решения проблем. Село требовало бережного подхода, а не ломки через колено.

Но уже неслись крики псевдодемократов о том, что пора государству прекратить помощь деревне, ибо она – российская деревня – бездонная «черная дыра», в которую что ни давай, все исчезает бесследно и без пользы. И никто не вспоминал о том, что благодаря деревне, ее крови, слезам и поту, страна стала великой индустриальной державой, что первая, еще царская индустриализация 1913 года тоже шла за счет деревни, а точнее, за счет переселенцев, которые платили миллионы рублей за технику и инвентарь, а к 1917 году оставались должны кредитора огромные по тем временам деньги.

Государство – вечный должник российской деревни, вознамерились ее окончательно добить, опутав неподъемными кредитами, забыв

...Прозвище «черная дыра» заработано сельским хозяйством не по воле работающих там людей. За это надо спрашивать с высших эшелонов власти, с тех, кто формировал так называемую «ленинскую» аграрную политику, суть которой была в следующем: тотальное управление контрольными цифрами, обусловленное технологией, заданной структурой стада и пашни, не позволяло проводить поиск иных вариантов. Отсутствие мотиваций у работающих сверху донизу. Командное, без мотиваций, сельское хозяйство не могло принести высоких результатов. Развитие экстенсивным путем, отсталость научно-технического прогресса в сельскохозяйственном машиностроении и т.д.

Из воспоминаний Н.Д. Лыхенко

о том, что и для сибирской деревни нужны дороги, комфорт, а иначе обезлюдеет она.

Москва всегда вызывала у Николая Дмитриевича противоречивые чувства. С одной стороны, он восхищался тем собранием сокровищ человеческого гения, которые накопила столица за годы своего существования: музеями, картинными галереями, тем, что в них, архитектурными шедеврами, памятниками, с другой стороны, Москва представлялась скопищем министерств, ведомств, эдакой забюрокраченной столицей, которая свысока глядела на провинциалов и помыкала ими, как ей заблагорассудится.

В одной из своих полемических статей он назвал всю эту бюрократическую рать, управлявшую огромной страной, «кремлевскими капельмейстерами». Как человеку самостоятельному и ищущему, ему не нравились те фальшивые ноты и нотки, которые эти самые «капельмейстеры» заставляли извлекать по ходу жизни всех, кто был ниже рангом, либо находился в подчиненном положении.

Но, как человек здравомыслящий Николай Дмитриевич понимал, что «плетью обуха не перешибешь», и скрепя сердце принимал правила игры, установленные в большой империи под названием – СССР. Впрочем, что-то было и разумное в том мироустройстве, что-то совпадало с его мыслями, устремлениями, и тогда от этих совпадений получался великолепный результат, но даже в этих случаях ему приходилось «подталкивать» совпадения, где крестьянской сметкой, где хитростью, где разумными доводами. Единственное, чего он не мог терпеть, – самодовольных невежд. Весь свой сарказм, дар публициста он обращал против таких людей. И не важно в глаза ли он говорил, за глаза ли, те, кому нужно было, узнавали себя и становились его личными неприятелями, завидовали его успехам и при случае всегда старались «услужить».

И все-таки, как всякий русский, он любил суматошную, полнонародную, расхристанную свою столицу. Он любил ранним свежим утром выйти из гостиницы «Россия», в которой частенько останавливался по делам, чтобы пройтись по Красной площади, еще пустынной, мимо громады собора Василия Блаженного.

Как человек, знающий цену труду, он не переставал восхищаться дерзостью архитекторов и строителей храма, ставшего символом России. Его поражали разноцветные купола, тесно сгрудившиеся вокруг центрального купола. Все было в этом соборе: и роскошь Византии, и готика Европы, и величие итальянского стиля.

Он живо представлял себе, как после постройки столь великолепного храма, царь Иван Грозный пригласил к себе зодчего и спросил, может ли он построить подобный храм или еще более красивый? Зодчий ответил, что сможет. Тогда царь повелел ослепить его, чтобы храм Василия Блаженного оставался единственным в мире. Было ли так на

самом деле или не было, никто не знает. Подивившись в который раз на красоту собора, он шел по брусчатке Красной площади и останавливался у Лобного места. Много событий прошло через эту точку пространства российского. Вещали с этого места цари свою волю, проливалась кровь приговоренных к казни бунтовщиков, восходили на это место и патриархи русские, потому как Лобное место было символом иерусалимской Голгофы.

После 1917 года явственно обозначится крестьянская Голгофа, которую не минут родичи Николая Дмитриевича: дед и прадед, а также многие земляки его. Вечная им память!

Задумавшись, он на минуту останавливался у памятника Минину и Пожарскому. Мещанин и князь повели за собой народ и изгнали захватчиков из Кремля. Не бояре, не правители тогдашней Руси, продавшиеся полякам, спасли российскую государственность, а народ, ведомый нижегородскими героями! Лаконичная надпись на памятнике «ГРАЖДАНИНУ МИНИНУ И КНЯЗЮ ПОЖАРСКОМУ БЛАГОДАРНАЯ РОССИЯ. ЛЬТА 1818», как нельзя лучше говорила о том, что сделали они для Родины. С молоком матери впитывал Николай Дмитриевич то, что называется патриотизмом, но это был не тот официальный патриотизм, пропагандируемый часто неумело, а тот патриотизм, который выковывается самой жизнью пополам с горечью и болью за происходящее вокруг.

Революционный некрополь в Кремлевской и у Кремлевской стены, мавзолей он воспринимал как данность. Ему – человеку Советской эпохи не нужно было переосмысливать историю, для себя он давно все переосмыслил и нес этот груз в сердце. Кто-то публично сжигал свои партбилеты, ему же не нравилась показная публичность, вдруг появившаяся «смелость» у тех, кто раньше пел дифирамбы в адрес «могучей и великой партии Ленина».

Его отец был коммунистом и погиб коммунистом в Великую Отечественную, защищая Родину. Николай Дмитриевич останавливался у

Собор Василия Блаженного для Николая Дмитриевича больше чем собор. Он – символ талантливой России

вечного огня в Александровском саду, внимательно вчитывался в скупые строки на гранитных плитах: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен». Он вспоминал тот декабрьский день 1966 года, когда прах неизвестного солдата переносили в Москву, вспоминал, как он, набиравшийся опыта главный агроном Екатеринославского совхоза, с замиранием сердца слушал трансляцию по радио о великом для страны событии. В сполохах вечного огня трепетала живая душа его отца. Миллионы молекул вечного огня, как миллионы погибших на прошлой войне, устремлялись в московское небо. Может оттого это небо часто бывает хмурым и плачет дождями?

Тот московский день, 26 марта 1992 года, Николай Дмитриевич запомнил до мелочей. Еще бы! Он в числе других ста человек – главным образом руководителей сельхозпредприятий страны – был приглашен к первому и последнему Президенту СССР Михаилу Горбачеву на совещание по проблемам сельскохозяйственного производства.

Денек предвещал быть хорошим. Солнце отражалось в многочисленных куполах кремлевских церквей. Шлемоносная колокольня Ивана Великого с молчащими колоколами возносилась в поднебесье, как белый космический корабль, летящий в неизвестность.

Совещание проходило в Мраморном зале ЦК КПСС, рассчитанном на определенное количество приглашенных. Михаил Сергеевич вошел в зал бодрой походкой... Вспоминая тот день, Николай Дмитриевич рассказывает:

- Неприятное ощущение появилось сразу же после того, как представили слово председателю колхоза им. Свердлова Ставропольского края и наивно-радостного восклицания Президента: «Это же мое Привольное. Моя родина!». «Безусловно, – подумал я, – сообщение с родины всегда приятно и, тем более, для столь занятого человека, каким является Президент, но когда же лизоблюдство и подхалимство перестанут, наконец, быть нашим стилем работы?! Может быть, уважаемому председателю колхоза надо было дать слово в числе последних, и тогда это было бы гораздо естественней».

Председатель же колхоза, пока я думал над этим фактом, бодро докладывал, что колхоз уже существует только формально, вместо него есть союз 23-х кооперативов, которые дружно идут к новым рубежам. Я изумился и вспомнил, как у нас в совхозе люди недоверчиво четыре года назад переходили на арендный подряд и что по истечении этого времени у большинства работающих не наступило и по сей день психологического перелома в понимании новых экономических отношений, и что мы сейчас не можем пока перейти на классическую модель аренды. Откладываем это из года в год только потому, что работающие не видят в том необходимости.

Вспомнил я и о собраниях, которые мы сейчас проводим по совхозу. На них обсуждаем вопросы о путях трансформации государственного со-

вхоза «Екатеринославский». Вспомнил о том, сколько мы провели дискуссий на эту тему, пока не пришли к выводу о необходимости просить благословения у трудовых коллективов на тщательную проработку вопроса о превращении нашего совхоза в народное предприятие с коллективной формой собственности и участием акционерного капитала. Благословение мы получили, но и восторга никто не высказал. Срок возможной трансформации предлагался до 1995 года. А тут – раз... и сделали. Что-то не то.

Пока я так рассуждал, на трибуне уже стоял директор совхоза, то бишь бывшего совхоза, преобразованного в союз крестьянских хозяйств из южного Казахстана. Союз добился крупных успехов по увеличению производства продукции, экономического расцвета и могущества за короткое время, достигнув уровня рентабельности 35 процентов. «Стоп-стоп, – сказал я себе. – Южный Казахстан – это огромные площади, это хлопок, овощи, бахчевые, виноград. Культуры высоко-рентабельные, да и объективные возможности орошаемого земледелия высокие. Почему же с гордостью преподносится цифра 35 процентов. Значит, было явно меньше. Значит, был полный развал и беспорядок, только в силу этого 35-ю процентами рентабельности можно гордиться. У нас в совхозе, – продолжал рассуждать я, – за прошедший год рентабельность составила 83 процента, а ведь год плохой был по погодным условиям. Выходит, союз-то создали ради вывески, а не ради дела».

И горько мне стало, и обидно. Обидно за нашу низкую культуру, способную только на идолопоклонство, обидно за Президента, которого ублаживают сельские капитаны-краснобаи.

Были, конечно, и хорошие выступления. Поразили широтой и глубиной мышления выступления директора птицефабрики из Нижегородской области, председателя одного из колхозов Дагестана.

Но и эти, и другие хорошие выступления замыкались, главным образом, на реформизме экономических отношений в сфере сельско-

Царь-пушка – не плуг, землю не вспашешь, но тоже символ талантов российских!

хозяйственного производства, и почти не было голосов о необходимости рассмотрения сельскохозяйственной проблемы в комплексе. Вспомнил, слушая выступления, и другое аналогичное совещание (октябрь 1988 года), там же, в ЦК КПСС, и вел его М.С. Горбачев. Только тогда у него тон был более оптимистичный и вид значительно лучше – здоровей. Но разговор был и тогда односторонний. Эйфория новых экономических отношений аренды заслонила тогда все остальное.

Так размышлял я, сидя в мраморном зале ЦК КПСС на совещании капитанов сельского хозяйства, которое вел Президент СССР М.С. Горбачев. Когда надоело слушать, я, как и на совещании в 1988 году, послал записку в президиум на имя Президента с просьбой дать слово для выступления. Слова мне не дали, как и в 1988 году. А жаль! Хотел же я сказать следующее.

Уважаемый Президент! Уважаемые коллеги!

Государственное предприятие, которым я имею честь руководить, имеет тоже высокие показатели для нашей зоны и тоже не гнушается новых веяний: четвертый год все производство работает на принципах арендного подряда, многое уже делается сейчас для трансформации государственного предприятия в народное с коллективной формой собственности и значительным участием акционерного капитала. Но я приехал сюда и попросил слова не для того, чтобы рассказывать об одной песчинке из сельскохозяйственной горы. Я хотел бы использовать сегодняшнюю высокую трибуну и свой почти 30-летний опыт работы в сельском хозяйстве для того, чтобы поделиться мыслями, что же нужно сделать, чтобы сельскохозяйственная гора рожала вся и все больше и больше. И поможет ли этому сегодняшнее совещание? Беру на себя смелость утверждать, что нет, не поможет, как не помогло и аналогичное совещание 1988 года. И только потому, что мы рассматриваем сельскохозяйственные проблемы по частям, вместо выработки аграрной политики перестройки в комплексе.

Достаточно вспомнить истоки сегодняшнего положения в сельском хозяйстве. В свое время принудительная коллективизация уничтожила не только цвет крестьянства, не только стимулы к труду, но и родила невиданный по глубине и силе страх. Страх работать самостоятельно, страх перед официальной и ведомственной властью. Длительная политика, направленная на игнорирование гражданских прав на селе, сознательный курс на постоянную нищету крестьянства, отринула стимулы к жизни на селе вообще. Длительное уродливо безграмотное командование, созданное на селе в результате коллективизации и ого-

сударствления крестьянина производственными структурами, сделало его невосприимчивым к научно-техническому прогрессу.

Отсюда становится ясно, что сельский труженик сегодня искалечен духовно системой, и строить планы на этом фоне взрывного увеличения производства продукции – не более чем опасные заблуждения, которые приведут к массовым выступлениям, к таким потрясениям, о которых мы сейчас просто не задумываемся. И чем дальше мы уходим от существа вопроса, тем ближе мы подвигаемся навстречу возможной катастрофы. Шесть лет перестройки ушло на выработку политики перестройки, которая и концептуально не проработана до сих пор. Где уж нам говорить о детальной аграрной политике, которой как не было, так и не предвидится.

Аренда, фермерство – понятия, могущие выступать и должны выступать как детали целостной сельскохозяйственной политики.

Сегодняшний день проигран – давайте выиграем завтрашний. Чтобы его выиграть, необходимо обратить взоры к тем, кто придет на производство завтра. И в этом большом

вопросе, мне думается, должна найти решение проблема, отражающая пересмотр подготовки учащихся в школах и профтехучилищах. В последних главное внимание должно быть уделено не изучению общеобразовательных дисциплин (это дело школы), а глубокому изучению сельскохозяйственных технологий с учетом мирового опыта, тщательному изучению техники. Самым важным здесь должно стать изучение влияния НТП на рост производства продукции, выгоды его применения, знание экономики производства, ведения фермерского хозяйства. Думаю, что необходимо в течение 3-4 ближайших лет превратить сегодняшние совхозы и колхозы из комбинатов коммунальных предприятий и социальных зашит, у которых где-то

...Стало ясно, что эйфория – это не что иное, как самолюбование высших партийных структур, мы, дескать, теперь можем себе позволить обсуждать и это.

Выступления на совещаниях не затрагивали главных проблем, накопившихся к тому времени, а носили местный локальный характер.

Я принял решение на такие совещания больше не ездить и веру в перестройку потерял.

Из воспоминаний Н.Д. Лыхенко

на задворках находится производство, в действительно производящих сельскохозяйственную продукцию, где производство станет основной заботой. Сделать это можно, передав всю социальную сферу и коммунальные объекты на баланс сельским Советам, у которых в связи с этим серьезное дело появится едва ли не за все годы существования нашей системы. В нашем предприятии сегодня из 31 млн. основных средств – 12 млн. руб. – фонды не сельскохозяйственного назначения. Ни в коем случае не надо повторять печальный опыт коллективизации, искусственно ускоряя процессы внедрения и развития новых экономических отношений – аренды, фермерства.

Надо подключить к разработке общих программ внедрения новых отношений региональные научные и научно-исследовательские с. х. центры, не допуская опережения законов, извращения их. Многое здесь будет зависеть и зависит сейчас от качеств руководителей сельскохозяйственных предприятий. И здесь, как мне представляется, требуется значительное обновление тех, кто привык работать по командам, указкам, недостаточно компетентен и профессионален. Замена таких людей – дело сложное.

Возникает извечный вопрос – где брать новых? Смотреть внимательно и находить. Убеден, что без кадровой перестройки не обойтись. Изменить отношение к руководителям – резко повысить оплату за высокий профессионализм, высокие результаты предприятия, платить за воплощенный интеллект. Поручить региональным научно-исследовательским центрам разработку программ использования НТП, ведущего к взрывному увеличению производства продукции, разработать механизм его применения. Пересмотреть вопросы сельскохозяйственного машиностроения, обратив особое внимание на срочную необходимость замены фрагментарности механизации сельскохозяйственного производства, на его комплексность, широко использовать опыт мирового машиностроения. Изыскать возможности привлечения иностранного капитала на обновление базы сельскохозяйственного машиностроения, закупки лицензий на машины и комплексные технологии сельскохозяйственного производства. Создать валютный сельскохозяйственный банк для приобретения за рубежом колхозами, совхозами, фермерами технологий, машин и оборудования по переработке и хранению продукции, дающих крупное увеличение продукции и приносящих революционные изменения в деле ее сохранности.

Для решения многих вопросов животноводства создать современную комбикормовую промышленность, что равносильно приросту продукции животноводства на одну треть. Дать всем производителям сельскохозяйственной продукции одинаковые стартовые

возможности, убрав госзаказ совсем, оставить продналог, размер которого должен быть определен специально. Одновременно с 1992 года снять государственный контроль над ценами на всю сельскохозяйственную продукцию, производимую сверх продналога.

Предлагаемые вопросы отнюдь не исчерпывают комплекса мер, необходимых для выработки аграрной политики, но, считаю, они должны быть внимательно рассмотрены при выработке таковой...

Всего этого не услышал Михаил Сергеевич. А может, и не хотел слышать? Он был озабочен глобальными проблемами. Николай Дмитриевич в число этих глобальных проблем не входил. К тому же его выступление могло нарушить стройный хор подголосков, и кому-то из инструкторов ЦК КПСС здорово бы влетело за недосмотр.

Совещание закончилось. Михаил Сергеевич, не задерживаясь, покинул собрание. Участники встречи, полагавшие, что президент может спуститься к ним для неформального разговора, подождав немного, стали расходиться. Мраморный зал опустел.

Николай Дмитриевич шагал по Москве и думал, что если и доведется быть приглашенным на высокое совещание, то поедет он только в случае гарантии предоставления слова. Вот только прислушаются ли? А так хотелось бы, чтобы прислушались.

Однажды, когда он еще не был пресыщен Москвой, ее достопримечательностями, он, гуляя по Кремлю, с восхищением вглядывался в детали Царь-Пушки и Царь-Колокола. Великие сии творения рук человеческих: громадная пушка, ни разу не стрелявшая, и громадный шестиметровый колокол, ни разу не звонивший, вдруг представились ему символами талантливой, могучей и... молчащей России.

Послушайте...!

М.С. Горбачев так и не услышал Н.Д. Лыхенко. А зря!

*Чей двор, того и хоромы; чей берег, того и рыба;
чей конь, того и воз; чья земля, того и сено.
Мужик умирать собирайся, а земельку паши.
Народные пословицы*

ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

Самой судьбой Николаю Дмитриевичу было определено работать на земле и с землей. Родился он 27 мая по новому стилю. В Русском Месяцеслове это день Блаженного Исидора, Ростовского чудотворца (1474). Имя Исидор (Сидор) с греческого означает – Земледелец. По старому же стилю дата его рождения приходится на 14 мая, то есть на Иеремию, или как говорили на Руси «на Еремея». Этот день назывался Запрягальником (или Запашником). Такое название дня памяти пророка Иеремии связано отчасти по созвучию со словом «ярмо» (упряжь для скота), а также с тем, что святой во дни своих пророчеств носил на шее деревянные колодки, по народному «ярмо». В этот день с помощью подъяремных животных начинались сельские работы – тяжелые как для людей, так и для скота. Перед севом обязательно соблюдали ритуал: бросали в каждую сторону света по горсти жита и просили у матери-земли хорошего урожая. С раннего утра мужик отправлялся в поле. Шел по пашне босыми ногами. Рубаху одевал льняную, белую, без исподнего, чтобы тепло земли через ноги и тело к человеку поднималось, рукам передавалось, а от рук его – зерну, которое с теплом человеческим в землю ложилось. Родившийся в этот день тружеником слыл, был к вожжам научен. А чтобы привыкал он с малства к мужицкому труду, полагалось в этот день материнскими руками похлестать его легонько вожжами.

Не знаю, соблюла ли этот древний обычай мать Николая Дмитриевича Анастасия Емельяновна, но даже, если и не соблюла, то ничего от такого несоблюдения Николай не потерял, потому как привыкал к труду с малых лет. Вот как он вспоминает о том времени:

...Сложностей хватало. В каждом дворе была корова-кормилица, без нее деревня бы в то время просто вымерла. Но корова была и тягловой силой. Особенно тяжело приходилось буренкам летом. Весной вспашка личных огородов на коровах, в лес за ракитником, который рубить разрешалось или собирать в березовых колках так называемый сушняк, опять корова, месить навоз или глину – снова в ходу корова. Хорошо помню, когда после вспашки огорода мать плакала, присаживаясь доить корову, и просила у нее прощения.

Мать, стремясь сделать нашу жизнь более сносной, работала в школе в две смены, т.е. была в школе почти целый день, и мы дома все

рано научились выполнять домашнюю работу. Приготовить нехитрый вначале, а затем и более достойный обед, помыть или подмести пол, обиходить корову, наносить из колодца или навозить из озера воды, истопить печь, постирать рубашку и десятки других домашних дел, включая работу в огороде, всему этому мы в семье научились рано. И хотя теперь, оценивая весь путь нашей мужественной мамы, я думаю, что мы доставляли матери не только радости и могли бы быть еще лучшими помощниками нашей маме, но, наверное, каждому возрасту свое, и приходится горько сожалеть, что у мамы были основания и обижаться на нас.

Но выпадали и радостные минуты. Хорошо помню, как на торжественной линейке по случаю открытия нового учебного года, когда я перешел в четвертый класс, стоя в линейке с другими учениками, заметил одобрительные улыбочивые взгляды учителей, направленные в мою сторону, и их короткий обмен разговором с мамой. Дома я спросил маму, о чем они говорили. Она ответила: «Им понравилась твоя чистая белая рубашка с подсиниванием, их заинтересовало, кто стирал ее, и я отвечала, что ты сам».

Вторым кормильцем был огород. И многое по уходу за ним мы делали сами. Особенно досаждала работа по удалению сорняков щиряцы и лебеды. В огороде выращивали и припасали на зиму кроме картофеля тыкву, горох, фасоль, свеклу, морковь, бобы, капусту, огурцы. Всегда солилась большая бочка капусты с огурцами, зелеными помидорами (красных по тем годам не помню). Мать сама много работала в огороде и нас побуждала. До сих пор помню ее слова: «Вставайте, дети, пойдём в огород, а то зима придет и спросит, где лето было».

Было трудно, но в других семьях было еще труднее, скажу большие, семьям тех, кто получал деньги, завидовали. Ведь в семьях колхозников

**Опять картошка!
Братья Николай и Александр
помогают матери.
К труду приучены с детства**

денег не видели, исключая случаи, когда что-то из личного хозяйства продавалось на районном рынке. Семьи колхозников не менее трети огорода засеивали коноплей. Из ее волокна, а процесс этот очень трудоемкий, ткали ткань и шили белье, а в иных семьях красили и одежали как верхнюю одежду, а жареные семена конопли были самым изысканным лакомством среди детей моего возраста. До сих пор помню этот вкус. Особенно бедствовали несколько семей эвакуированных, проживающих в селе. По соседству с нами жила такая семья Ермаковых из Брянской области. Жила на грани нищенства. Там росли и наши сверстники, и мы с нашего полуголодного стола ухитрялись выкраивать что-то для них. Хорошо это помню. Зимой в школу они не ходили, просто было не в чем: ни одежды, ни обуви.

Летом колхоз привлекал детей на прополку посевов. Собирались рано утром с котомками и водой, везли нас на лошадей, на краю поля расставляли в шеренгу, каждому отводилась полоса шириной 4-5 метров. В пределах этой полосы каждому надо было выдернуть все сорняки руками и положить выдернутый сорняк в междурядья так, чтобы не примять посева. Особенно тяжело было выдергивать полынь, а еще хуже было дергать колючий осот голыми руками. За качество строго спрашивали, платили за работу начислением трудовых, по которым чаще начислялось мизерное количество зерна. Целый день надо было ходить под жарким солнцем, иногда попадали под дождь, промокали до нитки. Читать я научился еще до школы и до школы еще перечитал все учебники по родной речи до 4 класса, и когда перешел в пятый класс, мать иногда просила меня помочь проверить тетради школьников с 1 по 4 класс, которые она приносила из школы большими стопками. Гордый таким доверием, я охотно ей помогал.

Ничуть не преувеличу, если скажу, что Земля в представлении Николая Дмитриевича – одухотворенное существо. Даже теперь, когда он постиг почти все премудрости агрономической науки, защитил кандидатскую диссертацию, написал десятки статей на темы обработки земли, он, рассуждая о земле-кормилице, не перестает удивляться мудрости Творца, создавшего такое чудо, как почва, которая сама, будучи живой, рождает живое для прокормления всех существ, населяющих планету.

Поле. Труд. Книга. Это три источника и три составных части науки от Лыхенко. На поле он проводил эксперименты. Трудом добивался нужных результатов. В книгах искал и ищет ответы на поставленные вопросы. Наука о земле – для него не догма, а творческое начало. Всегда начало, подобно тому, как каждый новый приход весны начинает сельскохозяйственный год.

«Наша студенческая юность прошла вместе, похоже, и зрелая мудрость застала нас в одних и тех же трудах, заботах и тревогах на полях и фермах, вместе с нашим многострадальным народом. Успехов тебе, здоровья и многих лет творческой жизни желает тебе твой, надеюсь, незабвенный В. Реутов. 9 марта 2008 г.»

Такую дарственную надпись сделал на своей книге «Русское органическое земледелие» сокурсник Николай Дмитриевич Виталий Петрович Реутов. Книга увидела свет небольшим тиражом в 2002 году.

Николай Дмитриевич обрадовался подарку, потому что все новое в земледелии для него всегда представляет интерес. Он сразу углубился в чтение и принялся подчеркивать наиболее характерные места в книге. Он критически осмысливал каждый абзац, осмысливал с позиций своих знаний и опыта. А за плечами осталось так много...

Память возвращает в 1972-й год. Два года минуло с тех пор, как его назначили директором огромного совхоза. 1972-й выдался урожайным, но за хлеб пришлось побороться. Осень была холодной, дождливой, но это будет впереди, а в феврале редактор местной газеты «Ленинец», фронтовик Василий Васильевич Макаев уговорил Николая Дмитриевича выступить в газете со статьей о новшествах в земледелии. Николай Дмитриевич попросил лишь об одном, чтобы его статью не правили, потому как он знает, о чем писать, и будет обидно, если статью выхолостят. Статья под общим названием «За высокий урожай зерновых» была опубликована и сразу обратила на себя внимание рациональностью суждений. Ее и теперь, спустя 37 лет, интересно читать, поскольку она дает представление об эволюции взглядов Лыхенко в земледелии. Некоторые поучительные выдержки из той статьи молодого еще директора:

...Важным резервом повышения урожая зерновых культур является

Книгу сокурсника и коллеги всегда интересно почитать, осмыслить. «Мысль не должна останавливаться», – считает Лыхенко

применение и совершенствование новых способов обработки почвы.

Зона наша характеризуется неустойчивым увлажнением с колебанием осадков от 490 мм в 1957 году до 180 мм в 1965 году. Число дней в году с ветром более 15 метров в секунду достигает тридцати. Опасность ветровой эрозии грозит нашему хозяйству не только весной, как это было, к примеру, в 1963 и других годах. В зимы с недостаточным снеговым покровом и сильными ветрами также наблюдается эрозия (черная поземка).

После того, как в начале 60-х годов эрозия нанесла большой ущерб хозяйству, мы впервые серьезно задумались над путями борьбы с ней. Начали с того, что составили карту эрозионно опасных земель и в последующие годы все время ее уточняли. Будучи тогда главным агрономом хозяйства, я неоднократно выезжал в граничащие с нами районы Северного Казахстана, где уже был накоплен некоторый опыт, и активно внедрялись приемы защитной обработки почвы.

Побывал в Целиноградской машиностроительной станции для ознакомления с машинами почвозащитной обработки отечественного и зарубежного производства.

Надо отметить большую помощь СибНИИСХОЗа и бывшего начальника управления сельского хозяйства района АА. Мороза, ныне работающего главным агрономом областного управления сельского хозяйства. В целях изучения опыта ползащитного лесоразведения съездил в Кулундинский совхоз Алтайского края. Довелось также присутствовать на совещании ВАСХНИЛ в 1965 году в Целинограде, где выступал академик АИ. Бараев.

Все это позволило разработать комплекс мероприятий по борьбе с ветровой эрозией. Решено было вести минимальную обработку почвы, не допуская ее распыления. Наиболее опасные в эрозионном отношении поля засеять многолетними травами, а всю площадь паров обрабатывать только с оставлением стерни на поверхности поля.

На парах и отвальной зяби была категорически запрещена работа дисковых луцильников. Поля под вторую после пара культуру оставляли под весенний сев без основной обработки, а под третью культуру обработку вели в зависимости от осеннего увлажнения и степени засоренности поля безотвальными или отвальными орудиями. На всех парах были введены кулисы.

Кроме этого, решено было приобрести зерновые комбайны с измельчителем соломы и часть урожая соломы разбрасывать по полю в измельченном виде для создания надежной мульчи, и заняться посадкой 5-рядковых лесных полос в полях севооборота.

Внедрение почвозащитной обработки начали не на всей площа-

ди, а с Новоскатовского отделения, где имелось 7 тыс. гектаров пашни. Агроном этого отделения Р.К. Цайтлер с увлечением и энергией занимается внедрением и совершенствованием и новых приемов обработки почвы. Затем этот опыт распространили на Крушиановское отделение, которым руководит опытный хлебороб Г.Г. Брайдт. А в дальнейшем в противоэрозионную борьбу включились и остальные отделения. Какие же результаты при этом получились?

В 1961–65 годах, то есть до внедрения новых приемов обработки почвы, средняя урожайность зерновых составила 6,1 центнера. В 1966–70 годах она повысилась до 12,9 центнера. Это позволило совхозу выполнить план производства хлеба за пятилетие на 110 процентов, успешно рассчитаться с государством по продаже продуктов животноводства.

Надо при этом отметить, что и в минувшем пятилетии были два неблагоприятных по эрозии года. Ветровая характеристика апреля-мая 1967 и 1968 гг. мало чем отличается от ветровой характеристики апреля-мая 1963 года. Однако, если в 1963 году эрозией было уничтожено до трети посевов, то в 1967 и 1968 гг. были лишь повреждения посевов, а гибель же их от ветровой эрозии не зарегистрирована. Разница в урожайности между Новоскатовским и Крушиановским отделениями и теми отделениями, где внедрением противоэрозионных приемов мы занялись несколько позже, составила 2,3 центнера.

Для сравнения можно привести еще две цифры. За минувшее пятилетие средняя урожайность по району составила 12 центнеров, а по соседнему с нами Славянскому совхозу – 11 центнеров. Это также говорит в пользу тех мер, которые были приняты в Екатеринбургском совхозе. Разумеется, не только внедрением почвозащитных приемов обработки почвы можно объяснить резкое увеличение урожай-

В ученической производственной бригаде

ности. Кроме этого в совхозе были разработаны, внедрены и освоены севообороты с короткой ротацией (трех- и четырехпольные). Улучшилось качество полевых работ, семеноводство, значительная площадь зерновых ежегодно обрабатывается гербицидами.

В первом году новой пятилетки в совхозе получено по 17,7 центнера с гектара. При задании 11 тысяч государству продано около 14 тыс. тонн хлеба. Выполнены все планы с заданием по продаже продукции животноводства. По итогам года получена прибыль более миллиона рублей.

Однако не забываем и о борьбе с эрозией. Для совершенствования и более глубокого изучения приемов обработки почвы с оставлением стерни на поверхности поля в совхозе, начиная с 1970 года, ведется опытная работа под руководством кандидата сельскохозяйственных наук А.В. Полукуднова. Имеется в хозяйстве агроном по опытной работе.

Надо также остановиться и на том, что, на наш взгляд, мешает в борьбе с ветровой эрозией.

Во-первых, это несовершенство машин, выпускаемых для этих целей. Культиватор КПЭ-3,8 тяжел, выпускается без штанговой приставки, а штанговые культиваторы КНШ-3,6 и КШ-3,6 очень ненадежны в работе. Перетяжелена также борона БИГ-3, плохо работает на влажных почвах сеялка СЗС-2,1, выполняющая за один проход четыре операции. И совершенно не удовлетворяются заявки на противоэрозийную технику, агрегируемую с мощным трактором К-700.

Во-вторых, назрел вопрос о создании в наших условиях на базе существующих лесхозов лесопосадочных станций. Эта проблема неплохо решена в Алтайском крае.

В-третьих, нужно резко увеличить поставку для нашей зоны комбайнов с измельчителями. Это позволит не только решать вопрос измельчения соломы на корм, но и по измельчению и мульчированию почвы.

В последние годы в связи с резким ростом животноводства за счет зерновых увеличились посевы кормовых культур. Правильно ли это? Я считаю, что это нельзя решать директивным путем. Ибо приводит к нарушению севооборотов. Выход, мне кажется, в создании культурных орошаемых пастбищ с сооружением искусственных водоемов.

Такую работу планируем начать в совхозе. Все это должно в конечном итоге привести к одной цели – повышению урожайности, получению устойчивых и высоких урожаев в нашем хозяйстве.

Даже сейчас, прочитав эту статью, возникает ощущение, что она написана будто вчера. Настолько актуальны выводы и аргументы.

Но вернемся в наше время. Чем же заинтересовала книга Реутова такого опытного земледельца, как Лыхенко? Неординарнос-

тью подходов.

В 1988 году Реутов создал агрофирму НПК «Альтернатива» (Южный Урал). Земледелие в агрофирме основано на русском органическом (альтернативном) земледелии, которое, как пишет автор, «не является продолжением и развитием используемых повсеместно «научно обоснованных» систем земледелия, базирующихся на положительном эффекте чистого пара, кормовых пропашных культур, на применении минеральных удобрений и гербицидов, на так называемой мелиорации (орошение – осушение). Оно отвергает их как неприемлемые в экономическом, экологическом и нравственном плане, особенно в условиях недостаточного увлажнения».

Николай Дмитриевич своими пометками исчеркал всю книгу. Так вдумчиво он читал творение сокурсника по институту.

Синими чернилами подчеркнуты такие строки: «...говорил мне еще об одном откровении-предчувствии Т.С. Мальцев: «Наша страна представляется мне громадным, мощным локомотивом, летящим по стальной магистрали на всех парах. А дальше... пути разобраны. Тупик».

И вопросы, вопросы: «Сколько мм. осадков в год, в т.ч. в летний период? Куда деваются семена сорняков, и где они прорастают? А полупар? Каким орудием выполняется зябь?»

Автор утверждает: «В нашем плодосменном севообороте угнетение культурных растений сорной растительностью становится почти невозможным». Лыхенко отмечает на полях книги: «Почему?». Ему непонятно, где севооборот, если одна точка из двух занята рожью? И, наконец: «Где данные по «Альтернативе»? Николаю Дмитриевичу интересны экономические выкладки, а их нет.

Безусловно, книга ему понравилась, все-таки Реутов пишет о 12-летнем уникальном опыте работы. Одно время Николай Дмитриевич даже засобирался к нему за опытом, но навалились проблемы, новые заботы и поездку пришлось отложить.

Некоторые выводы автора совпадают с мыслями Лыхенко: «...болезненное, нерациональное земледелие делает таковым и животноводство, и наоборот, нерациональное животноводство сведет к нулю все усилия отрасли земледелия, каким бы оно не было разумным». В этом Николаю Дмитриевичу приходится убеждаться на протяжении всей жизни.

Два больших восклицательных знака он поставил рядом с выводами Реутова: «...Интересно, как представляет себе наш читатель обратную реакцию человека, которому кооператив вернул веру в себя и свое будущее? Положительную благодарность, излучающую теплоту? Ничего подобного! Из 10 человек девять, вкусив и насытившись черным хлебом, потом белой булкой и так далее, мнят себя в положении того,

кто «взял Бога за бороду... У руководителя любого ранга, я уверен, должны быть два права управлять людьми: одно из них административное – по обязанности, а другое – моральное».

Особо Николай Дмитриевич выделил и такие строки: «...рядом с нами действует еще немало количество колхозов и совхозов, в которых наши альтернативные подходы отсутствуют. Действуют, вопреки всем невзгодам, не снижая, а даже наращивая уровень производства. И, стараясь быть максимально объективным, прихожу к выводу о том, что в конечном итоге и эти преуспевающие ныне «последние из могикан» могут исчезнуть в небытие. У них еще есть некоторый запас времени и запас прочности, но, если ничего не менять в главном, финал неизбежен. Это не будет финалом победителей, это будет финал побежденных».

Нельзя сказать, что теория и практика русского органического земледелия настолько захватила Лыхенко, что завтра он все бросит и приступит к реализации опыта «Альтернативы» у себя. Он не любит непродуманных, поспешных решений.

Но его взгляды на земледелие претерпели существенную эволюцию. Какую? Ответ на этот вопрос Николай Дмитриевич начал с теории, которую ему преподавали в институте:

- Тогда земледельческая наука исповедовала принципы классического земледелия: 7-8 польный севооборот с выводным клином многолетних трав, полем чистого пара и ежегодной отвальной вспашкой всей площади севооборота за исключением выводного клина. Были в этой схеме свои достоинства: отсутствовали какие-либо химические средства, а отвальная вспашка присутствовала, как наиболее действенное средство в борьбе с сорняками.

Вот, в сущности, с такой теоретической базой я пришел в хозяйство и передо мной, как перед главным агрономом, стояла задача следовать этой схеме. Увы, в условиях командно-административной системы эта схема очень часто нарушалась волевыми решениями. Паров предписывалось иметь не столько, сколько диктовала целесообразность, а столько, сколько хотели чиновники, то больше, то меньше, многолетних трав то больше, то меньше.

Нехватка техники не позволяла поднять требуемое количество зяби осенью и в нужные сроки, а это приводило к тому, что приходилось пахать весной, что приводило к массовому иссушению почвы. Классическая схема особенно не подходила к зоне рискованного земледелия. После освоения целины и всеобщей распашки земель началась массовая эрозия почвы. Лесные полосы заносились самой ценной частью почвы – мелкоземом, обнажая пахотный слой, что делало его

непригодным для посева. И сейчас в лесополосах можно видеть уже порядочно осевший слой мелкозема. Так что получалась помесь классического земледелия, помноженная на отсутствие ее исполнения, плюс ветровая эрозия.

И я стал задавать себе вопросы. Один особенно мучил меня. Выходит, основатели классической системы земледелия ошибались? Ошибались Докучаев, Стебут (Василий Васильевич Докучаев, 1 марта 1846 – 8 ноября 1903, – известный геолог и почвовед, основатель русской школы почвоведения. Иван Александрович Стебут родился 31 января 1833 года, умер 20 октября 1923 года в Москве, в девяностолетнем возрасте. Является гордостью отечественной агрономии и занимает одно из наиболее видных мест в её истории. В течение более чем полувека он был ведущей фигурой в творческом и самобытном развитии русской агрономической мысли).

Ошибались классики? Да, ошибались! Пришлось искать нужную литературу, читать. Много узнал и на собственном опыте, но переход от классической системы земледелия к чему-то иному (к чему, я скажу) до сих пор не закончился. Когда я пришел агрономом, паровой клин стали подвергать критике. Потом появилась пропашная система земледелия, последовала команда – пар убирать! Предшественник первой группы, равный чистому пару – поле с пропашными культурами. Отвальная вспашка осталась, но чистый пар уходил в прошлое. Затем появилась обработка с оставлением стерни на поле. Пошло разветвление: появились школы Т.С. Мальцева и А.И. Бараева. Первый исповедовал безотвальную обработку почвы, второй – канадскую глубокую обработку почвы плоскорезами. (Мальцев Терентий Семенович родился 29.10(10.11).1895, село Мальцево, ныне Шадринского района Курганской области, но

...Идея прирастать рабочими руками за счет выпускников средней школы витала в воздухе еще в шестидесятых. Тогда и началось первое робкое содружество со школой, палатка в лесу, ручные мотыги на прополке и трактор «МТЗ-2», изношенный и обшарпанный.

Но год от года это явление понемногу набирало обороты. По-настоящему работа развернулась, когда директором Екатеринбургской средней школы был назначен ее же бывший ученик, окончивший физмат Омского пединститута В.И. Сердюк.

Из воспоминаний Н.Д. Лыхенко

ватор колхозного производства, Герой Социалистического Труда (1955), почётный академик ВАСХНИЛ (1956). Член КПСС с 1939. Родился в бедной крестьянской семье. Полевод колхоза «Заветы Ленина» Шадринского района Курганской области (с 1930) и руководитель организованной в 1950 при колхозе опытной станции. В 1954 за разработку новой системы обработки почвы, внедрение которой в колхозе «Заветы Ленина» началось с 1951, Мальцеву присуждена большая золотая медаль имени И.В. Мичурина. Государственная премия СССР (1946). Награжден 3 орденами Ленина и 2 другими орденами).

Безотвальная обработка почвы, приём рыхления почвы орудиями, не оборачивающими пласта; применяется при осенней основной глубокой и мелкой обработке почвы, при обработке паров и весенней предпосевной подготовке почвы. Глубокую безотвальную в Советском Союзе проводили глубокорыхлителями-плоскорезами, мелкую — культиваторами-плоскорезами и штанговыми культиваторами. Эти орудия в меньшей степени распыляют верхний слой почвы, сохраняя на поверхности поля стерню и другие растительные остатки, что имеет большое значение в условиях степных районов (Южный Урал, Западная и Восточная Сибирь, Алтайский край, Казахская ССР). Стерня защищает почву от ветровой эрозии, способствует лучшему задержанию на полях снега и тем самым накоплению в почве влаги.

Во многих странах издавна проявлялся интерес к безотвальной обработке почвы. В 80-х гг. 19 в. русские учёные Д.И. Менделеев и П.А. Костычев не считали обработку почвы с оборачиванием пласта всюду обязательным и необходимым приёмом. В конце 19 в. И.Е. Овсинский предложил «Новую систему земледелия». Заключалась она в замене глубокой отвальной вспашки многократными обработками на глубину 5—6 см. В начале 20 в. в южных районах Франции взамен вспашки была предложена мелкая безотвальная обработка дружинными культиваторами. Изучалась она в Германии (Ф. Ахенбах и др., 1921). Приёмы безотвальной обработки исследовались (1933—1936) в Англии, но, как и в Германии, не получили распространения. Широко практикуют безотвальную обработку в Канаде в связи с необходимостью защитить почву от ветровой эрозии.

В 1943 американский фермер Э. Фолкнер предложил заменить обычную вспашку поверхностной безотвальной обработкой; он высказал мнение, что глубокая отвальная вспашка нарушает нормальные биохимические процессы в почве и способствует эрозии.

В СССР идею безотвальной обработки развил Т.С. Мальцев. Такая система обработки почвы в колхозе «Заветы Ленина» Шадринского района Курганской области в течение многих лет обеспечивала по-

лучение урожая яровой пшеницы до 20 ц и более с 1 га.

Однако проведённые опыты в степных и лесостепных зонах Западной Сибири и Казахстана показали, что недостатком такой системы обработки почвы является уничтожение стерни дисковыми луцильниками и сильное распыление ими почвы. Поэтому в районах ветровой эрозии эта система обработки не нашла широкого распространения.

В чем-то эти две школы были похожи, — говорит Николай Дмитриевич, — вспашка глубокая, но разными орудиями. Мальцев учил, что нужно пахать безотвальным плугом, а Бараев — плоскорезами канадского типа. Мы в совхозе работали и по той, и по другой методике. Благо, что хватало и мальцевских плугов и плоскорезов. Мальцевский плуг — с узкой стойкой, без отвала. О Мальцеве говорили и писали много разного и часто противоречивого. Одни восторжались его смелостью и результатами, другие ставили ему в вину отсутствие научных степеней и чёткой теоретической базы. Для меня же важно главное: Мальцев был думающим прак-

тиком, нашёл способ увеличить плодородие почвы и получил хорошие результаты. И с теоретической базой у него всё в порядке. Его система — прекрасный пример гибкого приспособления к местным условиям, создания местной агрономии. Он на деле показал: правильная агрономия может быть только местной. Она должна родиться из опыта. Взаимодействие почв, климата, площади, набора культур и технических возможностей уникально в каждом хозяйстве.

От классической системы земледелия осталась глубокая вспашка. Да и мы загоняли в поле мощные «Кировцы» с плугами. Было две вспашки: на глубину 20-22 см. и на 25-27 см. Терентий Мальцев допускал глубину от 30 до 40 см., естественно, безотвально. Затем стали раздаваться голоса: «Зачем рыхлить каждый год почву на глубину до 40 сантиметров, доста-

Из опыта Терентия Мальцева Николай Дмитриевич брал самое лучшее

точно это сделать один раз в три-четыре года, зачем каждый год обрабатывать почву плоскорезами, достаточно обработать другими орудиями на глубину 12–14 сантиметров. Если год засушливый, лучше сеять по стерне, самое лучшее – сев по отвальной вспашке во влажный год».

Правильная агрономия может быть только местной. Я подумал вот о чем, а что если сложить отдельно влажные годы и засушливые, и что это даст в среднем? Какие методики окажутся лучше, урожайнее?

И мы решили заложить опыты. Было это в 1972 году. На протяжении 11 лет мы опробовали: отвальную обработку, обработку глубокую плоскорезами, обработку мелкую тоже плоскорезами, стерню без обработки и сгущенную с осени стерню.

Лучшими оказались результаты по мелкой плоскорезной обработке (12–14 см.). Сегодня этот метод называется «мини тил» – минимальная обработка почвы. На делянках, обработанных этим методом, мы получили наивысшую урожайность. На втором месте были делянки без обработки – «ноу тил». И вторая система «ноу тил» мне импонирует больше.

Вот так Николай Дмитриевич совершил дрейф от «классики» в сторону «ноу тил». При такой технологии современная сеялка врезает семена в почву. Сорняки уничтожает химия. Однажды, когда Николай Дмитриевич был в Канаде, он познакомился с тамошним фермером. Пошли смотреть поля. Пшеница стояла чистая, сорняков почти не было, но фермер сокрушенно объяснял, что завтра же приступит к обработке.

- Позвольте, – воскликнул Николай Дмитриевич, – чего же тут обрабатывать, сорняков-то почти нет!

- Но, господин Лыхенко, – возразил фермер, – если я сейчас не работаю, то сорняков станет много.

И тогда Лыхенко узнал секрет обработки. Фермер потратился на фотоэлементы, распознающие сорняки. На каждой форсунке агрегата стоял такой фотоэлемент. Как только попадался сорняк, фотоэлемент давал команду форсунке, и та прыскала химикат точно на сорняк. Таким образом, химией не обрабатывалась вся площадь, и химикаты попадали в почву ограниченно. Было это в 1992 году.

С тех пор прогресс на Западе шагнул еще дальше, но у нас все по-старому. Да, хороша система «ноу тил», но без химии она недействительна, а Николая Дмитриевича волнует вопрос: сколько той химии попадает в зерно, а потом с хлебом к нам на стол? Ученые говорят, что исследования ведутся, химии в зерне не находят, а вдруг через несколько лет появятся такие технологии, которые обнаружат вредные примеси в зерне. Что тогда? Не окажется ли, что в борьбе с сорняками забыли о человеке? Сорняки как популяция выживут, а человек?

Опасаясь непредсказуемого результата, сегодня и на Западе переходят к русской органической безопасной системе земледелия, правда, продукты, полученные от такого земледелия, баснословно дороги, и купить их могут не все. А растущее человечество требует пищи все больше и больше. На поток поставлено производство генномодифицированных продуктов. Последствия их потребления могут сказаться через несколько поколений.

Некоторые ученые считают, именно с трансгенами связан рост числа аллергических и даже онкологических заболеваний, и людей, страдающих ожирением. Это не учитывая мелких неприятностей – таких как несварение желудка и снижение иммунитета!

Что же сегодня представляет система земледелия «по-Лыхенко»? От чистого пара Николай Дмитриевич не отказался. Паровой клин в зависимости от климатических условий составляет от 12 до 18 процентов. В хороший год этот клин Лыхенко уменьшает, в засушливый – увеличивает. Четырехпольная система земледелия действует, но не всегда выдерживается. Зябь пахут только под пропашные культуры. Когда падает качество зерна, Николай Дмитриевич, чтобы «взбодрить» пашню, активизировать в ней процессы накопления полезных веществ, дает команду провести на всей площади мелкую плоскорезную обработку. Последняя такая масштабная обработка проводилась в 2007 году. Сев ведется по стерне «с помощью лапы». Вот, пожалуй, все секреты, которые он открыл мне весной 2009 года. Его семидесятой весной.

Конечно, это лишь схематичный план. Каждый год требует особого дара предвидения. Николай Дмитриевич – не Бог. Иногда ему удастся заглянуть в будущее и рассчитать стратегию посева, иногда не совсем. Вся свою взрослую жизнь он играет с Природой-Матерью в сложную игру, не переставая удивляться разнообразию вариантов.

...Я посещал в Канаде фермеров, где одна семья обрабатывала до 10 тысяч га пашни. Но я хорошо понимал, что для этого надо не одно десятилетие, что для этого нужна хорошо обдуманная государственная программа поддержки, которой, к сожалению, не появилось и до сих пор:

- а) кредитная политика;*
- б) иное сельскохозяйственное машиностроение;*
- в) обучение фермеров современным ресурсосберегающим технологиям;*
- г) рождение нового человека, хорошо понимающего, что само выделение фермерского хозяйства отнюдь не означает, что на него прольется золотой дождь.*

Из воспоминаний Н.Д. Лыхенко

«Была бы охота, а впереди еще много работы».
«Було б полювання, а попереду ще багато роботи»
 Народные пословицы

МЕЧТА

Весной 2009 года в Екатеринославку съехались главы всех муниципальных районов Омской области. Можно сказать, что впервые в истории хозяйства собрался такой представительный «хурал». Но собрался не для того, чтобы поглазеть на село и гендиректора, а для того, чтобы узнать, как в агрофирме Николая Дмитриевича добились рекордных надоев и привесов. Инициатива познакомиться Лыхенко сразу со всеми главами принадлежала министру сельского хозяйства областного правительства Владимиру Рарову. Знакомство прошло успешно, Николай Дмитриевич не только приготовил обстоятельную речь, но и выступил с ней перед высоким собранием, дипломатично затронув нынешние проблемы сельского хозяйства. Результаты работы екатеринославцев в животноводстве ко всему привыкших глав впечатлили, как и екатеринославский Дом культуры. Самые любопытные спрашивали Николая Дмитриевича, оглядывая интерьеры:

- Как Вам удалось сотворить такое чудо?

Он, не вдаваясь в подробности, накоротке рассказал, как ему удалось построить едва ли не лучший в области сельский Дом культуры. История эта заслуживает отдельного повествования, потому что характер Лыхенко виден здесь как на ладони.

Он давно вынашивал идею строительства нового Дома культуры. Можно сказать, что это была его затаенная и давняя мечта. Старый клуб ветшал и никак не соответствовал статусу передового хозяйства. Бывая в командировках, Николай Дмитриевич присматривался к Домам культуры в поселках области, но то, что он видел, его не устраивало: как правило, это были типовые проекты без фантазии, скучные и серые. Глазу не за что было зацепиться, никаких архитектурных излишеств проекты не предусматривали. Внутренняя часть зданий состояла из большого, плохо освещенного зала и тесных комнат. В целях экономии зачастую крыши были плоские, битумные, что обрекало сооружения на вечные ремонты, так как битум трескался, вода заливала помещения, и потеки не украшали местные «храмы искусств». Там же, где крыши были железные, их приходилось часто красить, тратя и без того невеликие деньги отделов культуры. Редко в каких домах культуры было тепло, самодеятельные артисты часто простужались.

Николаю Дмитриевичу дом культуры виделся иначе. В его воображении вставало большое белое здание со светлыми окнами, мраморными ступенями, гранитными и паркетными полами, бронзовыми скульптурами и шикарным тяжелым занавесом, переливающимся золотыми и серебряными нитями. Ему хотелось воплотить свою мечту о красивом Доме для людей. Он даже представлял, где будет новый Дом культуры: наискосок от административного корпуса совхоза (назвать конторой это огромное трехэтажное здание с пилонами, отделанное армянским ракушечником и мрамором, язык не поворачивается) на пустыре рядом со школой.

В те годы спроектировать здание, минуя официальные проектные организации, было немыслимо. За осуществление такого проекта не взялась бы ни одна строительная организация.

Николай Дмитриевич понимал, что нужно искать готовый проект, в то же время непохожий на другие. Такие проекты он увидел на птицефабрике «Сибирская» и в Знаменке. Но внутренние интервью его не впечатлили, ему хотелось иного.

Это была уже вторая часть работы и, пожалуй, самая главная. Проектировать интерьеры ему нравилось. Он с упоением искал необычные материалы, привлекал художников. За время строительства детского садика «Буратино» судьба свела его с Виктором Михайловичем Майтовым – художником Омского художественного комбината. Комбинат занимался оформительскими работами, направленными на пропаганду и агитацию решений партии, но художники между рутинным оформлением стендов и панно, написанием набивших оскомину лозунгов, занимались и настоящим творчеством, подрабатывая, кто где

Не Дом культуры, а дворец!

мог. Среди художников царило относительное свободомыслие, они могли критически высказаться о «Славе КПСС» и т.д. Майтов и Лыхенко почувствовали друг в друге единомышленников.

Владимир Михайлович с удовольствием взялся за оформление интерьеров детсада. Он в шутку и всерьез называл Лыхенко главным архитектором, так как Николай Дмитриевич требовательно вникал во все детали. Их тандем трудился творчески, с душой. Лыхенко вспоминает:

- На открытие детского садика пришло много людей. Они разглядывали мрамор, резьбу по дереву, яркий пластик. Мы вместе с главным прорабом совхоза Фишером Иваном Яковличем, дай Бог ему на том свете всякого добра, стояли на улице. К нам подошли несколько пожилых женщин и, поклонившись, сказали: «Спасибо вам, наверное, так цари не жили, как наши внуки будут жить!».

Тогда новый детсад действительно впечатлял. Майтов и Лыхенко продумали не только интерьеры, но и детскую площадку, на которой появились резные фигуры из дерева, сказочные домики. Даже забор с кованым узорочьем напоминал о волшебном мире сказок.

Майтов обрадовался предложению спроектировать интерьеры нового Дома культуры. Он внимательно выслушал Николая Дмитриевича, который хотел, чтобы в оформлении присутствовал классический стиль. Тяготение Лыхенко к классике вполне объяснимо. Классика не подвержена изменчивой моде, легче воспринимается сельскими жителями, которые в силу многих обстоятельств более консервативны, чем жители мегаполисов. Крестьянину трудно объяснить, почему «Черный квадрат» Малевича стоит столько, сколько он не зарабатывает за всю свою жизнь. Он скажет: «Да я и сам так нарисую!». Но тот же крестьянин будет восхищаться полотнами Сурикова, Левитана, Шишкина, он будет бережно вырезать из «Огонька» репродукции великих картин и развешивать их в своем скромном жилище. Почему? Да потому, что ему понятен художественный реализм. Абстрактное искусство крестьянину непонятно, он называет его «баловством».

Строительство Дома культуры Николай Дмитриевич называет эпопеей. Множество поездок в Ленинград, Москву, Омск, бессонные ночи, споры, в которых рождалась, если не истина, то согласие.

Все шло по плану. Лыхенко кому-то звонил, что-то доставал, с кем-то договаривался. Но неожиданно строгий классический стиль оформления был нарушен. И нарушила его художница Ленинградского комбината прикладного искусства имени Мориса Тореза. Когда Лыхенко с Майтовым приехали принимать готовый занавес для сцены Дома куль-

туры, их едва не хватил удар. Художница сделала не то, что они хотели. Вместо тяжеловесного классического занавеса, она создала легкий, воздушный, разноцветный занавес. Это была сложная, ручная работа. Но какая! Занавес, выполненный в стиле «модерн», сегодня едва ли не самое ценное в интерьере Дома культуры. На мой взгляд, этот шедевр великолепно вписался в классический стиль огромного зала. Но тогда, в начале девяностых между Лыхенко и художницей разгорелся нешуточный спор:

- Я не буду забирать этот занавес, – возмутился Лыхенко, – это не классика, а черт знает что!

- Вы работаете не под классику, а под Сталина, – парировала художница, – вы еще рады будете, получив такой занавес. Ко мне заказчики в очередь стоят.

Лыхенко даже закурил от огорчения. Надо было что-то предпринимать. Отказаться от занавеса, означало поссориться с руководством комбината, директор которого пользовался большим влиянием, если забрать занавес, то его нужно было куда-то пристроить. А куда пристроишь огромный кусок раскрашенной материи?

И тут Николай Дмитриевич вспомнил, что уже забиты сваи под новый Дом культуры в Новоскатовке. «Достроим там Дом культуры, – подумал он, – и отдам этот занавес туда. На душе полегчало.

- Хорошо! Забираем эту... – он хотел сказать «мазню», но сдержался, – этот занавес и едем в Москву.

Конечно, занавес они с Майтовым с собой в Москву не взяли, шедевр отправили железной дорогой в Екатеринославку. А в Москву поехали по важному делу. Лыхенко решил не отступать от задуманного и довести начатое дело с занавесом до конца. В Москве их ждала извес-

**Вестибюль дворца.
Мрамор, гранит и много света**

тный дизайнер по тканым материалам, адрес которой Николай Дмитриевич раздобыл в Ленинграде.

«Ткачиха», как окрестил ее Николай Дмитриевич, жила в центре столицы, в одном из переулков неподалеку от улицы Горького, ныне Тверской. Она сама открыла дверь сибирякам:

- Пожалуйста, проходите, я вас жду.

Николай Дмитриевич и художник разделись в прихожей просторной московской квартиры сталинской постройки и прошли в гостиную.

- То, что я увидел, – рассказывал Лыхенко, – потрясло меня до глубины души. Вы можете себе представить! У нее в квартире по стенам были развешаны гобелены 17 века, сотканые прадедами и прабабушками, квартира уставлена антикварной мебелью красного дерева, причем все это сочеталось с модерном. Ничего подобного ни до, ни после я не видел.

Хозяйка приготовила вкусный чай, и пока гости прихлебывали, она рассматривала примерные эскизы занавеса:

- Ну, что-ж, задумчиво произнесла она, – сложного тут ничего нет. Соткать такой занавес можно, но необходим люрекс.

Что такое «люрекс»? Люрекс – это тонкая нить относится к разряду так называемых «эффектных» волокон. Люрекс обеспечивает изделиям эффект блеска, яркость которого можно варьировать. Такое волокно может быть получено из алюминиевой, медной, латунной, никелевой фольги. Это дорогая технология, да и прочностью полученные волокна не отличались, в последнее время используются нити из химической пленки, покрытой цветным клеем. Таким образом, достигается разнообразие цвета и прочность. Это сегодня на любом рынке можно найти люрекс всех цветов и оттенков, а тогда его днем с огнем было не сыскать.

- Конечно, люрекс будет достать непросто, – сказал Лыхенко, – но что не сделаешь ради исполнения мечты.

Предварительное соглашение было заключено, договорились, что как только «ткачиха» получает люрекс, она сразу же приступает к делу.

Лыхенко еще раз окинул взглядом интерьеры квартиры, и вместе с Майтовым они покинули жилище московской искусницы.

К сожалению, а может, и нет, «классический» занавес так и не родился. Началась уборка, потом Николай Дмитриевич, приняв предложение губернатора Л.К. Полежаева, возглавил областное управление сельского хозяйства в ранге вице-губернатора, и ему уже стало не до занавеса с люрексом.

Так, то ли благодаря случайному стечению обстоятельств, то ли вопреки им, в Екатеринославском доме культуры оказался первый занавес, далекий от классического стиля, но легкий и радостный, как летняя радуга. Побывавшая в гостях у екатеринославцев, известная фигуристка Ирина Роднина обратила внимание на необычный занавес и даже фотографировалась на его фоне со всеми желающими.

Эпопея с занавесом была не единственной. Николаю Дмитриевичу хотелось, чтобы кресла в новом доме культуры радовали глаз и тело удобством, расцветкой. То, что выпускала тогда наша промышленность, его не устраивало. Нужны были не обыкновенные стулья, а шикарные кресла. Крестьяне совхоза уже стали ворчать на директора и критиковать его за излишние траты и частые поездки: «Нам бы попроще, не графья, посидим на стульях».

В Ленинграде, на углу Карповки, недалеко от Аничкова моста находился мебельный комбинат, входящий в сложную систему управделами ЦК КПСС. Всей громадой хозяйственного механизма ЦК заведовал всесильный Кручина.

Тот самый, который в лихие годы перестройки по совершенно непонятным и таинственным обстоятельствам выпал с балкона своей квартиры вниз головой на мостовую. Лыхенко не встречался с Кручиной, а вот с директором мебельного комбината ЦК встретился и... договорился об изготовлении 400 кресел вне графика. Подобные договоренности не достигаются просто так. Чего они стоили Николаю Дмитриевичу, история умалчивает.

Кресла были изготовлены. Похожих нет ни в одном сельском доме культуры нашей области.

В таком дворце и премии приятно вручать передовикам производства

А вот для того, чтобы достать мрамор и гранит, Лыхенко пришлось осуществить такую схему, которой позавидовал бы любой снабженец советского периода. Но все по порядку. Николай Дмитриевич собрался на прием к министру сельского хозяйства РСФСР по вопросу обретения желанной самостоятельности для хозяйства.

Министерство в конце восьмидесятых, когда задули ветры перестройки, возглавлял Никитин Владилен Валентинович. От директора совхоза он дорос до министра, много работал в Тюменской области, словом, сельское хозяйство знал не понаслышке.

Омич по рождению, он приветливо встретил земляка, а когда выяснилось, что они оба учились в Омском сельскохозяйственном институте им. С.М. Кирова почти в одно и то же время, министр стал более откровенным, перешел на «ты»:

- Вот что я скажу, Николай Дмитриевич, искать самостоятельности здесь, в Москве бесполезно. Я отлично понимаю тебя и даже разделяю твои взгляды, но ничего поделать не могу, сам – человек подневольный. Он значительно показал пальцем наверх. Ты иди к своему секретарю обкома. Сергей Иосифович – человек понимающий, думаю, поддержит.

Они еще поговорили о видах на урожай, о том, как дела в области и в частности в хозяйстве Лыхенко. Видя, что Николай Дмитриевич мнет в руках какую-то бумагу, министр откинулся на спинку кресла:

- Что там у тебя, давай сюда!

Лыхенко положил на стол ходатайство о выделении совхозу дополнительной техники. Министр внимательно ознакомился с бумагой, хмыкнул:

- Ну, ты и гусь! Думаешь, у меня тут склады, ну, ладно, работать вы умеете, не бездельники. Он размашисто написал положительную резолюцию, вывел свою подпись и довольно посмотрел на просителя, ожидая реакции.

Реакция была вполне предсказуемой. Николай Дмитриевич всем видом выражал благодарность и удовлетворение. Как человек опытный, он понимал, что, не добившись главной цели визита, можно получить кое-что материальное и весомое в виде двух тракторов К-700, четырех МТЗ-80 и нескольких КАМАЗов. В управлении министерства, ведающего техникой, на Лыхенко смотрели с недоумением и даже перешептывались:

- Никому в последнее время технику не давали, а тут сразу столько единиц. Как ему удалось?!

Николай Дмитриевич терпеливо дожидался оформления бумаг, предвкушая наступление вечера. Вечером его ждал МХАТ, в котором давали «Вишневый сад». Бывая в столице, при каждом удобном случае он старался непременно попасть в какой-либо из известных московских театров. В «Большом» он посмотрел «Лебединое озеро», в «Маяковском» наслаждался «Женитьбой» вместе со своей супругой Светланой Алиевной. Бывал он и на премьерах театра на Таганке, театра Сатиры, особенно стремился попасть в театр, когда узнавал, что в спектакле играет его любимая Людмила Гурченко. О Гурченко он может говорить долго, перечитал ее автобиографическую повесть «Аплодисменты» – понравилась. «Великая актриса!» – считает Лыхенко.

Так как же связан визит к министру со строительством Дома культуры в Екатеринославке?

Все очень просто. Один из тракторов К-700, полученных по распоряжению министра, снабженный погрузчиком, Лыхенко обменял на мрамор и гранит из карьеров Аргутская, находящихся под городом Газалкентом. Сам город Газалкент является центром Бостанлыкского тумана (района) Ташкентской области Узбекистана.

Расположен этот красивый город в отрогах Тянь-Шаня, на левом берегу реки Чирчик, в 3 км к юго-востоку от железнодорожной станции Барраж (на ветке Ташкент — Ходжикент). Население 21,8 тыс. жителей (1991). Возник в 1932 г. как посёлок строителей головного сооружения Чирчикского каскада ГЭС под названием Бостандык, позднее это название стало произноситься как Бостанлык (отсюда Бостанлыкский район). При переводе в статус города в 1964 году получил назва-

Муза творчества, сопровождающая Николая Дмитриевича по жизни, остановилась во Дворце культуры

ние Газалкент. В городе расположен крупный камнеобрабатывающий комбинат, готовый предложить десятки видов обработанного мрамора и гранита. Камень поступает с месторождений: «Куксарай», «Севасай», «Мискинсай», «Лянгар», «Беляуга», а мрамор дает гора Шахрама, именуемая туристами «Иришкой». Вот куда занесло Николая Дмитриевича в погоне за красотой.

Екатеринославцы, наверное, и не догадываются, из каких краев к ним прибыл мрамор, на каких карьерах добывали гранит. Теперь, когда я ступаю на гранитные полы Дома культуры, мне кажется, что я ощущаю тепло газалкентского камня, накопленное за миллионы лет.

Полы наборного паркета и не только помог раздобыть Владимир Дмитриевич Мартынов – бывший заместитель начальника «ГЛАВОМСКСТРОЯ» Николая Васильевича Степанца. Самого Степанца директор по праву считает одним из строителей современной Екатеринославки. Не случайно его именем названа одна из улиц села.

Николай Дмитриевич с теплом вспоминает своего тезку Николая Степанца – заслуженного строителя РСФСР:

- В 1971 году первый секретарь Шербакульского райкома партии И.П. Дроздов познакомил меня с начальником «ГЛАВОМСКСТРОЯ» Н.В. Степанцом. Выяснилось, что Николай Васильевич родом из с. Екатеринославка, в котором сейчас проживает немало его родственников из рода Акамовых. Радости моей не было предела. Заполучить в землячки человека, который строил Омск, и жилье, и почти всю промышленность, повезет не каждому. Я осторожно намекнул Николаю Васильевичу, что совхоз крайне нуждается в строительстве целого ряда объектов, и спросил, можно ли рассчитывать на его помощь. Он рассказал, что редко, но бывает в селе, и не раз предлагал свою помощь еще председателям колхоза «Красная Звезда», но реакции не последовало. Колхоз «Красная Звезда» как раз и был до 1957 года в с.Екатеринославка. Оказалось, что Николай Васильевич интересуется жизнью селян, проявляет большое сочувствие тому факту, что цивилизация во многом обходит советское село стороной, что не меняются ни тяжелые условия труда, ни искони тяжелый быт. «Подумайте, чем я могу помочь», – сказал Николай Васильевич. Я понимал, что и ему будет это делать непросто.

И в самом деле, сделать это было непросто, но сделали! Построили хорошее жилье, почти заново отстроили Екатеринославку, превратив ее в современный поселок. Николай Васильевич ушел из жизни давно, 15 апреля 1978 года его не стало, подвело сердце, не выдержав напряжения. Было ему не так уж и много, всего 64 года. На Северо-Восточном

мемориальном кладбище ему поставили огромный памятник, высеченный из глыбы красного гранита. В Омске я разыскал его сестру – Ольгу Васильевну, которой уже 90 лет.

Степанец (по мужу Гвоздева) Ольга Васильевна родилась в 1917 году в Екатеринославке. Дом Степанцов стоял на том месте, с которым по соседству живет сейчас его племянница Евгения Павловна Зуб (Акамова).

Нынче на месте дома – пустырь, а когда-то сюда после созидательных дел любил наезжать Николай Васильевич. По воспоминаниям Ольги Васильевны вокруг дома на Озерной улице росли акации и большие тополя... Николай Васильевич все порывался построить на этом месте новый дом, но не довелось. А Екатеринославку он любил, любил ее жителей, иначе бы не построил столько жилья для них. Повезло екатеринославцам и в том, что судьба свела двух неумных по характеру людей: Лыхенко и Стапанца. Степанцы – коренные екатеринославцы. Об этом стоит рассказать немного подробнее.

Глава большого семейства Степанец Василий Назарович в 1911 году приехал из Черниговской губернии вместе со своей супругой Марфой Спиридоновной, урожденной Самохваловой, и с детьми: Иваном (год рождения неизвестен), Марией, 1900 г.р. и Ариной, 1904 г.р. Сам хозяин нового подворья происходил из зажиточных крестьян, а в жены взял утонченную и грамотную дочь священника, уж слишком аристократично выглядит на дореволюционной фотографии Марфа Спиридоновна, так крестьянки тогда не одевались. Впрочем, точно неизвестно, была ли она дочерью священника или купца, или дворянкой, но крестьянкой точно не была, словом, происходила из сословия, которое благород-

Красивые улицы, красивые дома. Это Екатеринославка – воплощенная мечта директора

ным манерам обучено. Мы не знаем всех обстоятельств встречи Василия Назаровича и Марфы Спиридоновны, не знает их и ныне живая их дочь Ольга, 1917 года рождения. Родилась Ольга в Екатеринославке, 5 июля на Афанасия – Месяцев праздник. По поверью, месяц в этот день свой праздник отмечает, при восходе играет, разными цветами переливается, с боку на бок поворачивается. Афанасий, между прочим, с греческого означает – вечный, бессмертный. Ольга Васильевна – не бессмертная, но 90 лет за ее плечами, как говорится, дай Бог здоровья! В манерах Ольги Васильевны – степенность и даже намек на аристократизм, который, по-видимому, остался от матери. Рассказывает она, не спеша, стараясь припомнить главное:

Мы – трое родились в Екатеринославке: Николай, в 1913, Михаил, в 1915 и я, в 1917 году. Родители были крестьяне, тут получили землю и работали на земле. Земля была на отрубях, помню, мы ездили на поля. Отец много сеял гороха и зерновых, у него было 2 лошади, 2 коровы. Иван жил в Екатеринославке, крестьянствовал, жена рано умерла, у него осталось четверо детей. (Сын Ивана – Степан, 1920 года рождения, осуществит свою мечту, он станет итурманом авиации, офицером ВВС. Младший лейтенант Степанец Степан погибнет 10 июля 1943 года. Во время боевого вылета его самолет будет подбит из немецкой зенитки и взорвется в воздухе. Степана похоронят с почестями в деревне Воронец Елецкого района Липецкой области. Прим. авт.) Он уехал на Украину и умер в Донецкой области в 50-е годы. И сестра Мария тоже уехала на Украину, у нее было шестеро детей: четыре парня и две девочки. Арина жила в Екатеринославке и умерла там, у нее было девять детей.

Ольга Васильевна замолкает и прикладывает платочек к глазам, а потом снова продолжает:

- Коле нашему было 15 лет, как мама умерла в двадцать девятом году. Нам даже тело ее не отдали, мы приехали, а ее уже похоронили на одном из городских кладбищ. Отец женился вторым браком. Отец с новой женой во двор, а Коля со двора, он не хотел быть с мачехой ни одного дня, уехал в Борисовский совхоз и там оканчивал школу. У кого жил, не знаю, может в интернате, а летом пошел работать учетчиком. Потом работал бухгалтером в Борисовском совхозе. После уехал в Омск, работал бухгалтером при обкоме партии, точно не помню, и учился в техникуме, а после техникума поступил в Индустриальный институт города Томска. Когда мама болела и уезжала в Омск в больницу, то наказывала Коле:

- Оля на твоей совести! Ты должен поставить ее на ноги.

Коля старался этот завет выполнить. Потом он вернулся в Омск уже с женой и ребенком, он был дважды женат: и от первого, и от второго брака по девочке. Первый раз женился в Омске, родилась дочь Галя. Первая жена отказалась ехать с ним в Томск. Тогда он женился в Томске. Наш брат Михаил погиб на фронте в 1941 году, помню, что прислал он мне письмо из госпиталя, чтобы я выслала денег, но я не смогла выслать...

Николай Васильевич много кой чего построил в Екатеринославке. Вначале был начальником строительного треста № 5, потом начальником «Главомскстроя». Меня Николай забрал в Омск в 1933 или в 1934 году, устроил на рабфак учиться. Закончила я рабфак и поступила в сельхозинститут, получила специальность агронома-селекционера.

Дом культуры строился десять лет. Начало строительства пришлось на советскую эпоху, а торжественно открывали его в годы перестройки летом 1995 года. Ярко сияли 12 хрустальных люстр в большом зале и настенные бра. Свет десятков ламп отражался в круглых зеркалах, играл бликами на дорических колоннах, выхватывал то завиток лепнины, то резную панель. Свет играл на золоченых деталях интерьера, рельефно облегал бронзовые скульптуры «греков»...

Николай Дмитриевич уже покинул должности вице-губернатора и начальника областного управления сельского хозяйства и продовольствия, но сидеть, сложа руки, он не стал, занялся созданием МТС.

Он вернется в Екатеринославку в 1997 году. Вернется, чтобы стать у руля хозяйства, давшего крен. Вернется, чтобы выправить этот крен и идти дальше.

Образ Прометея из античной истории для Николая Дмитриевича – не просто образ

Однажды после окончания работы одного из областных совещаний по обмену опытом, мы стояли с Николаем Дмитриевичем у Дома культуры. Закурив сигарету, он, окинув взглядом свое творение, произнес:

- А двери без меня ставили. Я планировал другие: резные с бронзовыми ручками..

Бронзовые ручки. Мелочь, казалось бы. Но Лыхенко привык обращать внимание на мелочи. Мелочи питают наши идеи, небольшая мелочь может стать причиной серьезной катастрофы, мелочь может дать начало великому открытию.

Николай Дмитриевич полон идей. Достаточно известный человек, он умеет оставаться в чем-то недоступным, неизвестным и до конца непонятым.

Его наследие – это не материальные блага, которые он создавал для людей на протяжении многих лет, не теория хозяйствования «по-Лыхенко», хотя и в материальном, и теоретическом плане ему есть, что предъявить миру.

Его наследие – в особом состоянии души, в его неповторимой сложной индивидуальности, в многогранности ТАЛАНТА.

Без таких людей на земле было бы скучно и серо.

Н.Д. Лыхенко (справа), П.И. Голик, И.Я. Фишер – им есть, что вспомнить

На совещании передовиков. Лыхенко в президиуме (крайний слева)

Техника на линейке готовности. У Лыхенко все как по ниточке

Управленцы – голова хозяйства. В центре – Н.Д. Лыхенко

На току. Слева направо:
В. Сапунов, В. Бейтель, Н. Лыхенко, Г. Щеглаков, С. Богдан

На опытническом поле В.И. Сердюк с учениками. Николай Дмитриевич тепло отзывается в своих воспоминаниях об этом человеке

Лыхенко в Нижней Омке в ранге заместителя главы администрации (губернатора) Омской области и начальника областного управления сельского хозяйства и продовольствия

Ждет пашня новой весны

Здание управления агрофирмы

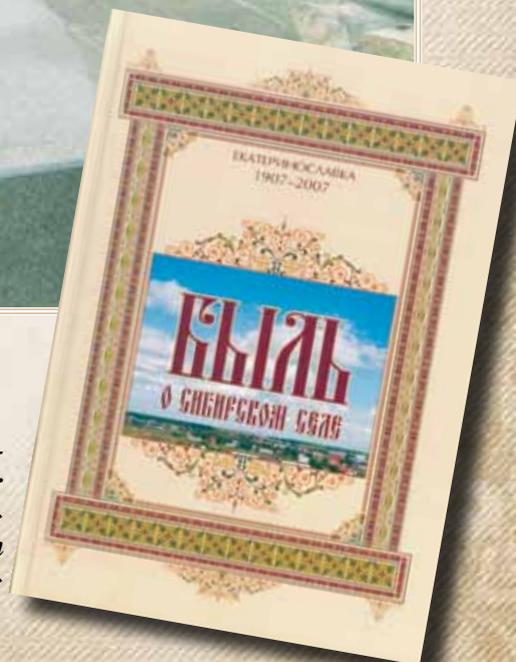

Спасибо вам, труженики!

*Упамятника первопоселенцам села.
2007 год – год столетия села*

Книга о Екатеринославке стала лауреатом двух престижных конкурсов: Всероссийского «Малая Родина» и международного фестиваля журналистов «Дагомыс-2008»

45-летие Победы. С. Екатеринославка

Всем, кто не пришел домой. Памятник павшим бойцам из Екатеринославского сельского совета

Герб Екатеринославки

Село, как песня на просторе

Диплом победителя конкурса

Медаль «Менеджер года – 2005»

А горячка почем?

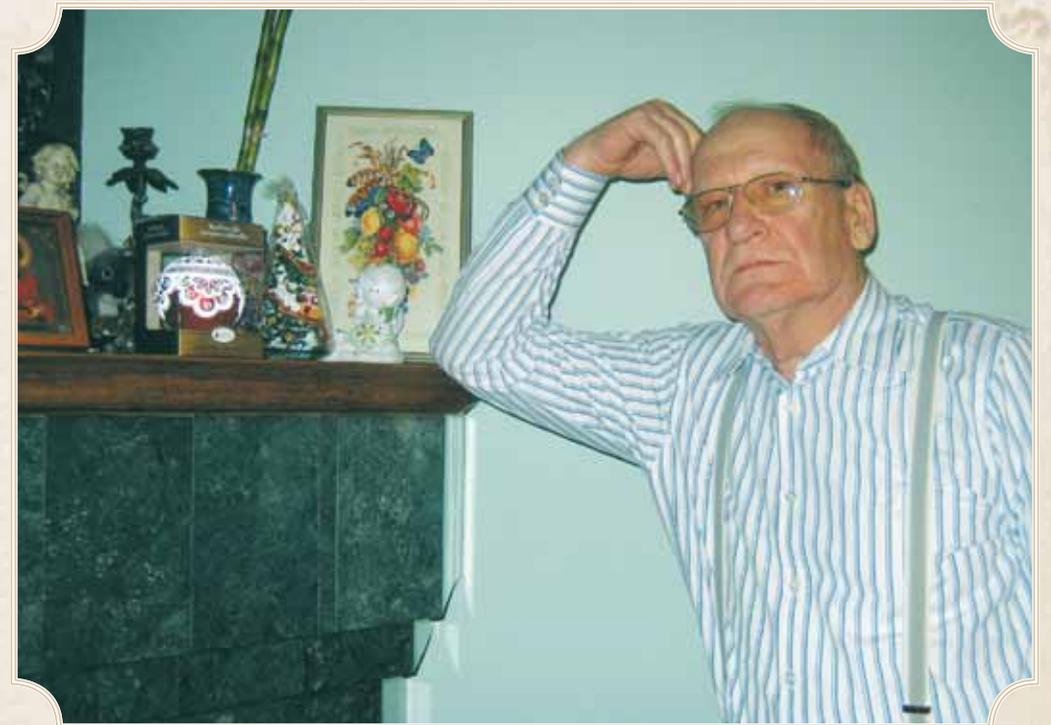
Начальник управления развития животноводства Омского областного управления сельского хозяйства Александр Курзанов (слева) привез большую делегацию в агрофирму за опытом. А. Курзанов отлично разбирается в проблемах животноводства. С Николаем Дмитриевичем они единомышленники

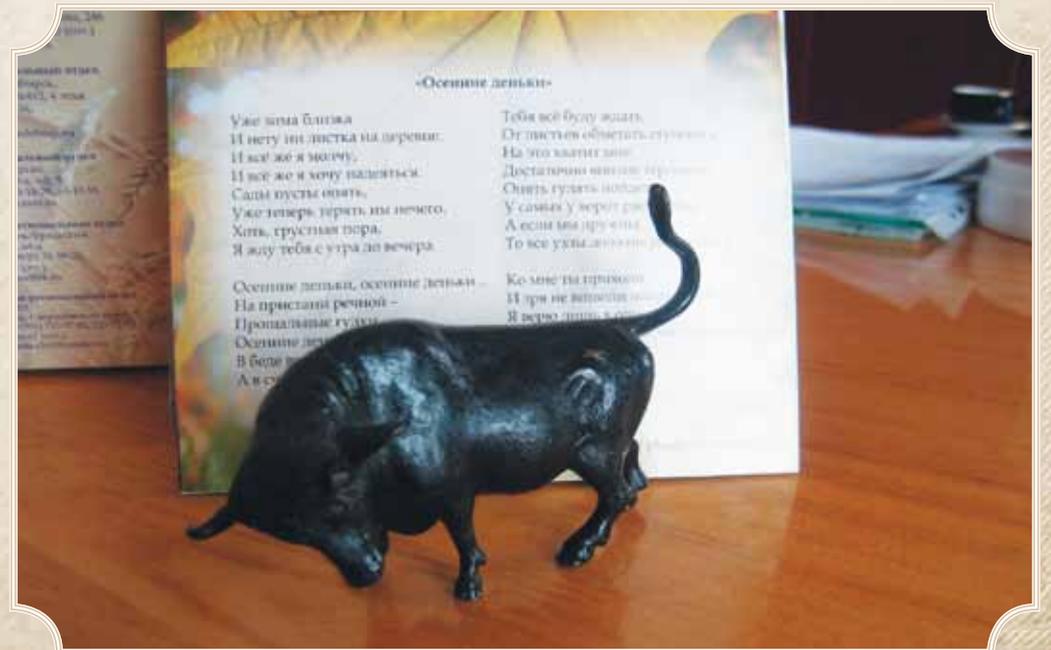
Грамоты, дипломы, лицензии. Рабочий кабинет

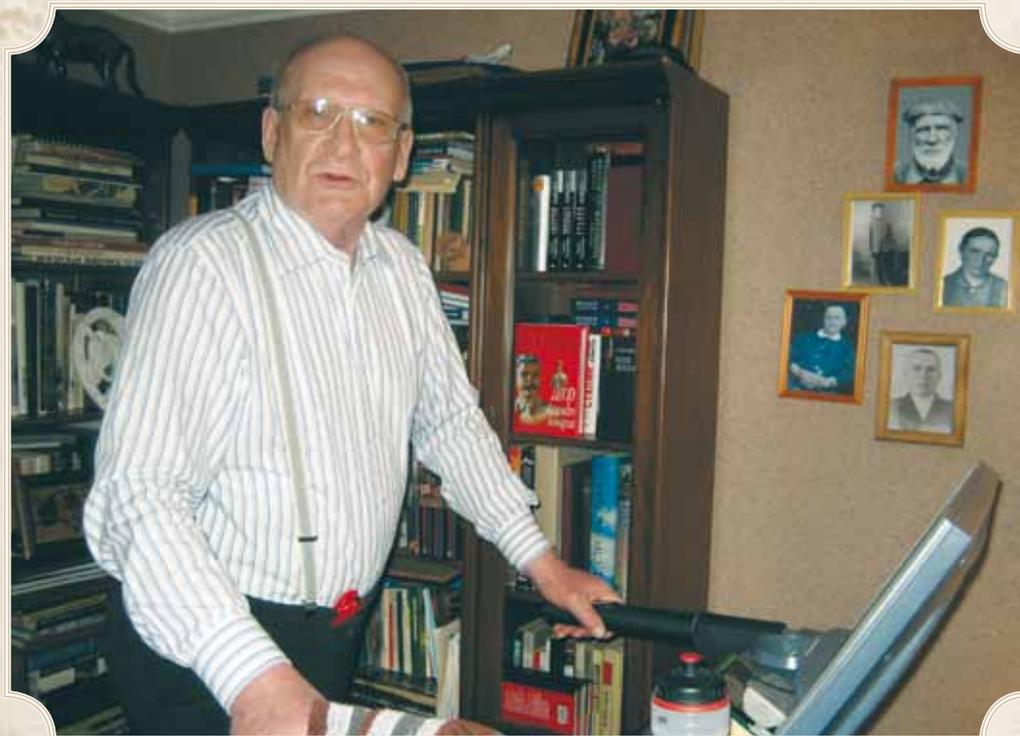
Весна опять придет неожиданно

Размышления у камина

Упрямый бычок на рабочем столе

Беговая дорожка дает заряд бодрости

Жилье для работников хозяйства по индивидуальному проекту

Агрофирма и в спорте не уступит никому

Начальник Шербакульского управления сельского хозяйства
Н.А. Петрущенко: «А как Вы считаете, Николай Дмитриевич?»

Главный приз Дерби-81. Московский ипподром

Заметка в газете «Правда» о Дерби-81

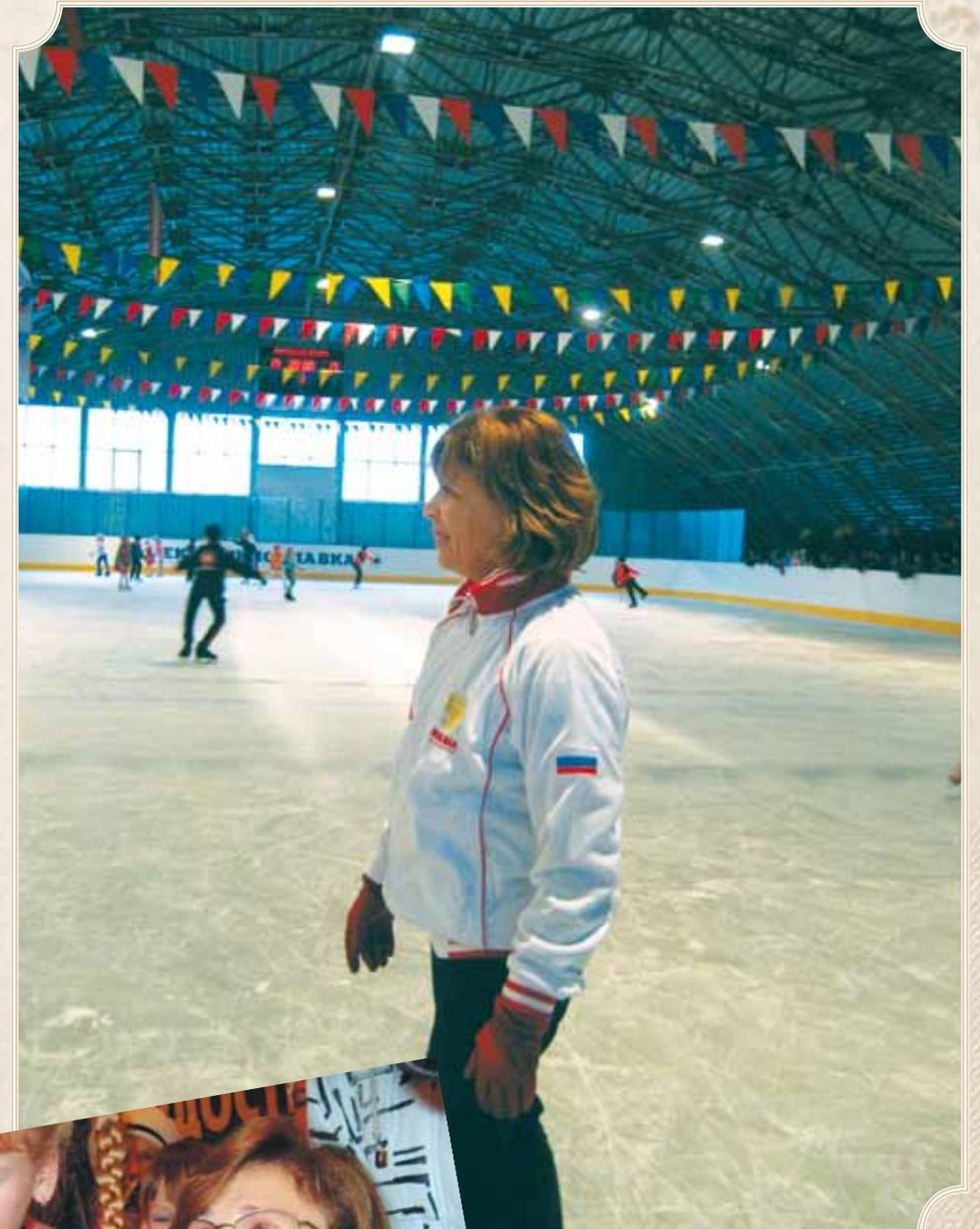
Картина в память о Дерби-81

В церемонии открытия спорткомплекса «Олимп» в Екатеринославке приняли участие: Ирина Роднина – трехкратная олимпийская чемпионка, С.В. Шелтаков – министр по делам молодежи, физической культуры и спорта, С.А. Попов – председатель комитета Госдумы, С.В. Гребенкин – глава администрации Шербакульского района, Н.Д. Лыхенко – генеральный директор агрофирмы.

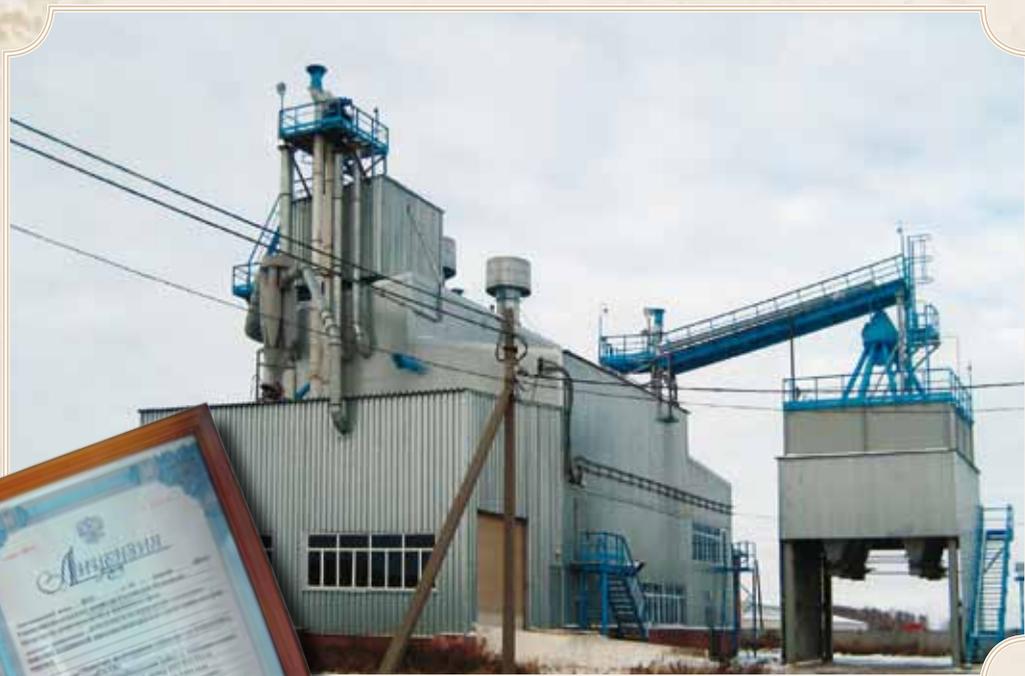
Встреча с Ириной Родниной на земле Екатеринославки

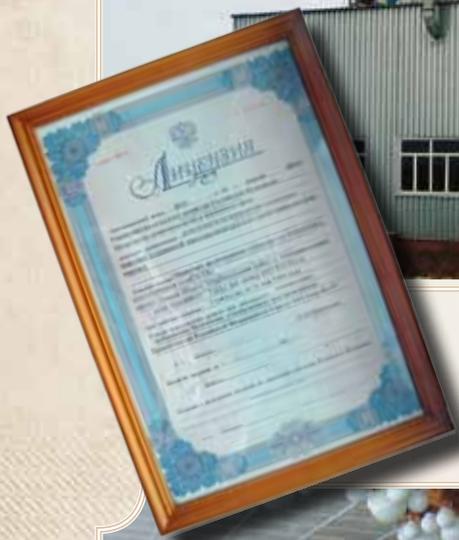
Екатеринославский лед для Ирины Родниной не хуже московского

Ирина Роднина раздает автографы екатеринославцам

Кормоцех по современным технологиям

Столовая открыта для всех

Тот факт, что агрофирма Екатеринославская была выбрана для проведения районного семинара-совещания по итогам работы в животноводстве за 11 месяцев 2008 (будет и областное в 2009 г.) и задач на перспективу, не случаен. В агрофирме лучшие показатели в животноводстве по степной зоне Омской области, да и не только.

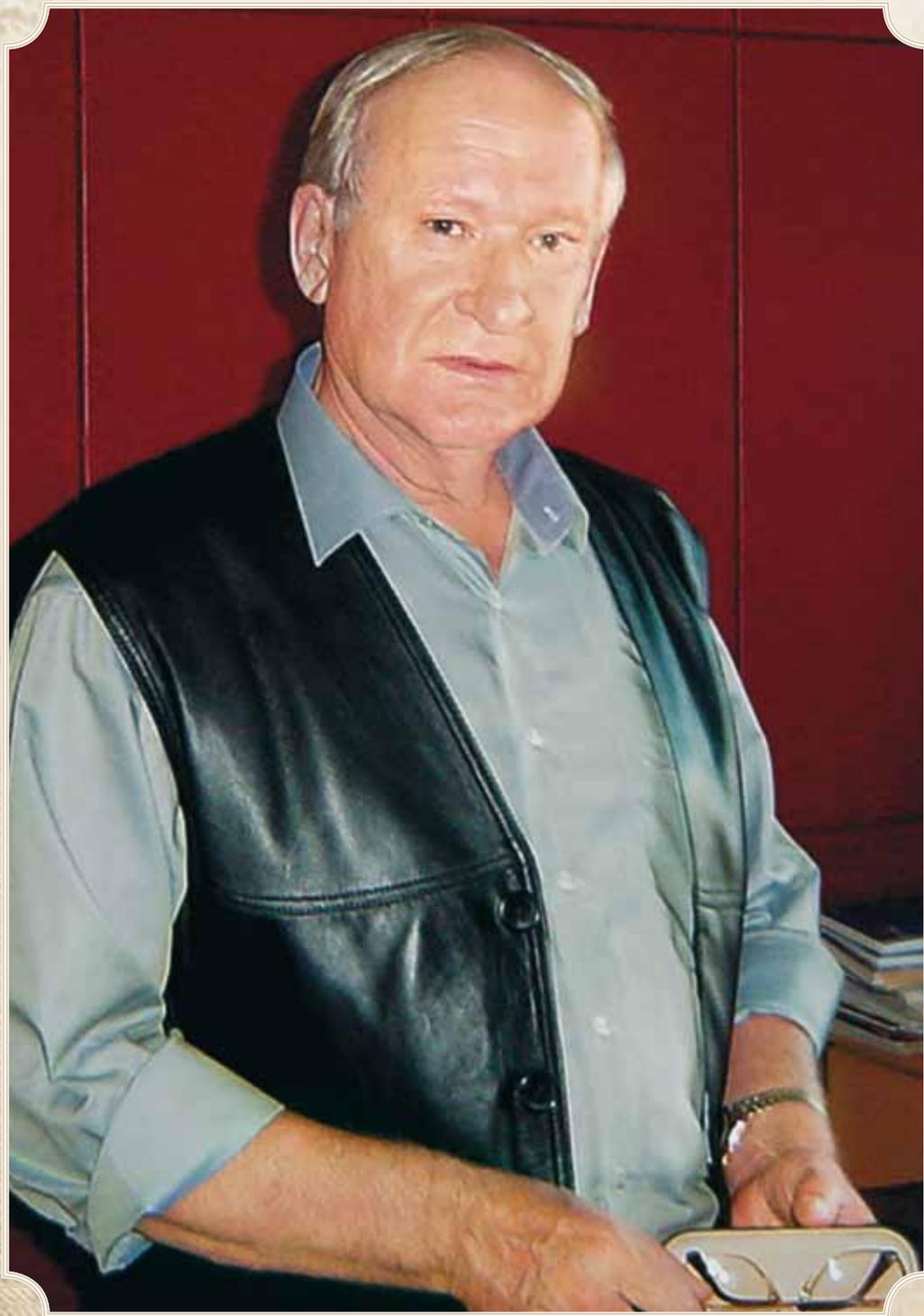
Николай Дмитриевич открыл главный секрет успеха животноводства своего хозяйства:

-Екатеринославское молоко держится на двух составляющих: порода и кормление...

Лыхенко щедро делится опытом с молодыми и перспективными директорами хозяйств. Его «школу» успешно прошли нынешние руководители хозяйств А.А. Фишер, В. А. Беккер.

Для Сергея Магды, бывшего директора ЗАО «Кутузовское», а ныне – главы Шербакульского района, поддержка Николая Дмитриевича значит многое.

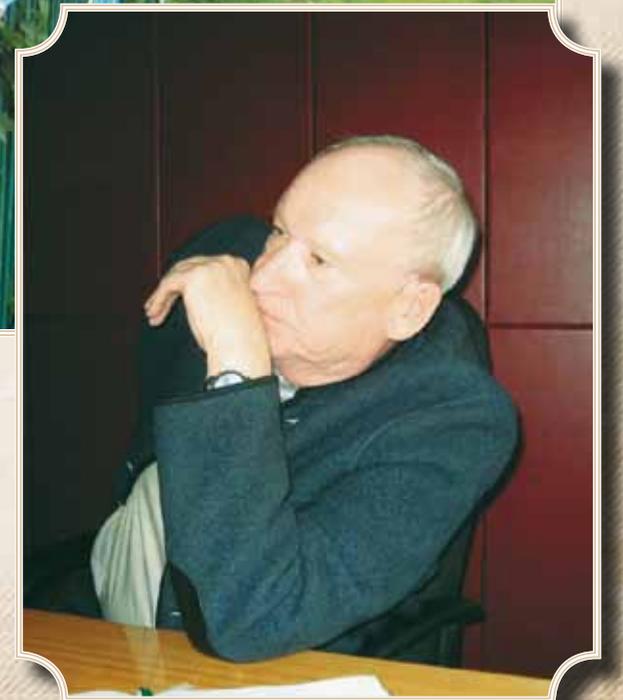

Ну, это мы еще посмотрим!

*Сирень родных
екатеринославских улиц*

Думы, думы

Сибирское поле

Уборочная страда-2006

Дорога домой

Интерьеры нового Дома культуры

Береза и напоит, и согреет, и глаз порадует

*Встреча Нового года. Анастасия Емельяновна, Зинаида Алексеевна, Николай Дмитриевич с дочерью Мариной.
Зинаида Алексеевна Сердюк – первая супруга Николая Дмитриевича, с которой он прожил 15 лет. Зинаида Алексеевна была замечательным человеком. К сожалению, она рано ушла из жизни.
В этом браке родились Марина и Татьяна.
Александр Сердюк – сын Зинаиды Алексеевны, ставший родным для Николая Дмитриевича. Когда Зинаиды Алексеевны не стало, Саше было 20 лет, Марине – 15, а Тане всего семь*

*Сын Александр Сердюк (справа)
и племянник Сергей Ицак на вытасе коров*

Семья Лыхенко. Катерина еще маленькая, а Татьяна уже выше мамы

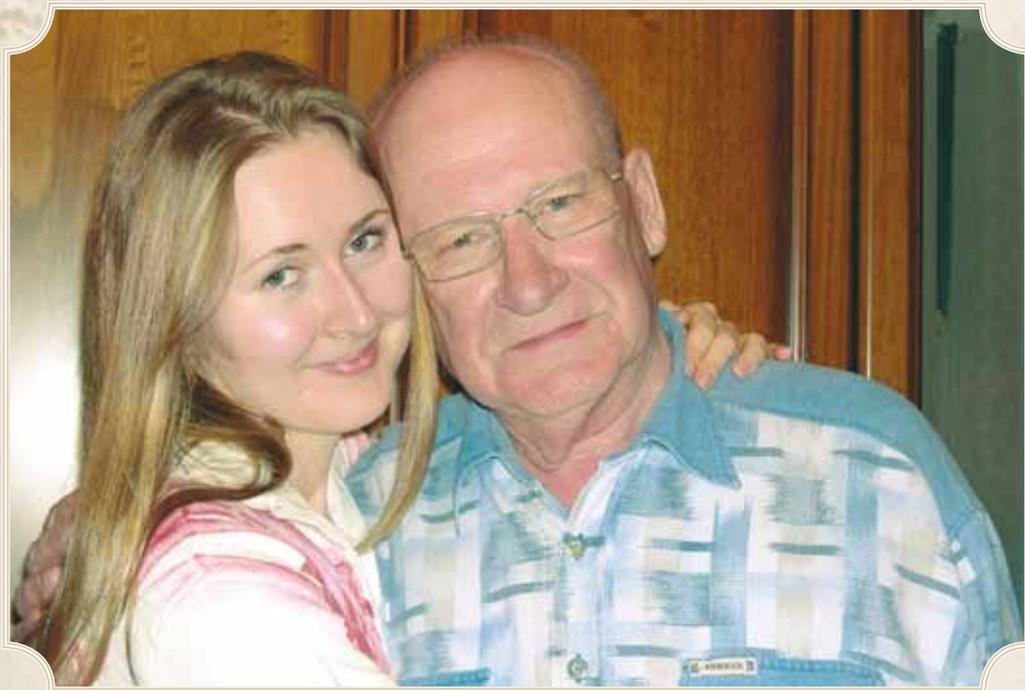
Фото любимых

Автограф Катеньки

Дорогие дети Коля и Света,
внуки Маринка, Ларинка,
Танюша и Катюша.
Сердечно поздравляю вас
с Днём учителя и Днём
Конституции СССР!
Желаю Вам крепкого здоровья,
успехов в работе и учении,
счастья и радости в душе.
Пусть душа ваша нескучает
добротой.
Желаю вам дети мои и внуки
добра. Не того, что пылится
коврами на стенах и тряпками
в шкафах. Желаю вам добра
души, которое никогда не потухнет
и не иссякнет и навсегда останется
вашим главным богатством.
Словами, поступками утверждает
свою доброту в наши дни, когда
нет у нас забот о хлебе насущном.
Крепко всех целую и ещё раз
желаю здоровья.
ваша мать и бабушка Ната
30/ix 85г.

Поздравление Анастасии Емельяновны (бабушки Наты)

С дочерью Екатериной

Дети Александр, Татьяна и Екатерина

Дочь Ларина

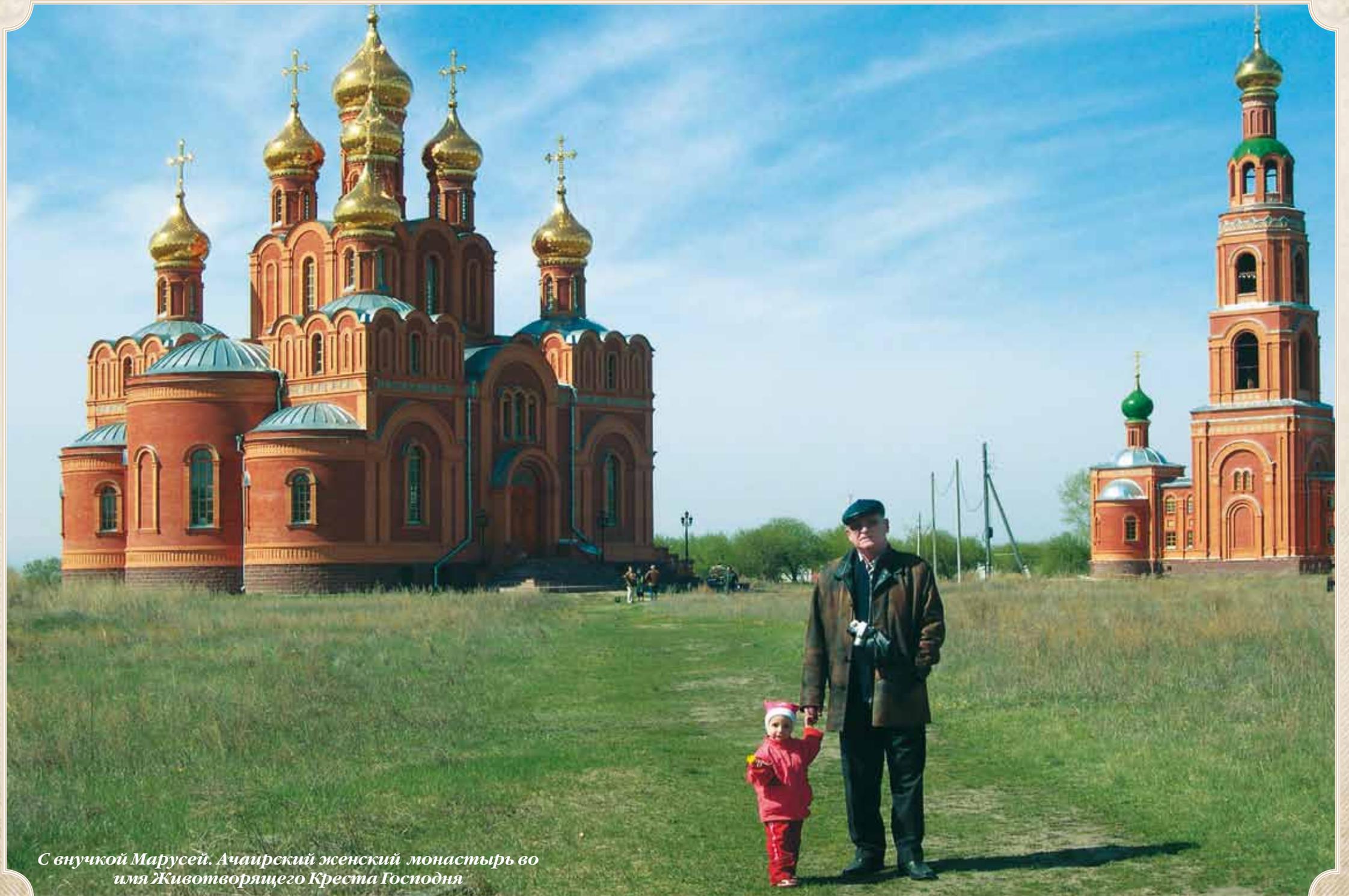
Сын Александр с женой Еленой

*Дочери Марина и Татьяна с детьми Дмитрием и Дашей.
В центре – любимый дедушка Коля*

С внуками Митей и Дашей

С внучкой Марусей. Ачаирский женский монастырь во имя Животворящего Креста Господня

Каково проживешь, таково и прослывешь.

Душа всего дороже. Душа - заветное дело.

Какое дерево, таков и клин; каков батько, таков и сын.

Народные пословицы

Жизненный девиз Лыхенко:

«Не добьешься сегодня – не добьешься никогда!»

Заключение

ГОРЬКАЯ СЛАДОСТЬ БЫТИЯ

Что человек для мира? Отдельный человек с его радостями и бедами? Казалось бы, так себе - пылинка в Космосе. Что его жизнь по сравнению с Вечностью? Маленький проблеск света, искорка, пролетевшая по небу и истаявшая в мгновение ока. Вместе с этой искоркой растворяется во Вселенной его – человеческая вселенная, вмещающая огромный мир, состоящий из воспоминаний, встреч, любви, ненависти, запутанных и прямых дорог, накопленных знаний и опыта, благих и не очень свершений. Каждый из нас оставляет свой след на земле. У одного этот след бледный, едва заметный, у другого яркий, запоминающийся. И далеко не материальными благами можно измерить наследство. Слава доброго имени – это ли не лучшее наследство, которым можно и должно гордиться?! Добрая слава создается добрым трудом, приученностью к труду. Формирование характера идет постепенно, исподволь...

Однажды, вспоминая свое детство, Николай Дмитриевич сказал:

- Я любил бегать в колхозную кузницу и наблюдать ошиповку колес к бричкам, работу плотников и столяров. Запахи кузницы и столярки того времени помню и сейчас. Люди доброжелательные, работали дружно, часто с песнями, особенно хорошо звучали песни вечером, когда пели едущие с поля на лошадях. В колхозе стоял клуб, бывший сарай раскулаченного крестьянина Дворного, где сгинул этот человек, тогда не принято было интересоваться.

Николай Дмитриевич долго и упорно работал и продолжает работать. Он создал добрую славу своему роду, фамилии Лыхенко. Семеро братьев, две сестры – это Лыхенко, пятеро его детей – это Лыхенко. Молодая поросль – внуки – это тоже Лыхенко. «Николай Дмитриевич – старший брат моего мужа, – написала мне Тамара Николаевна Лыхенко. Он, как и положено старшему, оставляет на земле свои вехи, по которым еще долго будут учиться и жить другие. Я не могу понять, когда его мозг отдыхает от многочисленных забот? Когда он куда-либо уезжает, то обязательно позвонит, спросит: «Сколько выпало осадков в Екатеринославке?». Один человек – работник агрофирмы мне сказал: «Я за него молюсь». Дай Бог, Николай Дмитриевич, чтобы твое большое

сердце билось долго, долго. Надо отдать должное его жене – Светлане Алиевне, которая делит с мужем все его заботы. Николай Дмитриевич состоялся, как личность».

Семья Лыхенко, на мой взгляд, не только родные ему люди, а еще и те, кто бок о бок трудится с ним на протяжении десятков лет. Список таких обширен. Николай Дмитриевич помнит многих по имени-отчеству. Люди – его основной и неиссякаемый капитал. Именно их трудами под руководством Лыхенко создавалась и держится агрофирма, а ранее совхоз «Екатеринославский». Ныне современное агропредприятие ежегодно продает продукции на сумму более 150 миллионов рублей.

Он и теперь, когда, казалось бы, в механизме хозяйства все отлажено, ежедневно проводит планерки в 18 часов, успевая побывать до этого на всех важных объектах. Бюрократия прощала Лыхенко самые дерзкие планы – от строительства нового здания конторы до строительства 24-х экспериментальных домов, но «прощая», не забывала уязвлять его придирами. За право быть самим собой приходилось платить немалую цену: надо было не только удерживать хозяйство на достигнутых высотах, но и вести его дальше, приучая людей работать по-настоящему. Сколько их лыхенковских воспитанников разлетелось по свету? Некоторые, приезжая из Германии, жаждают с ним встречи. Эти встречи с прошлым и грустны, и дороги одновременно...

Звезды расположились так, что родился он под самым сильным и трудно познаваемым знаком – знаком Близнецов. Потому и трудно познаваем, что многогранен. Разбирается в искусстве не хуже, чем в тонкостях племенной работы с тонкорунной овцой. В чем секрет? Повидимому, в его тяге к познанию, в интересе к жизни и работе. Он творческий трудоголик. Если строить Дом культуры, то строить так, чтобы это был Дворец с наборным паркетом в зале бракосочетаний и прочими красотами, чтобы ничто не напоминало унылые типовые проекты, серость бытия. Сделать на отличку от всех – это в его характере, но это не дешевое тщеславие. Его отличие особого рода – бунтарское, протестное. Против обыденности, самодовольства. Он – сибиряк, но с европейским складом характера.

Вся его непохожесть – генетически унаследована от отца с матерью, от деда и прадеда, словом, от лыхенковского рода. Судьбе и Богу было угодно, чтобы дочь репрессированного вышла замуж за ярого поборника советской власти, организатора колхоза на Украине. От столь неожиданного соединения непростых характеров кто-то должен был родиться на особинку.

Родословное древо Лыхенко–Смешливых, которое мы второпях с Николаем Дмитриевичем набросали на листке, получилось ветвистым, уходящим корнями в 1847 год – год рождения прадеда Смешливого Платона Григорьевича, прожившего 105 лет! Это он подвинул на переселение в Сибирь свою семью. Могучий мужик мог запросто тягаться

силой с лошадей. И поныне в роду Лыхенко жива легенда о том, как дед Платон вытащил застрявший воз с сеном, приговаривая: «Бисов батька, где тут было кобыле вытягнуть, еле сам вытяг...».

Посаженное им в сибирской земле древо стало давать побег: появились на свет дети, внуки, правнуки. Смешливый Емельян – сын Платона и дед Николая Дмитриевича – стал отцом Анастасии, Павла, Ивана и Александра. В 1934 году Емельяна расстреляли за принадлежность к Крестьянской партии, в семейном альбоме Лыхенко осела справка о его реабилитации. Государство признало, что ошибочка вышла, извините. Иван и Александр Смешливые сложили свои головы на фронте. В 1944 году пришло известие о смерти отца Николая Дмитриевича – Дмитрия Александровича...

Если сравнить Лыхенко с дирижером большого оркестра, то это будет очень строгий дирижер, улавливающий мгновенно фальшивые ноты.

В 1994 году, занимая должность заместителя главы администрации области и начальника управления сельского хозяйства и продовольствия, он посетил тогдашнего председателя Омского филиала Инкомбанка с надеждой, что председатель заинтересуется инвестициями в сельское хозяйство. Лыхенко убежденно доказывал банкиру, как можно добиться высокой производительности, отдачи от земли, вложив в сельское хозяйство средства. Он еще не догадывался, что говорит с человеком другой формации, для которого проблемы селян были далекими. Куда ближе казались облигации Государственных казначейских обязательств, по которым банк имел доходность в 150 процентов годовых.

- Зачем и для чего нам вкладывать деньги в село? – спрашивал банкир умудренного жизнью земледельца, заранее зная ответ на свой вопрос.

Видимо, желая сгладить неприятный осадок от встречи, банкир решил подарить Николаю Дмитриевичу сувенир – наручные часы. Такие часы были припасены у него для важных персон.

Барским жестом протянул он свой презент Николаю Дмитриевичу, ожидая, если не похвалы, то простого «спасибо».

Лыхенко же, оскорбленный непониманием, демонстрацией превосходства, едва сдержался, чтобы не наговорить грубостей, и наскоро попрощавшись, покинул кабинет, оставив банкира недоуменно стоять с часами посреди роскошного кабинета. Грянувший через четыре года дефолт смыл банк в Лету, рассеял его топ-менеджеров по России, Америке и Израилю, а Николай Дмитриевич вернулся в Екатеринбург, к родной земле.

Вернулся и поразился размаху растащивки. Продолжалось «все вокруг колхозное, все вокруг мое», а значит, ничье. Чувство собственника, отбитое у народа многолетними экспериментами, никак не приживалось. Он запретил в агрофирме слово «хозрасчет», как оскверненное понятие, так и не впитавшееся в плоть и кровь рабочих. Не хозрас-

чет, а экономическая самостоятельность. Совершенно случайно под Питером нашли интересное хозяйство – «Ручьи», как по заказу отвечавшее устремлениям Лыхенко. Связались с его директором А.Г. Трофимовым, и вот уже на столе Николая Дмитриевича книга Трофимова «Реформирование многоукладной экономики сельского хозяйства Северо-западного региона России». Прочитав ее, он еще больше укрепился в мысли: курс выбран правильный. Нашлись новые ключики к неразрешимым проблемам, хозяйство зашевелилось. Бригады самостоятельных подразделений стали отчитываться лично ему ежедневно, а он четко отслеживает всю экономику обширного хозяйства.

Как-то на встрече у заместителя министра сельского хозяйства в Москве, тот спросил Лыхенко:

- Есть ли кому работать на селе?

Николай Дмитриевич ответил прямо:

- Есть, но их все меньше и меньше.

Зам. министра задумался и спросил, – Что же делать?

- Будем приучать людей к умению зарабатывать, – ответил генеральный, – к умению производить выгодную продукцию.

На том и расстались. Зам. министра занялся своими делами, а Николай Дмитриевич своими, понимая, что никто кроме нас самих Россию не поднимет. В который раз он убедился, что можно рассчитывать только на собственные силы и трудолюбие земледельцев, животноводов, рабочих агрофирмы.

Он ни от кого и ничего не ждет, привык опираться на самого себя и небольшой круг единомышленников, в число которых можно смело зачислить супругу Светлану Алиевну, умело создающую благотворную атмосферу в большой семье.

ИМЯ ЛЫХЕНКО было и есть на слуху, оно всегда в ореоле авторитета, какие бы должности не занимал этот человек. Причина столь завидного веса в характере моего героя: умен, настойчив, имеет собственное мнение, дипломатичен, легок в общении, особенно, когда чувствует интерес к собеседнику, к тому же прагматик – семь раз отмерит, прежде чем отрежет. Все это составляющие одного таланта, таланта современного руководителя, какая бы эпоха не стояла на дворе. Когда-то в своих воспоминаниях он написал:

- Теперь и легче, и в то же время труднее давать оценки пройденного с 1962 года. Легче потому, что многое из недоступной для нас информации тогда и появившаяся возможность сейчас, по-новому высвечивают те события, нередко заставляя переосмысливать сделанное. Отдельные сомнения правильности выбранной дороги тогда, перерастают сейчас в стойкое убеждение о неизбежности краха политической и экономической систем того времени.

Труднее потому, что сам был активнейшим участником этого процесса. Более тридцати лет неустанный труд ежедневно изо дня в день по 12-18 часов в сутки, используя в год выходных дней максимум одну треть от положенных трудовым законодательством. Помню, в первый трудовой отпуск пошел после трех лет работы и тот был отравлен страшной, небывалой засухой 1965 года, когда две трети посевов в поле были списаны. Трудно и потому, что страшно становится за отечество, когда созданные большим трудом масс людей материальные ценности, производственные помещения, станки и машины, объекты социальной сферы и многое, и многое другое, что именовалось народным достоянием, сейчас растаскивается, портится, пропадает, гибнет. Приходят в запустение поля, снижается продуктивность пашни, падает катастрофически поголовье животных и продуктивность их, что отнюдь не создает объективной возможности экономического выживания, становления и развития. Нет ни национальной идеи, ни идеологии реформ. Демократы начали ничуть не лучше, чем большевики в 17-м, «... до основания мы разрушим». А надо ли все разрушать, этим вопросом никто не задается. Чье-то проклятие висит над нами и уже целый век.

Когда-то на приусадебном участке Николай Дмитриевич посадил два дубка. Один погиб, а другой прижился. Однажды после бури хозяин проверил, жив ли его любимец. Соседнее дерево, поваленное ветром, едва не сломало дубок. Николай Дмитриевич бережно перебинтовал вершину, а через некоторое время рана на деревце затянулась. Шумит дубок резными листьями...

P. S.

Размышления директора всегда публицистичны. Помнится, в начале перестройки, когда еще задували ледяные ветры цензуры, Лыхенко принес к нам в редакцию объемную статью о проблемах сельского хозяйства, о том, как мешают работать всякого рода указчики. Материал вызвал большой интерес, но были и такие мнения: «Что ему надо? Зачем высовывается?». У кого-то его образ действий, его взгляды вызывают неприятие. А то и антипатию, но трижды была права его мать – он не научился подстраиваться под чьи-то мысли и держать руки по швам. В этом Николай Дмитриевич постоянен как никогда.

Статья Н.Д. Лыхенко «Мы живем в аномальной стране» была опубликована в газете «Ленинец» 16 июня 1993 года (№. 46). То есть 16 лет назад. Она – словно слепок с того времени – времени надежд и не наступивших разочарований. Со всем талантом публициста Николай Дмитриевич пишет о наболевшем. Многие мысли, высказанные автором тогда, и сегодня не утратили своей актуальности, а отдельные выводы стали провидческими (публикуются выдержки из статьи).

Сельское хозяйство у нас, будто губка, впитало все исправления нашей экономики, а руководителям отрасли свойственно идеализировать. Недавно принимал участие в работе семинара и коллегии министерства в Москве и вынес оттуда мнение: не знаем мы и сегодня в абсолютном большинстве случаев истоков формирования сельского хозяйства, а не зная это, не можем и меры принимать по его стабилизации. Чем страдали прежние партийные структуры – так это завышением оценки своей деятельности. Чем это для них и нас всех обернулось – известно. **Как только власть поражает этот вирус, наступает застой, топтание на месте. Необходимо научиться объективно видеть себя со стороны. Пусть лучше эта оценка будет чуть ниже, но ни в коем случае ни на балл, ни на полбалла выше.**

Мы живем пока в аномальной стране, где все поставлено с ног на голову. Десятилетиями мы впустую перемалывали намного больше, чем это требовалось, ресурсов, обездоливая наследников и значительно ухудшая среду обитания людей.

Взятая на вооружение неразумная политика наращивания ресурсных объемов вместо поисков ресурсосберегающих технологий пагубно сказалась и на сельском хозяйстве: у нас преобладают искусственно созданные запретные технологии. Попробуйте сегодня отпустить цены на продукцию животноводства, сделать их паритетными с ценами на промышленную продукцию, и она станет не по карману подавляющему большинству населения, за исключением обеспеченного сегодня класса, который нарождается у нас в стране.

Если попытаться подвергнуть сравнению наше сельское хозяйство с западным, то надо будет сравнивать между собой еле перебирающего ногами пешехода и мчащийся автомобиль. Отстало наше сельское хозяйство от мирового весьма существенно.

Встает вопрос, как лечить эту болезнь, как поднимать, возрождать деревню. Локально в одной, отдельно взятой области это сделать невозможно.

На всех встречах мы говорим одно: как дороги сегодня наши сельхозмашины. Вот и на прошедших зональных совещаниях преобладал тот же мотив. Да нет же! Они у нас еще самые дешевые по сравнению с другими странами. Отдать миллион рублей за комбайн сегодня – это немного. Другое дело, что по качеству они уступают мировым образцам. Там техника много лучше, работает надежно.

Но там труд дороже. За него платят там дорого, как за технику. Мы же и плохо работаем, и ничего не платим за труд – заколдованный круг получается. Заплатить достойно не можем, не имеем возможности, а ждем хорошей работы. Затратность, отсталость в техническом и технологическом отношении – это первая болезнь нашего сельского хозяйства.

Второе – формы собственности. Во всем мире обработка земли основывается, и у нас основывалась до 1930 года, на частной собственности и мелком производстве. В Канаде 5 тысяч гектаров в фермерском хозяйстве, так вокруг него кормится человек двести, а у нас фермер пока потребляет сам и его семья все, что производят. Мы кричим, что по лоскуткам растаскивается земля в то время, когда во всем мире происходят интеграция, обобществление. На самом же деле мир не так уж богат крупным сельскохозяйственным производством.

Действительно, нельзя наделять землей всех подряд – ее следует давать только тому, в ком уверен, что он поставит дело лучше, чем в колхозе. Может, придется при этом вступить в спор с законами, указами и постановлениями. Что делать, если и они пока несовершенны, не всегда в ладах со здравым смыслом?

За семьдесят лет сложилась иная психология. И сегодня нужны терпеливые меры, настойчивая работа по углублению реформы – земельной и аграрной. В девяти случаях из десяти наши колхозы и совхозы стали акционерными обществами закрытого типа. Пока это смена вывески – не более того. Вторая фаза реформ – углубление, внутрихозяйственное реформирование – много сложнее. Предстоит разбить производство на отдельные самостоятельные участки, вывести их на собственные счета в банке.

Необходимо обдумывать программу лечения еще одной болезни – волевого размещения сельскохозяйственного производства. Как оно складывалось в стране? Десятилетиями формировалось сверху исключительно волевым методом и размещение заготовок. Если территория доводилась план заготовок какого-либо вида продукции, это значило, что необходимо сеять и выращивать именно эту культуру. Согласно цифрам, спущенным из столицы, согласно планам заготовок и складывалось размещение производства.

Наше сельское хозяйство затратно, поскольку не основано на использовании природных факторов микроразнообразия. В нашей области мы уткнулись в классические четыре природно-климатических зоны, хотя профессор Грабодоев говорил о 6-7 зонах, а не четырех. Председатель колхоза из Колосовки на зональном совещании правомерно поставил вопрос об отнесении Колосовского района к северной зоне, обосновывая удаленностью, отрезанностью, почвенной сходностью с северянами, климатом и трудностью добывать каждый килограмм хлеба, мяса, молока. А возьмите Тюкалинский район. Каких только почв здесь нет: и черноземы отмененные встречаются, и подзолистые, и солонцовые почвы, есть и такие, которые совершенно не пригодны для сельскохозяйственного использования! И подход, требования к ним должны быть различными.

Развитые страны мира последние десятилетия увеличивали производство продукции животноводства путем роста продуктивно-

сти животных. Мы же решили эту задачу исключительно за счет роста поголовья. Чтобы разместить скот, нам потребовались сотни миллиардов рублей на строительство коровников, телятников и свинарников. Ни одна экономика не может давать бесконечно средства на это. Мы все время молились на 3-4-тысячный рубеж надоев молока от коровы в год, но так и не достигли его, да и не могли достичь, ибо эта задача не вызывалась внутренней необходимостью, а мир ушел вперед на 5-6 тысяч килограммов и более.

Еще одна извечная наша болезнь – болезнь потерь. Она вызывается весьма несовершенной техникой, либо старой, разваливающейся на глазах, либо отсутствующей вовсе системой переработки.

Мы способны из молока изготавливать, в лучшем случае, 5-10 молочных продуктов, за рубежом – 50-60; из мяса – 5 видов колбас, там же – 100-120. В унисон с мировым сельским хозяйством мы построили большие птицекомбинаты и свиноводческие комплексы, и от этого крупно выиграли, но дело не довели до конца: не позаботились о переработке. Нет ее у нас в цивилизованном понимании, она отсутствует у нас напрочь.

Что делать сегодня? В стране должна быть создана система поддержки сельских товаропроизводителей. Но нельзя ждать от правительства всех средств, которые сегодня нам необходимы. Их просто нет. Долгое время экономика наша держалась на нефtedолларах. Почти все они были пожираемы двумя молохами в стране – ВПК и АПК; военно-промышленным и агропромышленным комплексами. Сегодня мы знаем, что на вооружение расходовались далеко не те средства, что публиковались в печати, а гораздо большие. И в полосу преобразований на селе надо было вступать много раньше. В 1985 году мы добывали нефти в полтора раза больше, чем теперь, и, естественно, реформирование тогда обошлось бы нам меньшей ценой.

Полосу лишений мы еще не преодолели. В еще более сложных, худших условиях мы окажемся, когда цены на энергоносители будут полностью отпущены и достигнут мирового уровня. Значит, надо направить усилия на комплексное техническое решение проблем, чтоб сократить затраты, увеличить производство, повысить его эффективность.

Без государственной поддержки, конечно, этой задачи не решить, без помощи нашему сельскому хозяйству не обойтись. Как не обходится без помощи оно и за рубежом.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	ДО БОЛИ СЕРДЕЧНОЙ	4
	МИССИЯ АГРОФИРМЫ	10
Глава 1.	ОТЦОВСКАЯ КРОВЬ	14
Глава 2.	КРАСНОЕ	34
Глава 3.	ХУТОР СМЫШЛЯЕВ	76
Глава 4.	ДЕЛО № 167	90
Глава 5.	ДОРОГА	104
Глава 6.	КРЕЩЕНИЕ	112
Глава 7.	СВЕТЛАНА	128
	Письмо	147
	Стекланный самолетик	149
Глава 8.	ДОРОГАЯ ЛЮДМИЛА ДМИТРИЕВНА...	154
Глава 9.	ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ОСОБОЙ ЗАКАЛКИ	164
Глава 10.	ДАЕТ КОРОВА МОЛОКО...	158
Глава 11.	ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ДРУГА	178
Глава 12.	ТРУДНЫЙ ХЛЕБ	200
Глава 13.	БАРАНИНА С ЧЕРНОСЛИВОМ	220
Глава 14.	КАК ЛЫХЕНКО В ПОЛИТИКУ ХОДИЛ	234
Глава 15.	ПЕРВАЯ СКРИПКА	244
Глава 16.	ПОСЛУШАЙТЕ...	252
Глава 17.	ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ	262
Глава 18.	МЕЧТА	276
Заключение	ГОРЬКАЯ СЛАДОСТЬ БЫТИЯ	328

ЛЫХЕНКО. Знакомый и.. незнакомый

Подписано в печать 15 мая 2009 года.
 Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Garamond.
 Усл. печ. л. 32,25. Тираж 300 экз. Заказ № 132063.
 Бумага мелованная, матовая 90 гр/м²
 Отпечатано в ООО «Омскбланкиздат»
 644007, г. Омск, ул. Орджоникидзе, 34

Дорога из детства. Рис. В. Чепенко

